

ISSN 2077-1770

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Modern Studies of Social Issues

WWW.SOC-JOURNAL.RU

**Том 12, № 1
2020**

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 12, № 1, 2020

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 12, Number 1, 2020

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 12, № 1, 2020, 324 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 12, Number 1, 2020, 324 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайқызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-14-24

УДК 80

**ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА XIX В.***Буданова Н.А.*

Цель. В статье выявлены и проанализированы лингвистические особенности медицинских текстов XIX в., основанные на лексико-семантическом анализе терминологической лексики, на основании чего изложены положения о состоянии научного стиля русского литературного языка XIX в.

Материалы. Материалом статьи послужили научные медицинские тексты XIX в., сохранившиеся в библиотеке Тверского государственного медицинского университета. Обращение к диахроническому аспекту обосновывается тем, что медицинская терминология данного исторического периода является наименее изученной в сравнении с современной медицинской терминологией.

Результаты. Сравнение языковых особенностей научного стиля двух исторических срезов (современного и XIX в.) выявило ряд произошедших исторических изменений, которые описаны в статье. Показаны и проанализированы произошедшие изменения в функции, форме и степени использовании латинского языка в русском научном медицинском тексте. Приведены данные о наличии в медицинской терминологии XIX в. стилистических синонимов, уменьшительных форм имен существительных, развернутых метафорических наименований, что указывает на незавершенность процесса формирования научного стиля языка. Личностный характер изложения научного материала в текстах XIX в., проявляющийся употребле-

нием вводных конструкций с использованием личных местоимений 1 л. ед. ч., в дальнейшем будет вытеснен отвлеченно-обобщенной манерой изложения современного научного текста. Строгий отбор языковых средств и тяготение к нормированной речи, не всегда соблюдавшиеся в текстах XIX в., станут обязательными в современных научных текстах, в том числе медицинских.

Область применения результатов. Данное языковое исследование позволяет дополнить информацию о периоде развития научного стиля в России в XIX в.

Ключевые слова: терминология XIX в.; медицинская терминология; научный стиль; лексическое значение.

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE NINETEENTH CENTURY MEDICAL TEXT

Budanova N.A.

Purpose. *The article identified and analyzed the linguistic features of medical texts of the XIX century based on lexico-semantic analysis of terminology, the results of the study making it possible to set forth provisions on the status of the scientific style of the Russian literary language of the XIX century.*

The material of the article was scientific medical texts of the XIX century preserved in the library of the Tver State Medical University. The appeal to the diachronic aspect is justified by the fact that the medical terminology of this historical period is the least studied in comparison with modern medical terminology.

Results. *A comparison of the linguistic features of the scientific style of the two historical sections (modern and XIX century) revealed a number of historical changes that have occurred, which are described in the article. The changes in the function, form, and degree of use of the Latin language in the Russian scientific medical text are shown and analyzed. Data on the presence of stylistic synonyms, diminutive forms of nouns, and expanded metaphorical names in medical terminology of the XIX*

century are presented. This indicates that the process of forming the scientific style of the language is incomplete. The personal character of the presentation of scientific material in texts of the XIX century, manifested by the use of introductory constructions using 1st person singular personal pronouns to be replaced in the future by the abstract-generalized manner of presentation of the modern scientific text. Strict selection of language means and the tendency to normalized speech, which were not always observed in texts of the XIX century, have become mandatory in modern scientific texts, including medical ones.

Practical implications. *This language study provides additional information about the period of MT development in Russia in the XIX century.*

Keywords: *terminology of the XIX century; medical terminology; scientific style; lexical meaning.*

Формирование научного стиля в России было связано с развитием национальной науки и относится к началу XVIII в. Именно в этот период Российская академия опубликовала ряд трудов на русском языке, а язык научных книг был самым обработанным и совершенным среди различных литературных жанров. Большинство исследователей считают, что научная медицина сформировалась в России в XVIII в.: образование русской научной медицинской школы и русской медицинской терминологии происходило на фоне создания учебных заведений с преимущественным преподаванием на русском языке, развития сети больниц в крупных городах, появления русской медицинской периодической печати и русских медицинских обществ [3, с. 65].

Анализу употребления терминологической лексики в медицинском тексте посвящено большое количество научных работ, основная часть которых основана на материале современных медицинских текстов. Работ в рамках исторического терминоведения значительно меньше, поэтому изучение научных медицинских текстов XIX в., сохранившихся в библиотеке Тверского государственного медицинского университета, способствует расширению представления о процессе развития научного стиля в русском литературном языке.

Основной особенностью текстов по медицине XIX в. является наблюдаемый на всех уровнях языка процесс отбора языковых средств, что указывает на продолжающееся развитие научного стиля в литературном языке. В данный исторический период в текстах встречается вариативное употребление терминологических единиц, общеупотребительных слов, синтаксических конструкций, даже написание некоторых терминов могло иметь несколько вариантов, что подтверждает общее представление о языковой системе языка как о постоянно развивающейся.

В XIX в. русский язык прочно вошел в медицинскую науку: издано большое количество переводных и оригинальных учебных пособий на русском языке, что способствовало переходу преподавания медицинских знаний на русский язык, в 1859-1860 гг. было разрешено защищать диссертации на русском языке. В то же время латинский язык продолжает активно использоваться в медицине: истории болезни пациентов пишутся на латинском языке, при недопонимании русскоязычных терминов врачи переходят на латинскую терминологию, особенно это остается актуальным в письменной речи. В медицинских текстах XIX века встречаются латинские слова, словосочетания и даже целые предложения, которые не переводились на русский язык, что в дальнейшем станет недопустимым в научном тексте. Например, «Способ происхождения *granulae* до самого последнего времени оставался совершенно неизвестным» [9, с. 342], «Можно предположить *invaginatio*, если у больного по временам отходят ветры или немного кишечных испражнений вместе с кровью» [1, с. 167]. Присутствие латинского языка является отличительной особенностью не только медицинского научного текста XIX в., но и современного, когда русскоязычные термины в скобках дублируются латинскими. Наиболее приближены к современному медицинскому тексту следующие примеры из текстов XIX в.: «Чирей (*fungunculus*), или веред, есть особенная воспалительная форма кожи, большею частью с типическим течением» [2, с. 256], «Удавкою (*paraphymosis*) называется такое состояние, когда слишком узкая, оттянутая за головку край-

няя плоть ущемляет мужской половой член» [10, с. 338]. Однако функция латинского языка со временем изменилась: если в XIX в. латинские термины были органично встроены в русскоязычный текст и обеспечивали точное его понимание, то в современной медицинской (чаще всего учебной) литературе латинский язык используется, скорее, исторически, с целью его сохранения как традиционного языка медицинской науки.

В медицинских текстах XIX в. слова могли употребляться в уменьшительной форме, что не характерно для научного стиля современного языка. Одновременное использование слов (*слезный мешок* и (*слезный*) *мешочек*, *кусок (кожи)* и *кусочек (кожи)*, *волокна* и *волоконца*, *клетка* и *клеточка*, *железы* и *железки*, (*сердечная*) *сумка* и (*сердечная*) *сумочка* и др. позволяет предположить, что вопрос кодификации терминов находился в процессе формирования. В современном научном языке уменьшительные формы слов не употребляются, если они не являются терминами.

Вопрос о метафоре и метафорических терминах в научных текстах остается обсуждаемым в современной лингвистике. Большинство авторов считают, что научный стиль языка подразумевает ясность и точность изложения информации, и для него не характерно использование различных приемов украшения речи. В то же время существуют работы, которые подтверждают необходимость и обоснованность употребления метафоры в современном научном тексте. В текстах XIX в. термины, образованные на основе метафорического переноса, встречаются часто, так как «приложение готовых языковых значений к новым образам – это и есть реальные процессы функционирования языка...» [11, с. 341]. Новые научные реалии медицины в XIX веке необходимо было описать существующими в языке средствами [4], поэтому появлялись такие наименования как *сердечная сорочка*, *студневидный жировик*, *ресничная луковича*, *жемчужная опухоль*, *прилипчивые болезни*, *лист кожи*, *гнилая кровь*, *губы раны* и т.д. В медицинских текстах XIX в. встречаются и развернутые сравнения, которые в современном научном тексте обычно не используются: «Этот период развития катаракты назы-

вается зрелостью, потому что в это время катаракта имеет сходство с зрелым плодом, заключенным в капсулу» [12, с. 434].

Наличие вводных конструкций для связи мыслей, последовательности их изложения, обозначения источника сообщения – характерная черта современного научного стиля. В медицинских текстах XIX в. они также встречаются, но имеют некоторые особенности: для обозначения источника сообщения используются личные местоимения 1-го л. ед. ч.: «На основании моих исследований я должен считать настоящую аденому грудных желез за весьма редкое явление» [2, с. 610], «Должен заметить, что диагноз Stark'a не был вполне верен» [1, с. 218]. Подобные примеры указывают на личностный характер изложения материала. В современной научной коммуникации крайне редко можно отметить обращение к этой форме, обычно ее вытесняет авторское мы или использование безличных предложений, пассивных оборотов, возвратных глаголов. Личностный характер изложения проявляется и в наличии комментариев врачей-переводчиков оригинальных текстов, приведении примеров из их собственной медицинской практики, выражении согласия или несогласия с позицией автора или с использованием тех или иных медицинских терминов: «Как я уже заметил раньше, название «неврома» часто употребляют для обозначения опухолей, встречающихся на нервах; если хотите, это злоупотребление, но его трудно искоренить» [2, с. 575].

Авторам и переводчикам учебных пособий по медицине XIX в. необходимо было подбирать русские слова, которые существовали в языке: это могли быть слова из обиходно-разговорного языка, из языка народной медицины или принадлежащие «высокому» стилю речи. Например, для обозначения частей тела человека в текстах встречаются следующие слова: *уста – губы, зеницы – глаза, перст – палец, ягодицы – задница, живот – брюхо, дитя – ребенок* и др. Такое одновременное использование стилевых синонимов подтверждает предположение о том, что к XIX в. процесс формирования медицинской терминологии не был завершен, а, значит, нельзя говорить и о завершенности формирования научного стиля русского литературного языка.

Процесс отбора относился не только к именам существительным, но и к другим частям речи. В следующих примерах отражается выбор глагола для обозначения определенного действия: «*Больного положить так, чтоб он упирался на локтях и коленях, помощник развлекает ягодицы*», «*При этом таз должен лежать на краю стола, бедра и голень согбенныя в коленях и разлученныя между собою, покоятся на представленных двух стульях или скамейках*», «*Оператор помещается между раздвинутыми бедрами, с одной или другой стороны больного*». В XIX веке все эти глаголы были синонимами («Развлекать ... развлекать, растаскивать... тащить врознь...» [4, с. 18]), но их использование в рамках научного стиля литературного языка не было определено более четко.

Рассматривая лексику медицинских текстов XIX в., можно выделить несколько групп слов с точки зрения их отношения к нормам современного русского литературного языка. Первая группа слов (самая многочисленная) – это слова, которые сохранились без каких-либо изменений. Ко второй группе можно отнести слова, которые не вошли в толковые словари современного русского языка (*разнствовать, споспешествовать, особливо* и др.), и поэтому они не употребляются в текстах научного стиля. Третья группа – это слова, которые в современном толковом словаре русского языка имеют стилистические пометы: они относятся к высокому стилю речи (*согбенный, отворотить* и др.), являются книжными (*забвение, извергнуть, низвергнуть, побудить, явствовать* и др.), устаревшими (*зеница, наипаче, врачевать, дитя, отлагать, должно* и др.) или просторечными (*задница, брюхо, худой* в значении *плохой* и др.), но в научном стиле также не употребляются. Значение этих слов обычно понятно современному читателю еще и потому, что они встречаются в языке классических художественных произведений XIX в.

Отдельно можно выделить слова (это четвертая группа, самая многочисленная), которые сохранились в современном литературном языке, но изменили лексическое значение (*героические лекарства, возвышенная температура, худые последствия, прилипчивые болезни* и т.д.), в связи с чем могут вызвать у читателя некоторое недопонима-

ние. Например, словосочетание «различные *местности тела*» в XIX в. имело значение «*состоянье, положенье места, местоположенье*» [6, с. 370]. В словосочетаниях «*приличный скальпель*», «*приличное место*» прилагательное *приличный* употребляется в значении «приличный чему, кому, соответственный, сообразный» [7, с. 423]. Современному читателю при обращении к медицинским текстам XIX в. необходимо учитывать исторические изменения, которые произошли в значении некоторых слов, потому что «как название, как указание на предмет, слово является вещью культурно-исторической» [5, с. 21].

На основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод: такие стилевые черты современной научной речи, как логичность, строгость изложения, точность, ясность, объективность, интеллектуальность, монологический характер, присутствуют в медицинских научных текстах XIX в. Однако другие критерии, такие как строгий отбор языковых средств, тяготение к нормированной речи, сжатость изложения и отвлеченно-обобщенная манера изложения, в указанный исторический период соблюдались не всегда.

Список литературы

1. Альберт Э. Диагностика хирургических заболеваний. 20 лекций доктора Э. Альберта Ординарного профессора хирургии и директора клиники Венского университета. Перевод со 2-ого немецкого издания. С.-П., 1882. 480 с.
2. Бильрот Т. Общая хирургическая патология и терапия в пятидесяти лекциях. Руководство для учащихся и врачей. Перевод с 11 немецкого издания (1883 г.) д-ра Д.Г. Фридберга. С.-П.: Издание А.С. Суворина, 1884. 686 с.
3. Буданова Н.А. Развитие медицинской терминологии в русском литературном языке второй половины XIX века (на материале названий болезней): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тверь, 2018. 230 с.
4. Буданова Н.А. Терминологизация как один из способов пополнения медицинской терминологии в русском языке XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2015. № 3. С. 298–302.

5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
6. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2 (И – О). М.: Русский язык, 1979. 779 с.
7. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3 (З – П). М.: Русский язык, 1980. 555 с.
8. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4. М.: Русский язык, 1980. 683 с.
9. Лингарт. Руководство к оперативной хирургии проф. Лингарта, перевели с немецкого и издали прозектор Императорского Сосковского Университета М.А. Белин и ординатор хирургической госпитальной клиники М.П. Вишневский. Том 1. Книга первая и вторая. Издание второе. М.: Типография А. Гатцука, на Кузнецком мосту, д. Торлецкого, 1880. 750 с.
10. Оперативная хирургия, со включением хирургической анатомии и учения об инструментах. Обработана Д-ром Г.И. Агатцом. Перевели А. Ильинский и Н. Гейнац. Т. II. С.-П.: Издание М.О. Вольфа, 1863. 370 с.
11. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. М.: Наука, 1977. С. 123–137.
12. Ходин А.В. Практическая офтальмология. Руководство для врачей и студентов. Сост. д-р мед. А. Ходин, прив.-доц. офтальмологии и ассист. офтальмол. клиники мед.-хирург. акад. С.-П.: Гл. воен.-мед. упр., 1879. 869 с.
13. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы латинской терминологии: учебник. М.: ЗАО «ШИКО», 2007. 448 с.
14. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. № 5. М.: Наука, 1984. С. 76–87.
15. Язык и стиль научного изложения: Лингвометод. исслед.: Сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз.: Редкол.: М.Я. Цвиллинг (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1983. 272 с.

References

1. Al'bert E. *Diagnostika khirurgicheskikh zabolevaniy. 20 lektsiy doktora E. Al'berta Ordinarnogo professora khirurgii i direktora kliniki Vensk-*

- ogo universiteta. Perevod so 2-ogo nemetskogo izdaniya* [Diagnosis of surgical diseases]. S.-Peterburg, 1882. 480 p.
2. Bil'rot T. *Obshchaya khirurgicheskaya patologiya i terapiya v pyatidesyati lektsiyakh. Rukovodstvo dlya uchaschikhhsya i vrachey. Pervod s 11 nemetskogo izdaniya (1883 g.) d-ra D.G. Fridberga.* [General surgical pathology and therapy in fifty lectures]. S.-Peterburg, Izdanie A.S. Suvorina, 1884. 686 p.
 3. Budanova N.A. *Razvitie meditsinskoy terminologii v russkom literaturnom yazyke vtoroy poloviny XIX veka (na materiale nazvaniy bolezney): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01.* [Development of medical terminology in the Russian literary language of the second half of the XIX century (based on the names of diseases)]. Tver', 2018. 230 p.
 4. Budanova N.A. *Terminologizatsiya kak odin iz sposobov popolneniya meditsinskoy terminologii v russkom yazyke XIX veka* [Terminologization as one of the ways to add medical terminology in the Russian language of the XIX century]. Tver'. 2015. № 3, pp. 298–302.
 5. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. M.: Rus. yaz., 2001. 720 p.
 6. Dal' V.V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T.2.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. M.: Russkiy yazyk, 1979. 779 p.
 7. Dal' V.V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T.3.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. M.: Russkiy yazyk, 1980. 555 p.
 8. Dal' V.V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T.4.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. M.: Russkiy yazyk, 1980. 683 p.
 9. Lingart. *Rukovodstvo k operativnoy khirurgii prof. Lingarta, pereveli s nemetskogo i izdali prozektor Imperatorskogo Soskovskogo Universiteta M.A. Belin i ordinator khirurgicheskoy gospiatal'noy kliniki M.P. Vishnevskiy. Tom 1. Kniga pervaya i vtoraya. Izdanie vtoroe.* [Guide to operative surgery]. Moskva, tipografiya A.Gattsuka, na Kuznetskom mostu, d. Torletskogo, 1880. 750 p.
 10. *Operativnaya khirurgiya, so vklyucheniem khirurgicheskoy anatomii i ucheniya ob instrumentakh. Obrabotana D-rom G.I. Agattsom. Pereve-*

- li A. Il'inskiy i N. Geynats. T. II.* [Operative surgery, including surgical anatomy and teaching about tools]. S.-Peterburg, Izdanie M.O. Vol'fa, 1863. 370 p.
11. Teliya V.N. *Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy. Yazykovaya nominatsiya.* [Secondary nomination and its types. The language nomination]. M.: Nauka, 1977, pp. 123–137.
 12. Khodin A.V. *Prakticheskaya oftal'mologiya. Rukovodstvo dlya vrachey i studentov.* [Practical ophthalmology. Guide for doctors and students]. S.-Peterburg: Gl. voen.-med. upr., 1879. 869 p.
 13. Chernyavskiy M.N. *Latinskiy yazyk i osnovy latinskoj terminologii: uchebnik.* [Latin language and the basics of Latin terminology: a textbook]. M.: ZAO «ShIKO», 2007. 448 p.
 14. Shelov S.D. *Terminologiya, professional'naya leksika i professionalizmy: (k probleme klassifikatsii spetsial'noy leksiki)* [Terminology, professional vocabulary and professionalism: (on the problem of classification of special vocabulary)]. // *Voprosy yazykoznanija.* № 5. M.: Nauka, 1984, pp. 76–87.
 15. *Yazyk i stil' nauchnogo izlozheniya: Lingvometod. issled.: Sb. st. / AN SSSR, kaf. inostr. yaz.: Redkol.: M.Ya. Tsvilling (otv. red.) i dr.* [Language and style of scientific presentation]. M.: Nauka, 1983. 272 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Буданова Наталья Александровна, ассистент кафедры русского языка, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО Тверской государственный медицинский университет Минздрава России
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
fraubudanova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Budanova Natalia Aleksandrovna, assistant, Department of Russian language, Ph.D. in Philology
Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
fraubudanova@yandex.ru
ORCID: 0000-002-9133-3235

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-25-37

УДК 811.11'255.4:82 - 9

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вержинская И.В., Николаева Д.И.

Цель. Статья посвящена исследованию маркеров экспрессивности текстов оригинала и перевода научно-популярной литературы. Предметом исследования выступают лексико-грамматические конструкции научно-популярного текста. Авторы ставят целью выявить и сопоставить тексты оригинала и перевода конструкций, чей экспрессивный потенциал помогает реализовывать когнитивную функцию научной информации.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ, теоретический анализ литературных источников, обобщение и систематизация. На примере научно-популярной книги «Большое космическое путешествие» Н.Д. Тайсона исследователями устанавливаются сходства и различия экспрессивных конструкций в оригинале и в переводе.

Результаты. На основе проведённого анализа установлено, что переводчик адаптирует текст перевода под нормы и культуру переводящего языка, при этом соблюдая структуру научного стиля и проявляя творческие способности. Экспрессивный потенциал текста может выразиться в массе грамматических конструкций, языковых средств, в юморе, отступлениях от темы и прочих стилистических особенностях, которые исследуются в работе.

Область применения результатов. Результаты могут быть применены в курсах и лекциях по теории перевода, а также в самом процессе переводческой деятельности, поскольку структура текстов научно-популярного стиля не исключает элементы вариативности.

Ключевые слова: научно-популярный стиль; интеллектуальная экспрессия; речевой оборот; усилительное наречие; разговорная речь; юмор; вводная конструкция; эмфатическая конструкция; интенсификатор.

INTELLECTUAL EXPRESSION INTENSIFIERS IN POPULAR SCIENTIFIC LITERATURE TRANSLATION TEXTS

Verzhinskaya I.V., Nikolaeva D.I.

Purpose. *The article is devoted to the research of expression markers in the original and translation texts of popular scientific literature. The subject of analysis is lexical and grammatical constructions of a popular scientific text. The authors aim to identify and compare the original and translation texts of constructions the expressive potential of which helps to actualize the cognitive function of scientific information.*

Methodology. *The research is based on the following methods: the comparative analysis, theoretical analysis of literary sources, generalization and systematization. The researchers establish similarities and differences in the original and translation texts of expressive constructions using Welcome to the Universe by N.D. Tyson as an example of a popular scientific book.*

Results. *On the basis of the analysis performed, it was established that the translator adapts the text to the norms and culture of the target language while complying with the scientific style's structure and showing creative abilities. The expressive potential of the text may be found in many grammatical constructions, language means, humor, off tops and other stylistic peculiarities which are examined in the article.*

Practical implications. *The results may be applied in the special courses and lectures of the translation theory, as well as in the translation process itself, since the structure of the popular scientific texts may include variable elements.*

Keywords: *popular scientific style; intellectual expression; trope; intensifying adverb; colloquial speech; humor; parenthetical clause; emphatic construction; intensifier.*

Статус стиля научно-популярной литературы в списке функциональных стилей достаточно противоречив: одни учёные (И.В. Арнольд, В.В. Виноградов, И.С. Алексеева) склоняются к тому, что научно-популярный стиль является подстилем научного [3, с. 320; 5, с. 16; 1, с. 265]. Другие (Н.Н. Маевский, Э.А. Лазаревич) считают, что это обособленный и автономный стиль [10, с. 20; 9, с. 181]. Третьи (Г.Ю. Гришечкина) объявляют его «межстилевым», находящимся на периферии научного, публицистического и художественного стилей [6, с. 12]. Следовательно, единое мнение по этому вопросу отсутствует, поскольку научно-популярная литература только начинает свою монополизацию, постепенно приобретая автономность.

Занимательность научно-популярной литературы должна быть её сущностью и подлинным содержанием [12, с. 28]. Научно-популярный стиль отличается увлекательной манерой повествования, живой формой изложения с присущими ей фактическими материалами и разнообразием языковых средств. Авторы информируют своих читателей, широкий круг лиц, так или иначе заинтересованных в теме исследования, но не имеющих специальных знаний, прибегая к такому явлению, как *экспрессия*.

Под экспрессией понимается выразительно-образное качество речи, придающее ей образность и эмоциональную окрашенность [4, с. 515]. Именно эмоционально окрашенная информация способствует реализации когнитивной функции, свойственной для любого научного текста. Научно-популярная литература – это, прежде всего, научный текст, поэтому его целью служит передача знания в лаконичной, доступной и интересной форме, за что и отвечает экспрессивная составляющая.

Когнитивный и эмотивный аспекты научного знания взаимосвязаны и предполагают друг друга. Понимание смысла какого-либо высказывания лежит в сфере аффекта, проходя через который, оно становится достоянием интеллекта [8, с. 39]. Однако в научном тексте выразительность приобретает специфический, свойственный только ей характер, который принято называть *интеллектуальной экспрессией*.

По Н.В. Данилевской, *интеллектуальной экспрессией* является поиск автором реализации научного знания и способов его адекватного оформления в тексте [Там же]. Она включает в себя все познавательные действия логико-смыслового и эмоционально-экспрессивного плана, самостоятельно отобранные автором. В каждом конкретном отрезке текста любое познавательное действие становится познавательной оценкой, поскольку выбирается автором и проходит через его интеллектуально-духовную мыслительную деятельность [7, с. 87].

Именно поэтому интеллектуальная экспрессия так важна для переводческой деятельности: переводчик не только переводит обширный с точки зрения языковых средств научно-популярный текст, но и опирается на свою интеллектуальную мыслительную деятельность, отбирая необходимые грамматические и лексические средства для адекватного перевода.

На примере перевода научно-популярной книги Н.Д. Тайсона, Дж. Р. Готта и М.А. Стросса «Большое космическое путешествие» мы проанализировали основные маркеры экспрессивной составляющей текста.

Речевые обороты, включающие в себя различные виды образного употребления слов или словосочетаний, и облегчающие восприятие фактической информации за счёт живого и запоминающегося изложения, составили группу наиболее часто встречаемых маркеров интеллектуальной экспрессии научно-популярных текстов.

Текст наполнен огромным количеством метафор, таких как: *universe was a hot, seething cauldron* [15, с. 25] – *вселенная была жарким, кипучим котлом* [14, с. 21]; *to be on a one-way trip* [15, с. 25] – *катится к концу* [14, с. 21]; *downgraded Pluto's planetary status* [15, с. 46] – *разжаловали Плутона в один из плутоидов* [14, с. 38]; *by placing the Sun* [15, с. 49] – *поместив солнце* [14, с. 41] и многих других.

Что особенно ярко прослеживается в текстах, описывающих астрономические явления, это то, что авторы часто применяют речевые обороты вместе с названиями небесных тел. Переводчик использует как полные или частичные переводы, так и меняет

внешнюю оболочку высказывания (*катиться к концу – a one way trip, разжаловать во что-то – to downgrade smth*), оставляя то же значение.

В текстах научно-популярного стиля встречаются также фразеологизмы: *get all that off my chest* [15, с. 23] – *выговориться* [14, с. 20]; *there goes your money* [15, с. 36] – *влететь в копеечку* [14, с. 31]; *spent an hour* [15, с. 40] – *битый час* [14, с. 33]; *to be a couch potato and not budge* [15, с. 51] – *лежишь себе на диване и не рыпаться* [14, с. 42].

Во всех случаях перевода вышеуказанных фразеологизмов мы имеем их ассоциативную схожесть, вследствие чего переводчик заменил образ высказываний с сохранением их семантической близости: где-то добавил выразительности (потратил не просто час, а *битый час*; не просто не двигался, а не *рыпался*), где-то подобрал аналог (*влететь в копейку*), где-то устоявшееся *couch potato* передал описательным переводом.

Сравнение является одним из самых часто встречающихся тропов в научно-популярном тексте. Конкретно в анализируемой книге исследуется космос, поэтому размеры небесных тел, их движение, температуры и прочее постоянно подвергаются сравнению, чтобы читатель мог сравнить ту или иную характеристику со знакомым понятием или явлением. Сравнение значительно облегчает понимание и не имеет трудностей при переводе.

Например: *Mars orbits more slowly, like a slower racecar* [15, с. 41] – *Марс вращается медленнее, словно это болид* [14, с. 34]; *gravity for a spherical object (like Earth)* [15, с. 60] – *гравитация шарообразного тела (например, Земли)* [14, с. 50]; *like a lighthouse* [15, с. 162] – *подобно маяку* [14, с. 135]; *as a planetary geologist* [15, с. 180] – *специализируюсь на геологии планет* [14, с. 151].

Интенсификаторы или усилительные наречия (*very, extremely, drastically, strongly, even, ever, etc.*) также придают эмоционально-экспрессивную окраску тексту: *to be extremely weak* [15, с. 414] – *должно быть чрезвычайно слабым* [14, с. 355]; *radiating strongly in the infrared* [15, с. 85] – *«ярко светят» в инфракрасном спектре*

[14, с. 72]; *the story changes drastically* [15, с. 293] – *ситуация радикально изменилась* [14, с. 251].

Отдельно стоит выделить употребление сравнительной и превосходной степеней прилагательных, благодаря которым автор также усилил вводимую им информацию: *with greater precision* [15, с. 302] – *с ещё более высокой точностью* [14, с. 260]. Переводчику необходимо было подчеркнуть интенсивность признака, вследствие чего в переводе мы получаем усилительное *ещё более*.

Риторические вопросы и восклицания являются важными интенсификаторами интеллектуальной экспрессии научно-популярной литературы, поскольку одной из её главных особенностей является обращение автора к читателю. С помощью вопросов автор подводит читателя к особо важной информации и с помощью восклицаний задерживает его внимание на какой-либо характеристике.

При переводе подобного рода предложений переводчик отошел от норм исходного языка, поскольку английский язык характеризуется строгим порядком слов и большей категоричностью нежели русский: *Bill Gates? What's he up to?* [15, с. 17] – *Билл Гейтс – знаете такого?* [14, с. 14]; *Will you get to Chicago?* [15, с. 17] – *Как думаете, до Чикаго доберётесь?* [14, с. 15]; *I often ask myself, what revolutions await us in the next several decades?* [15, с. 116] – *Иногда я задаюсь вопросом: а какие революции ждут нас в следующие несколько десятилетий?* [14, с. 99].

В тексте встречается большое количество восклицаний: *Try the experiment yourself!* [15, с. 59] – *Можете попробовать сами!* [14, с. 49]; *The radius of the cooler star with the same luminosity as the Sun is 9 times that of the Sun!* [15, с. 94] – *Радиус более холодной звезды в 9 раз больше, чем у Солнца!* [14, с. 80]. В данном случае автор с юмором повествует о будущем высыхания Земли, которая нагреется до такой степени, что со временем испарится, а после желает “*Have a nice day!*” [15, с. 26] читателю.

Комизм и разговорный сленг – ещё две составляющие экспрессивного потенциала научно-популярного текста. Автор создает комическую ситуацию там, где излагается научное знание, фактическое, абсолютно точное и не подверженное сомнению.

Юмористическая составляющая подобного типа текстов не изобилует национальными элементами, поскольку юмор в научном изложении нужен лишь для достижения эмотивного эффекта, подведения читателя к какой-либо информации. С точки зрения интеллектуальной экспрессии переводчик здесь не ограничен в приёмах, поскольку анекдоты не всегда удается перевести так, как если бы они оказывали два одинаковых эффекта в культуре исходного и переводящего языка.

Юмористическое в текстах исследуемого стиля выражается в форме просторечий и авторских вставок. Так, например, сленговое слово *badass* в предложении *Kepler was badass* [15, с. 47] переводчик переводит как «*нереально крут*» [14, с. 39]. Учитывая множество значений этого слова, в том числе и актуализирующих собой единицы сниженной лексики, и опираясь на то, что автор восхищается гениальностью Кеплера, следует отметить, что такой вариант перевода точно передаёт авторскую мысль на русском языке.

Рассказывая о фазах луны, автор сравнивает полумесяц с *little smidgen* [15, с. 39], что в переводе звучит как *тонюсенький серпик* [14, с. 32]. Уменьшительно-ласкательный суффикс служит для передачи ничтожно малого размера лунного серпа при определённой фазе луны.

Вводные конструкции и связки обеспечивают логичность и линейность изложения научного знания, и одновременно с этим эмоционально облегчают восприятие материала за счёт всё той же ориентированности на ход мыслей читателя. При переводе вводных конструкций переводчику стоит базировать свой перевод не на устоявшихся для научного стиля маркерах, а на связи с духовным миром читателя: *as unsettling as it may be* [15, с. 25] – *конечно, я вас не обрадую* [14, с. 21]; *let me give you a sense of...* [15, с. 21] – *давайте побеседуем и о...* [14, с. 18]; *It's as if...* [15, с. 112] – *представьте себе, что...* [14, с. 96]; *but we'd like to understand* [15, с. 150] – *но я хотел бы рассказать* [14, с. 127] и многие другие.

В том числе стоит обратить внимание на парентетические конструкции. Они уточняют непонятную для читателя информацию, например, сложные термины или незнакомые явления. При пе-

реводе их следует сохранять, так как могут возникнуть затруднения в понимании у читателя: ...*measuring these fluctuations (or anisotropies, in the jargon)* [15, с. 302] – ...*измерять такие флуктуации (или, на научном языке, анизотропию)* [14, с. 260].

Отдельный пласт информации эмоционально-экспрессивного аспекта научно-популярной литературы составляют **отсылки**. Учитывая тот факт, что для передачи их в переводящем языке нет определённых требований, всё же стоит упомянуть, что если в принимающей культуре человек или явление не пользуются популярностью, то следует прибегнуть к переводческому комментарию или дать объяснение в двух словах в тексте. В «Большом космическом путешествии» информация об авторах, таких как, например, И. Ньютон, К. Саган, А. Эйнштейн, А. Гитлер) и общественных явлениях (Контакт (1997), Властелин колец, История игрушек) либо объясняется в тексте, либо заранее известна, либо же вынесена в качестве переводческого комментария.

Эмфатические конструкции английского языка заведомо включаются в повествование, чтобы привлечь внимание к какой-либо детали или подчеркнуть информацию там, где это необходимо. При переводе подобных конструкций необходимо обратить внимание на адекватную передачу как семантической, так и эмоциональной составляющей текста [11, с. 279]. Как правило, их переводят с помощью функциональных замен, компенсации или сглаживания нейтральной окраски: *but they do make it more difficult for life to evolve* [15, с. 197] – *но наверняка значительно усложнят ее развитие* [14, с. 168]; *what they really want to do is lose mass* [15, с. 62] – *на самом деле он хочет сбавить собственную массу* [14, с. 51].

Так, на основе рассмотренных нами интенсификаторов интеллектуальной экспрессии мы пришли к выводу, что переводчик сохранил ту же структуру и валюативность маркеров экспрессии в тексте перевода, применив экспрессивные конструкции, свойственные переводящему языку. Так, например, И.С. Алексеева выделяла следующие особенности научно-популярного текста: приведение автором примеров из жизни, повествование от первого лица, эмо-

ционально окрашенная лексика, использование инверсии, добавление в текст цитат из других источников, отступления от темы, привлекающие внимание заголовки и многое другое, что прослеживается как в тексте оригинала, так и в тексте перевода взятой нами для анализа книги [2, с. 215]. Интеллектуальная экспрессия – выбор, который зависит от самого переводчика. Увлекательность, понятность и новизна содержания материала зависят от того, какими средствами переводчик пользуется для передачи информации с одного языка на другой.

Творческое мышление так или иначе включает в себя образные и эмоциональные компоненты [7, с. 88]. Как отмечает Н.К. Рябцева, «хорошая наука и хорошее изложение – почти одно и то же» [13, с. 43].

Безусловно, научно-популярная литература также пользуется средствами сугубо научного стиля: использование научных терминов, плотность информации, нейтральный фон литературной нормы языка и объективность изложения [1, с. 272–273]. Это также следует учитывать при переводе, чтобы не превратить научно ориентированный текст в публицистический. Публицистический текст характеризуется отсутствием направленности на *передачу знания* и *воздействия* на читателя, являющихся важными и одновременно выполняемыми функциями научно-популярной литературы.

В результате, мы обратились к понятию интеллектуальной экспрессии научно-популярного стиля, рассмотрев основные маркеры экспрессивной составляющей и их наглядный перевод. К основным маркерам или интенсификаторам текстов научно-популярной литературы относятся такие языковые и стилистические средства как речевые обороты, риторические вопросы, восклицания, вводные и эмфатические конструкции, отсылки, лексемы разговорного сленга, усилительные наречия, метафоры и сравнения. Основную группу приемов перевода маркеров интеллектуальной экспрессии текстов научно-популярной литературы составляют описательный перевод, переводческий комментарий, функциональная замена. Стоит отметить, что при переводе научно-популярного текста переводчик всегда

обязан ориентироваться на тот тип текста, который переводит: он должен иметь представление о стиле; знать его особенности и используемые языковые средства; выработать собственные шаблоны перевода; уметь ориентироваться в контексте и замечать отсылки, отступления и прочее, что может уклонить читателя от адекватного восприятия информации. Переводчик также должен владеть нормами языками и уметь выстраивать повествование так, чтобы оно не теряло своей логико-смысловой направленности и при этом эмоционально воздействовать на читателя. При переводе научно-популярных текстов переводчик должен ориентироваться на авторский стиль, апеллировать к сознанию читателя, выстраивать с ним диалог от лица автора, подбирать слова, которые смогут заинтересовать широкий круг читателей.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. Издательство: СПб.: Союз, 2001. 288 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. 10-е изд. М.: Флинта, 2010. 384 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 598 с.
5. Виноградов В.В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
6. Гришечкина Г.Ю. Некоторые особенности синтаксиса в научно-популярном тексте. Ученые записки ОГУ. Гуманитарные и социальные науки, 2009. С. 103–108.
7. Данилевская Н.В. Интеллектуальная экспрессия научного изложения: психолингвистический аспект. Социо- и психолингвистические исследования, 2018. В. 6. С. 83–89.
8. Данилевская Н.В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Н.В. Данилевская. Вестник ПГНИУ. Российская и зарубежная филология. Языкознание и литературоведение, 2013. В. 2. С. 37–42.

9. Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. 2-е изд., пер. и доп. М.: Наука, 1978. 224 с.
10. Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 1979. 25 с.
11. Печенкина А.Ю. Особенности передачи на русский язык эмоционально-образных средств в научно-популярной литературе. // Актуальные вопросы филологической науки XXI века, 2019. Ч.1. С. 277–281.
12. Романов Д.А. Научно-популярная литература: вчера, сегодня, завтра // Время науки, 2015. В. 4. С. 28–32.
13. Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: науч. докл. по опубликованным трудам, представленный к защите на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1996. 112 с.
14. Тайсон Н.Д. Большое космическое путешествие. Издательство Питер, 2018. 480 с.
15. Tyson N.D. Welcome to the universe: an astrophysical tour. Princeton: Princeton University Press, 2016. 441 p.

References

1. Alekseyeva I.S. *Vvedeniye v perevodovedeniye* [Introduction to translation studies]. Moscow: Akademiya, 2004. 352 p.
2. Alekseyeva I.S. *Professionalnyy trening perevodchika* [Professional translator training]. St. Petersburg: Soyuz, 2001. 288 p.
3. Arnold. I.V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English language]. Moscow: Flinta, 2010. 384 p.
4. Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 598 p.
5. Vinogradov V.V. *Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksiche-skiye voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow: Izdatelstvo IOSO RAO, 2001. 224 p.
6. Grishechkina G. Yu. Nekotoryye osobennosti sintaksisa v nauchno-populyarnom tekste [Some features of syntax in popular science text]. *Uchenyye zapiski OGU. Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 2009, pp. 103–108.

7. Danilevskaya N.V. *Intellectualnaya ekspressiya nauchnogo izlozheniya: psikholingvisticheskiy aspekt* [Intellectual expression of scientific presentation: psycholinguistic aspect]. *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya*, 2018. V. 6, pp. 83–89.
8. Danilevskaya N.V. *Ob osobom statuse otsenki v nauchnom tekste* [About the specific status of evaluation in the scientific text]. *Vestnik PGNIU. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. Yazykoznaniye i literaturovedeniye*, 2013. V. 2, pp. 37–42.
9. Lazarevich E.A. *Iskusstvo populyarizatsii nauki* [The art of science popularization]. Moscow: Nauka. 1978. 224 p.
10. Mayevskiy N.N. *Osobennosti nauchno-populyarnogo stilya* [Peculiarities of popular scientific language]. Rostov-on-Don, 1979. 25 p.
11. Pechenkina A. Yu. *Osobennosti peredachi na russkiy yazyk emotsionalno-obraznykh sredstv v nauchno-populyarnoy literature* [Peculiarities of expressional and figural means' translation into Russian language in the popular scientific literature]. *Aktualnyye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka*, 2019. Part 1, pp. 277–281.
12. Romanov D.A. *Nauchno-populyarnaya literatura: vchera, segodnya, zavtra* [Popular scientific literature: yesterday, today, tomorrow]. *Vremya nauki*, 2015. Issue 4, pp. 28–32.
13. Ryabtseva N.K. *Teoreticheskoye i leksikograficheskoye opisaniye nauchnogo izlozheniya*: [Theoretical and lexicographic description of the scientific presentation]: nauch. dokl. po opublikovannym trudam. predstavlenyy k zashchite na soisk. uchen. step. dokt. filol. nauk. N.K. Ryabtseva. Moscow: Izdatelstvo MGU, 1996. 112 p.
14. Tyson N.D. *Bolshoye kosmicheskoye puteshestviye* [Welcome to the universe: an astrophysical tour]. Izdatelstvo Peter, 2018. 480 p.
15. Tyson N.D. *Welcome to the universe: an astrophysical tour*. Princeton: Princeton University Press. 2016. 441 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Вержинская Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода
Оренбургский государственный университет

*пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
iva_10@mail.ru*

Николаева Дарья Игоревна, студент 4 курса

*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
nikolaevadarya97@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Verzhinskaya Inna Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate

Professor of the chair of Translation Theory and Practice

Orenburg State University

13, Pobedy ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

iva_10@mail.ru

SPIN-code: 5863-7535

ORCID: 0000-0002-4853-8542

ResearcherID: E-4996-2016

Nikolaeva Daria Igorevna, 4th year student

Orenburg State University

13, Pobedy ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

nikolaevadarya97@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-38-56

УДК 811.111'37

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБОБЩЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ОБ ЭГОЦЕНТРИЗМЕ

Вильчик М.К.

В статье представлены результаты изучения обыденного, обобщенного, коллективного, отражаемого в лексико-семантической системе языка представления носителей американской лингвокультуры об эгоцентризме. Изучаемые представления фиксируются в предметно-понятийном значении лексических единиц, используемых для обозначения понятия «эгоцентризм» и смежных понятий, объектов соответствующих понятийных полей (явление, субъект, признаки субъекта). Изучены и сопоставлены друг с другом семантические структуры 34 лексических единиц, образующих 3 синонимических ряда и связанных внутри рядов синонимичными отношениями. Применяются описательный метод, дефиниционный метод, анализ и обобщение. Выявленные интегральные и дифференциальные семы позволили автору реконструировать обыденные коллективные представления американцев об эгоцентризме. Кроме того, автор анализирует научные представления об эгоцентризме в таких областях знания как философия, психология, социология, педагогика, литературоведение и лингвистика.

Ключевые слова: эгоцентризм; лексико-семантическая репрезентация; синонимичный ряд; лексическое значение; семантическая структура; интегральная сема; дифференциальная сема.

LEXICAL AND SEMANTICAL REPRESENTATION OF SYNTHETIC OVERVIEW OF EGOCENTRISM FROM THE POSITION OF AMERICAN LANGUAGE CULTURE BEARERS

Vilchik M.K.

The article presents the results of a study of the ordinary, generalized, collective, reflected notions in the lexical-semantic system of the

language, the notion of bearers of American language culture about egocentrism. The studied representations are fixed in the objective-conceptual meaning of lexical units, which are used to define the concept of “egocentrism” and related ones, as well as the objects of the corresponding conceptual fields (phenomenon, subject, signs of the subject) are designated. The semantic structure of 34 lexical units have been studied and compared. They form 3 synonymous series and are related to the series by synonymous relations.

The descriptive method, definitional method, analysis and generalization are applied. The revealed integral and differential semes allowed the author to reconstruct the summarizing of Americans about egocentrism. In addition, the author analyzes the scientific ideas about egocentrism in such fields of knowledge as philosophy, psychology, sociology, pedagogy, theory and history of literature and linguistics.

Keywords: *egocentrism; lexical and semantical representation; synonymous line; lexical meaning; semantic structure; integral seme; differential seme.*

Введение

Феномен эгоцентризма, долгое время остававшийся вне фокуса исследовательского интереса филологов и лингвистов, представляет собой актуальный объект изучения в психологии, педагогике, философии и социологии, где уже имеется соответствующая исследовательская традиция. При этом лингвистика несомненно обладает существенным эмпирическим потенциалом в данной исследовательской области, что обуславливается значимостью названного явления для регуляции коммуникативного взаимодействия.

Обозначение «эгоцентризм» этимологически восходит к латинским словам *ego* – «я» и *centrum* – «центр круга». Данный термин был впервые определен в возрастной психологии Ж. Пиаже «для описания особенностей мышления у детей 8–10-летнего возраста» [Приводится по: 12, с. 46]. Далее это понятие было заимствовано рядом других наук (социологией, психологией и лингвистикой) и рассмотрено в контексте более широкого круга явлений, который

характеризует процесс восприятия окружающей действительности и саморепрезентации личности [4, 6, 9, 14, 16 и др.].

Методология изучения явления «эгоцентризма»

Исследование нацелено на уточнение обыденного, обобщенного (не предполагающего обширные специальные знания) и общего (коллективного) отраженного в языке представления об эгоцентризме носителей американской лингвокультуры. При этом мы исходим из того, что данные представления зафиксированы в предметно-понятийном значении лексических единиц (ЛЕ); что значение ЛЕ соотносено опосредовано (через отражательную деятельность мышления) с фрагментом действительности, реализуя конвенционально закрепленную отражательную связь между соответствующими языковыми знаками и обозначаемым объектом, т.е. рассматриваем значение как точку сопряжения мышления, языковой системы и отраженной в языке реальности; что лексическое значение содержит достаточный набор наиболее характерных дифференцирующих называемый объект признаков; что оно включает общее для всех носителей языка содержание (известное им, разделяемое ими знание).

Источником фактического материала послужила 20 словарей американского варианта английского языка. Материалом для исследования послужили 34 лексические единицы (ЛЕ), связанные между собой, согласно соответствующим словарным пометам в лексикографических источниках, синонимическими отношениями. Учитывалось количество вхождений ЛЕ в лексикографических источниках в качестве синонимов к доминантам выделенных синонимических рядов. В ходе исследования использовались следующие методы: анализ и обобщение (для систематизации имеющихся достижений в смежных науках), дефиниционный анализ (для определения интегральных и дифференциальных семантических признаков в значениях отобранных ЛЕ), описательный метод (для выстраивания синонимических рядов по категориальными признакам: 1) обозначение признака лица; 2) обозначение самого явления; 3) обозначения субъекта – носителя признака; для интерпретации и обобщения результатов анализа).

«Эгоцентризм» с позиции смежных наук

С точки зрения философии эгоцентризм детерминируется через понятие *я*, которое подразумевает человека как главного субъекта, центра, вокруг которого в индивидуальных представлениях конструируется существующий мир, воспринимаются и оцениваются точки зрения других субъектов. Человек противопоставлен окружающей среде и рассматривается как точка отсчета для всего, что происходит вокруг. Рассматриваемое понятие соотносится с понятием индивидуализм, акцентирующим ценность независимости человека в духовном, нравственном и интеллектуальном планах. Отношения субъекта исследуются в рамках антитезы с «другим-чужим» и «инаким-чужим», где в центре располагается личность [9, 17].

В рамках психологии эгоцентризм определяется как неспособность личности рассматривать точки зрения, чувства, планы других людей, нежелание и неумение видеть и воспринимать окружающих, здесь в приоритете ориентация исключительно на свои ценности и цели, игнорирование требований других, нетерпимость в отношении психологического дискомфорта собеседника; недостаточный уровень контроля за собственными эмоциональными реакциями и поведением в целом; импульсивность; эгоцентризм тесно связан с «Я-концепцией», идеей о неповторимости личности, при которой *я* противопоставляется окружающей действительности, выливаясь в формулу «я- не я/я-другие», а также представлении о самом себе, на основе которых происходит взаимодействие с другими [3, 6, 12].

В социологии исходят из того, что человеческое *я* проявляет себя в процессе взаимодействия с другими людьми и отражается в их ответных поступках; таким образом, индивид получает представление о себе через призму восприятия со стороны окружающих; при этом для теории коммуникации важно выделить фактор взаимодействия *я* с другими *я*, при котором первое *я*, проявляя себя, может распознать свои действия и поступки в глазах окружающих *я* и давать оценку своим действиям. Отношение к себе и восприятие себя с точки зрения психологии опосредовано, реализуется через других, то есть речь идет о так называемом «отраженном»

или «зеркальном» я, где зеркало – это социум. «Я» культурно обусловлено, формируется, реализуется и манифестируется в языке на основе принятых в конкретной лингвокультуре, в конкретном социуме норм и понятий [11].

В педагогике эгоцентризм понимают как осознанное желание привлечения внимания, что для нас является одной из характеристик эгоцентризма как понятия. Более того, по мнению педагогов, эгоцентризм рождается из эгоизма, отличающегося, прежде всего тем, что он несет моральную нагрузку. Однако эгоизм в детском возрасте считается нормальным явлением и в педагогике это принято называть «эгоцентрическим мышлением» ребенка. Само понятие «я» рассматривается в педагогике в рамках образования и обучения [6].

В литературоведении внутренняя эгоцентрическая позиция автора может трактоваться как источник творческого начала, выражение субъективной точки зрения, чувств эмоций, размышлений и т.д.; при этом литературное произведение рассматривается как коммуникативный акт, в котором автор выражает свою индивидуальную точку зрения через внутреннее состояние своих героев. Эгоцентризм в литературоведении, также как и в лингвистике, не получает однозначной отрицательной оценки, он сопряжен с экспликацией мира внутренних переживаний героя или автора [8].

В лингвистике языковые факты могут быть рассмотрены в рамках «теории языкового эгоцентризма», при этом в фокусе исследовательского интереса оказываются языковые средства, специализированные на реализации эгоцентрической позиции говорящего (в частности дейктические единицы и возможности переключения дейктической системы), сопряженные с названной позицией коммуникативные категории и средства их реализации. Антропоцентрическая лингвистическая парадигма предоставляет новые перспективы изучения описываемого феномена [2, 5, 7, 10].

В большинстве смежных наук эгоцентризм позиционируется через понятие «я», где носитель этого «я» детерминирован как центр, вокруг которого происходят события, развивается реальность. Не всегда эгоцентризм рассматривается как исключительно негатив-

ное явление, например, в литературоведении эгоцентризм видится как инструмент выражения авторской позиции или чувств героев произведения. Более того, педагогика рассматривает эгоцентризм как некое переходное состояние от детства к взрослению, поэтому педагоги ввели термин «эгоцентрическое мышление», которое представляет собой определенную стадию развития ребенка [12].

Отражение представлений об эгоцентризме в предметно-понятийном значении лексических единиц американского варианта английского языка

Выявленные лексические единицы конституируют 3 синонимических ряда: 1) обозначения признака лица, где лексическими единицами выступают прилагательные, а доминантой синонимичного ряда – ЛЕ (лексическая единица) *egocentric*; 2) обозначения самого явления, где конститuentами являются существительные, а доминантой – ЛЕ *egocentrism*; 3) обозначения субъекта – носителя признака, где членами ряда являются называющие лицо по соответствующему признаку (мотив номинации) существительные, а доминантой – ЛЕ *egoist*.

Первый синонимический ряд образуют полные и частичные синонимы к ЛЕ-доминанте ряда *egocentric*, называющие признак лица: *self-centered, selfish, self-conceited, self-concerned, self-serving, self-indulgent, self-involved, self-absorbed, pompous, stuck up*.

Как показывает анализ, для дифференциации обозначений соответствующего и схожих признаков личности релевантными являются следующие аспекты: отношение субъекта к себе и степень выраженности данного отношения, отношение субъекта к другим людям, миру в целом, его самопозиционирование, доминанта поведения (т.е. цель поступков / действий) и оценка обозначаемого качества говорящим.

Проанализируем значение доминанты ряда – прилагательного *egocentric*. Дефиниционный анализ позволил выделить следующие семы (семантические признаки) в семантической структуре (СС) данной ЛЕ: 1) интегральная сема (ИС) 'характеризующийся определенным отношением к себе' реализуется дифференциальной семой (ДС) 'занятый собой', что эксплицируется в компонентах

толкования «concerned with the individual» [WNWD]; «thinking only about yourself» [OAAD]; 2) ИС 'характеризующийся определенным отношением к другим' реализуется ДС 'игнорирующее, незаинтересованное', эксплицируемой компонентами толкований «relatively unaware of others concerns» [NWD]; «not about what other people need or want» [OAAD]; 3) ИС 'характеризующийся определенным отношением к окружающему миру и обществу в целом' актуализируется ДС 'доминирующее, вытесняющее' (на что указывают компоненты толкования «... as the center of all things, esp. in relation to the world» [NWD]; «viewing everything in relation to oneself» [WNWD]; «limited ... to one's own activities or needs» [MW]; «confined ... to one's own needs or affairs» [FD]; «rather than society» [MW]); 4) ИС 'характеризующийся определенной позицией личности' актуализируется ДС 'точка отсчета / мера вещей' (отражается в компонентах словарных дефиниций «as the center of all things» [NWD], «the center, object, and norm of all experience» [FD]) «the starting point» [MW]) «everything in relation to oneself» [WNWD]); 5) ИС 'характеризующийся определенной мерой отношения к себе / степенью выраженности отношения' актуализируется ДС 'высокая степень, ограничивающая иные проявления' (на что указывают компонент толкования «involved with ...» [NWD], компоненты словарных толкований *only, limited ... to, confined ...to*); 6) ИС 'характеризующийся определенной целью своих действий, поступков' реализуется ДС 'нацеленный на собственное благополучие', эксплицируемой компонентом толкования «caring ... about oneself» [FD].

Наиболее схожую с доминантой ряда семантическую структуру значения имеет ЛЕ *selfish*, СС которой включает следующие семы: 1) ИС 'характеризующийся определенным отношением к себе', актуализируемая ДС 'занятый, интересующийся собой, заботящийся о себе' (эксплицируется в компонентах толкования «caring ... about yourself» [OAAD]; «caring ... for oneself» [OAAD]; «concerned ... with oneself», «concentrating on one's own ...» [MW]; «caring ... for one's self» [WNWD]; «concern with oneself», «concerned ... with oneself» [FD]); 2) ИС 'характеризующийся определенным отношением к другим', реализуемая ДС 'пренебрегающее и ущемляющее'

(эксплицируется компонентами толкований «rather than about other people» [OAAD]; «without regard for others» [MW]; «in disregard, or at the expense, of those of others» [WNWD]; «having little regard for others», «lack of concern for others» [FD]); 3) ИС 'характеризующийся определенным отношением к окружающему миру и обществу в целом' актуализируется ДС 'доминирующее' (экспликация в компонентах толкования «chief motives ... are derived from love of self» [FD]); 4) ИС 'характеризующийся определенной позицией личности' актуализируется ДС 'точка сосредоточения' (экспликация в компоненте дефиниции «concentrating on one's own» [MW]); 5) ИС 'характеризующийся определенной мерой отношения к себе / степенью выраженности отношения' актуализируемой ДС 'чрезмерная степень выраженности, ограничивающая иные проявления' (эксплицируется компонентами толкований «only» [OAAD]; «chiefly, solely» [NWD]; «excessively, exclusively» [MW]; «supremely, unduly» [WNWD]); 6) ИС 'характеризующийся определенной целью своих действий, поступков', реализуемая ДС «нацеленный на собственные интересы, потребности, благо» (экспликация компонентами толкований «regarding one's own interest or advantage» [NWD]; «seeking ... on one's own advantage, pleasure, or well-being», «with one's own welfare or advantage» [MW]; «regarding one's own comfort, advantage» [WNWD]). Основные выявленные различия между значениями двух единиц определяются градуальными оппозициями актуализаций интегрального семантического признака 'характеризующийся определенным отношением к другим' (указание на большую степень негативного проявления в значении ЛЕ *selfish*; не просто игнорирование, а ущемление чужих интересов, действие в ущерб другим) и интегрального семантического признака 'характеризующийся определенной мерой отношения к себе / степенью выраженности отношения' (характеризуемый субъект¹ в высокой степени занят собой – характеризуемый субъект² в чрезмерной степени занят собой); различной реализацией интегрального признака 'характеризующийся определенной позицией личности', отражающей отличающееся самовосприятие характеризуемых с помощью

соответствующих прилагательных субъектов («я» – мера всего; «я» – сосредоточие всего важного).

Выполненный анализ всех конститuentов синонимического ряда показывает, что обобщенное представление носителей американской лингвокультуры в об эгоцентричном субъекте включают следующие признаки: субъект занят собой, своими мыслями и интересами (данное отношение характеризуется высокой степенью выраженности, ограничивающей иные проявления субъекта); проявляет незаинтересованное, игнорирующее отношение к другим людям; отличается самовозвышающим, доминирующим позиционированием себя по отношению к окружению, к миру как его центра или меры вещей; его поступки и действия нацелены на собственное благополучие, потребности, интересы. Наибольшие пересечения обнаруживают значения ЛЕ *egocentric* и *selfish*, что отражает близость соответствующих обобщенных представлений об эгоцентричном и эгоистичном субъекте. При этом последнее качество сопряжено с отрицательной оценкой представителей исследуемой общности, предполагает пренебрежение интересами других, ущемление других, заботу о собственных интересах и потребностях в ущерб другим.

Второй синонимический ряд образуют следующие ЛЕ: *egocentrism* (доминанта), *self-interest*, *self-conceit*, *selfishness*, *self-centeredness*, *self-absorbtion*, *self-importance*, *self-involvement*, *self-love*, *selfhood*, *ego-expansion*, *egomania*, *megalomania*, *individualism*, *egotism*, *egoism*.

Семантические признаки, конституирующие СС значения доминанты синонимического ряда, коррелируют с соответствующими семантическими признаками в значении доминанты первого синонимического ряда (прилагательное *egocentric*), с тем отличием, что во втором случае релевантные признаки характеризуют категориальный «статус состояние и образ действий» (эксплицируемый одноименной дифференциальной семой), т.е. мыслятся отвлеченно (как некая абстракция от совокупности признаков).

Проанализируем СС ЛЕ *egoism*, которая конституируется следующими ИС и ДС: 1) ИС 'статус обозначаемого' актуализируется ДС 'свойство, качество, состояние, образ действий' (см. ком-

поненты толкований «concern» [CD], «belief» [AHDEL, LDELС], «view» [NWD], «thinking» [OAAD], «quality» [LDELС], «habit of valuing» [NWD, RHKWCD]); 2) ИС 'характерное отношение к себе' реализуется ДС 'забота о себе, интерес к себе, самомнение' (см. компоненты толкования «self-centeredness» [CD], «the quality of always thinking about oneself and about what will be best for oneself; selfishness» [LDELС], «valuing everything only in reference to one's personal interest, pure selfishness, self-conceit» [NWD]); 3) ИС 'характерное отношение к другим' актуализируется ДС 'игнорирование или пренебрежение' (см. компоненты толкования «thinking that you are better or more important than anyone else» [OAAD], «only in reference to one's personal interest» [NWD]); 4) ИС 'характерное позиционирование личности' актуализируется ДС 'обособление, возвышение, над' (см. компоненты толкования «thinking that you are better or more important than anyone else» [OAAD]; 5) ИС 'характерная мера отношения к себе / степень выраженности отношения к себе' реализуется ДС 'высокая' (см. компоненты толкования «only» и «always» – «always thinking» [LDELС], «only in reference to one's personal interest», «his own welfare only» [NWD]); 6) ИС 'характерная цель действий, поступков' актуализируется ДС 'реализация своих интересов, достижение благополучия' (см. компоненты словарной дефиниции «thinking ... what will be best for oneself» [LDELС], «concern for one's own interests and welfare» [CD], «self-interest provides the proper basis» [AHDEL], «based on what is most advantageous to themselves» [LDELС], «should his own welfare only» [NWD]); 7) ИС 'оценка обозначаемого' реализуется ДС 'неодобрение' (на что указывает отождествление качеств с социально неодобряемыми свойствами – *pure selfishness*).

Схожие СС имеют ЛЕ *egocentrism* и *egoism*. ЛЕ *egotism* выступает квазисинонимом по отношению к обеим ЛЕ (обозначая иное отношение субъекта к себе, иную цель его действий, иное позиционирование субъекта). ЛЕ *self-conceit* квазисинонимична выше-названным, отличаясь по признакам отношение к другим, позиционирование личности, характерная цель действий. Близкие СС

имеют ЛЕ *self-centeredness* и *self-concern*. Отличие заключается в обозначаемом характерном позиционировании субъекта и степени проявления свойства / состояния). Схожую СС обнаруживают также ЛЕ *egoism* и *selfishness*, различаясь только степенью выраженности соответствующего качества субъекта. ЛЕ *egoism* квазисинонимична доминанте ряда и остальным членам ряда, имеющим схожую с доминантой СС значения (обнаруживает множество отличий, касающихся отношения субъекта к себе, другим, его позиционирования, цели действий, меры проявления, оценки). Близкие СС имеют ЛЕ *egotism* и *self-importance* (отличие заключается, прежде всего, в позиционировании субъекта). ЛЕ *self-love* квазисинонимична данным двум ЛЕ, поскольку не обнаруживает в СС своего значения признаки, указывающие на характерное отношение субъекта к другим и его позиционирование. Схожую СС имеют ЛЕ *self-absorption* и *self-involvement* (последняя не обозначает определенного выраженного отношения субъекта к другим), выступающие квазисинонимами по отношению к доминанте ряда и ЛЕ, с СС, схожими с СС ЛЕ *egocentrism*. ЛЕ *selfhood* указывает, по сравнению с *self-absorption* и *self-involvement*, на иные цели действий (самовыражение), степень проявления, отношение субъекта к себе и самопозиционирование. ЛЕ *ego-expansion* выступает квазисиноним по отношению ко всем конституентам ряда. ЛЕ *egotomania* и *megalomania* квазисинонимичны, отличаясь по большинству семантических признаков, конституирующих СС их значения.

Выполненный анализ показывает, что обобщенное представление носителей американской лингвокультуры о наименовании субъекта включают следующие признаки: сосредоточенность на себе, своих мыслях, поступках, игнорирование, непринятие в расчет других, позиционирование себя как центра, точки отсчета. Анализ значений конституентов данного ряда указывает, что наименование явления может указывать на противоположные крайние точки шкалы проявлений и соответствующие оценки: от психического отклонения (отрицательное отношение) до положительной оцениваемой ориентированности на индивидуальность, развитие и реализацию своего я, самовыражение. Наибольшие пересечения обнаруживают

значения ЛЕ *egocentrism* и *selfishness* (в значении ЛЕ *selfishness*, в отличие от ЛЕ *egocentrism*, акцентируется независимое позиционирование субъекта, более низкая степень проявления качества, невыраженность ориентированности субъекта на достижение признания), а также ЛЕ *egocentrism* и *egoism* (ЛЕ *egoism* обязательно актуализирует указание на высокое самомнение и стремление субъекта к обособлению от других, в отличие от ЛЕ *egocentrism*) что отражает близость соответствующих обобщенных представлений о называемых явлениях. ЛЕ *egoism* и *selfishness* сопряжены с отрицательной оценкой явления и указывают на познание мира только через свое «я», себя, свои ощущения, а также на превосходство над другими, получение выгоды, игнорирование окружения, мнений или позиций других, чрезмерную занятость своими мыслями, поступками, делами.

Обратимся к третьему синонимическому ряду, который конституируют обозначения субъекта по описываемому признаку. Данный синонимичный ряд представлен конституентами *egocentric*, *egotist*, *egoist*, *ego-tripper*, *egomaniac*, *swellhead*, *individualist*, доминантой ряда является ЛЕ *egocentric* (сущ.). ЛЕ *individualist*, являющаяся квазисинонимичной доминанте (и всем конституентам) ряда, поскольку может обозначать не только отрицательную, но и нейтральную и положительную оценку. СС значения ЛЕ *individualist* включает следующие ДС: 1) ДС 'поддерживающий свою независимость и индивидуальность' (см. компоненты толкований «independent and self-reliant» [CD], «pursues a markedly independent course in thought or action» [MW], «shows independence and individuality in his or her behaviour, opinions, or actions» [CD, RHKWCD], «different and original in his or her thoughts and actions» [CD], «pursues independent thought or action, marked by or expressing individuality» [Vc], «asserts individuality by independence of thought and action» [АНДЕЛ]); 2) ДС 'целое, целостное, противопоставляемое' (см. компоненты толкований «is independent and self-reliant» [CD], «independent», «individuality» [Vc], «individuality, independence» [АНДЕЛ, CD], «different and original» [CD]); 3) ДС 'демонстрация независимости, самооценности, отличительности' (см. компоненты дефиниций «pursues a markedly independent course» [MW], «expressing

individuality» [Vc], «pursues independent» [Vc], «asserts individuality by independence», «shows independence and individuality» [CD], «shows independence or individuality» [RHKWCD]); 4) ДС 'пропагандирующий неподчинение индивидуального коллективному, свободе действий' (см. компонент толкования «favouring freedom of action for individuals over collective or state control» [LbO]); 5) немаркирован по ИС 'оценка личности по конститутивному качеству', может обозначать субъекта, предполагая все возможные спектры оценки (отрицательная, положительная, нейтральная).

Схожие СС структуры имеют ЛЕ *egoist* и *egocentric*, включающие похожие ДС, указывающие на такие признаки субъекта как забота о себе, видение себя как точки сосредоточения, неодобрительное отношение к объекту номинации. ЛЕ *egoist* и *egotist* являются частичными синонимами, отличаясь по признаку отношения к себе и по самопозиционированию – *egoist* озабочен собой, а *egotist* проявляет чувство влюбленности в самого себя. Схожие структуры проявляют ЛЕ *egotist* и *ego-tripper*, выражая похожее отношение к другим, имеющие похожие признаки в позиционировании личности в социальном пространстве – видении себя как точки сосредоточения, и в плане оценки личности по конституируемому качеству – неодобрительная оценка называемого лица. ЛЕ *swellhead*, *egotist* и *egoist* являются частичными синонимами, обнаруживая различия в признаке определенного отношения к себе (*egotist* и *swellhead* демонстрируют признаки любви к самому себе, однако *egoist* представляет заботу о себе и своих интересах без наличия самовлюбленности), в признаке позиционирования личности в социальном пространстве (ЛЕ *egoist* и *egotist* выражают признак сосредоточения, центра, однако ЛЕ *swellhead* указывает на возвышение). ЛЕ *egoist* и *egotist* имеют различия в признаке меры отношения к себе\выраженности отношения, где ЛЕ *egotist* указывает на чрезмерность, которая нерелевантна для ЛЕ *egoist* и в признаке отношения к себе, где ЛЕ *egotist* выражает самовлюбленность, а ЛЕ *egoist* демонстрирует заботу о себе и своих интересах. ЛЕ *egomaniac* является квазисинонимичной по отношению ко всем ЛЕ данного ряда, так как обнаруживает чрезмерность и превозносимость себя.

По итогам выполненного анализа, мы пришли к выводу, что для носителей американской лингвокультуры эгоцентризм представляет собой личность, сконцентрированную на себе, заботящуюся о себе и своих интересах, характеризующуюся игнорирующим отношением к другим, ставящую себя в центр и получающую неодобрительную оценку. Наибольшие пересечения прослеживаются между ЛЕ: 1) *egocentric* и *egotist*; 2) *egotist* и *egoist*.

Выводы

В результате проведенного исследования мы выявили определенные общие признаки явления «эгоцентризм» и его синонимов. Так, наиболее часто встречающимися признаками являются отношение к себе, к другим и к миру в целом и обществу, которые актуализируются семами «доминирование», «самопозиционирование», «занятость собой», «самодовольство», «самовлюбленность», «самоинтерес»; определенной позицией личности с актуализацией «я-центра» или «точки отсчета», «возвышения над всем» и «точки сосредоточения»; признак цели действий своих поступков, выражающийся в «выделении собственных интересов, потребностей, желаний, благ»; признак оценки обозначаемого, детерминирующий негативную сторону, неодобрение.

Эгоцентризм и эгоизм в американской лингвокультуре отличаются только признаком меры выраженности отношения к себе (для эгоцентризма характерна высокая степень выраженности, а для эгоизма – чрезмерная). В большинстве толковых англоязычных словарей данные ЛЕ снабжены перекрестными ссылками друг на друга. Явление «эготизм» существенно отличается от «эгоцентризма», демонстрируя самовлюбленность и самолюбование как основные признаки. «Индивидуализм» не предполагает чрезмерности или высокой степени выраженности отношения к себе, а позиционирует противопоставление себя» и, более того, не всегда предполагает негативную, неодобрительную оценку. Субъект-эгоцентризм отличается от субъекта-эготиста нерелевантностью самовлюбленности и самолюбования. Эти же признаки отличают «эготиста» от «эгоиста». В отличие от эгоиста эгоцентризм видит себя центром,

сосредоточением событий, тогда как индивидуалист стремится к независимости, индивидуальности и противопоставлению себя другим, свободе действий (приведенные признаки нерелевантны для эгоцентрика). Обозначение *эгоцентричный* характеризуется субъекта как занятого собой, игнорирующего и незаинтересованного в других, нацеленного на собственное благополучие с высокой степенью выраженности «особого» отношения к себе.

Выполненный анализ значений конститuentов выстроенных синонимических рядов позволил нам выявить обобщенные и общие (коллективно разделяемые) представления носителей американской лингвокультуры об эгоцентризме: эгоцентризм представляет собой индивидуализированную мировоззренческую позицию личности, проявляющуюся в отношении к себе как к центру событий или ситуаций, сконцентрированности на собственном «я», занятостью собой, представлении себя как единственной точки отсчета, сосредоточения, чрезмерном проявлении отношения к другим, который выражается в недостаточном или полном игнорировании мнений, мыслей, чувств, поступков других, бахвальстве, хвастовстве, самовлюбленности, в некотором роде независимости и самодостаточности.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-ое изд. М.: Языки русской культуры. 1999. 896 с
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Бернс Р. Развитие «Я-концепции» и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 307 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. М: Директ-Медиа, 2016. 163 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. 1498 с.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений в шести томах. Т.2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1999. 504 с.
7. Геворкаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса: на материале русского, английского и карачаево-балкарского языков: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 181 с.

8. Гончарова Е.А. Эгоцентризм как принцип построения литературного текста // *Studia Linguistica-7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода* / Сб. ст. СПб.: Тригон, 2007. С. 235–244.
9. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / Гуреев В.А. // *Вопросы языкознания*. М., 2004. №2. С. 57.
10. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. Пособие. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
11. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб.: Речь, 560 с.
12. Пашукова Т.И. Эгоцентризм, основные психологические характеристики, закономерности и механизмы формирования и коррекции: дис. ... доктора психол. наук. Киев, 2001. 289 с.
13. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 2008. 658с.
14. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: Терра, 2000. 464 с.
15. Эгоизм как внутренний нравственно-эстетический фактор развития самосознания человека / Рудзит И.А. // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. № 1. СПб., 2006. С. 56–65.
16. Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности: интерпретации / Славская А.Н. // *Психологический журнал*, 1999, №6. С. 13–23.
17. Современный философский словарь / Под ред. д.ф.н., проф. В.Е.Кемеровова. 2-е изд. испр. и доп. Лондон, Франкфурт на Майне, Париж, Люксембург, М., Минск/ ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
18. Тархарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): науч. ред. В.И. Шаховский; Фед гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 382 с.
19. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС). Longman, 1993. 1555 p.
20. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition (NWD). USA: Surjeet Publications, 1988. 1824 p.
21. Collins Disctionary (CD) URL:<https://www.dictionary.com/browse/egocentric> (дата обращения 24.09.2019).

22. Lexico by Oxford (LbO) URL: <https://www.lexico.com/en/definition/egocentric> (дата обращения 26.09.2019).
23. Merriam Webster (MW) URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism> (дата обращения 26.09.2019).
24. Vocabulary.com (Vc) URL: <https://www.vocabulary.com/dictionary/self-concern> (дата обращения 25.09.2019).
25. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition (AHDEL). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016. 2345 p.
26. Free Dictionary (FD) URL: <https://www.thefreedictionary.com/egocentrism> (дата обращения 25.09.2019).
27. Webster's New World College Dictionary, Fifth Edition Copyright (WNWD). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2014. 2065 p.
28. Random House Kernerman Webster's College Dictionary (RHKWCD). 2010 K Dictionaries Ltd, 2010. 2040 p.
29. Oxford Advanced American Dictionary (OAAD). Oxford: Oxford University Press, 1997. 519 p.

References

1. Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 p.
2. Benvenist Je. *Obshhaja lingvistika* [General Linguistics]. M.: Progress, 1974. 447 p.
3. Berns R. *Razvitie «Ja-koncepcii» i vospitanie* [Development of "I-concept" and education]. M.: Progress, 1986. 307 p.
4. Boldyrev N.N. *Kognitivnaja semantika* [Cognitive semantics]. M: Direkt-Media, 2016. 163 p.
5. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. SPb: Norint, 2000. 1498 p.
6. Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij v shesti tomah. T.2. Problemy obshhej psichologii* [Collected works in six volumes. T.2. Problems of general psychology]. M.: Pedagogika, 1999. 504 p.
7. Gevorkaeva D.D. *Jegocentrizm lingvisticheskogo diskursa: na materiale russkogo, anglijskogo i karachaevo-balkarskogo jazykov* [Egocentrism

- of linguistic discourse: on the material of Russian, English and Karachay-Balkarian languages]. Nal'chik, 2008. 181 p.
8. Goncharova E.A. *Studia Linguistica-7. Jazykovaja kartina v zerkale semantiki, pragmatiki i perevoda* [Studia Linguistica-7. The language picture in the mirror of semantics, pragmatics and translation]/ Sb. st. SPb.: Trigon, 2007, pp. 235–244.
 9. Gureev V.A. *Voprosy jazykoznanija*. M., 2004. №2. P. 57.
 10. Leontovich O.A. *Rossija i SShA: Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju* [Russia and the USA: An Introduction to Intercultural Communication]. Volgograd: Peremena, 2003. 399 p.
 11. Mat'jash O.I., Pogol'sha V.M., Kazarinova N.V., Bibi S., Zarickaja Zh.V. *Mezhlichnostnaja kommunikacija: teorija i zhizn'* [Interpersonal communication: theory and life]. ed. O.I. Mat'jash. Spb.: Rech', 560 p.
 12. Pashukova T.I. *Jegocentrizm, osnovnye psihologicheskie karakteristiki, zakonomernosti i mehanizmy formirovanija i korrekcii* [Egocentrism, basic psychological characteristics, patterns and mechanisms of formation and correction]. Nauk. Kiev, 2001. 289 p.
 13. Piazhe Zh. *Izbrannye psihologicheskie trudy* [Selected psychological works]. M.: Prosveshhenie, 2008. 658 p.
 14. Rassel B. *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy* [Human cognition: its scope and boundaries]. M.: Terra, 2000. 464 p.
 15. Rudzit I.A. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. № 1. SPb., 2006, pp. 56–65.
 16. Slavkaja A.N. *Psihologicheskij zhurnal*, 1999, №6, pp. 13–23.
 17. *Sovremennij filosofskij slovar'* [Modern philosophical dictionary]/ Pod red. d.f.n., prof. V.E. Kemerova. 2-e izd. ispr. I dop. London, Frankfurt na Majne, Parizh, Ljuksemburg, M., Minsk/ PANPRINT, 1998. 1064 p.
 18. Tarharova S.S. *Kategorija komunikativnogo smjagchenija (kognitivno-diskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekt)* [Category of communicative mitigation (cognitive-discursive and ethnocultural aspects)]/ Ed. V.I. Shahovskij. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009. 382 p.
 19. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDEL). Longman, 1993. 1555 p.
 20. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition (NWD). USA: Surjeet Publications, 1988. 1824 p.

21. Collins Dictionary (CD) URL: <https://www.dictionary.com/browse/egocentric> (дата обращения 24.09.2019).
22. Lexico by Oxford (LbO) URL: <https://www.lexico.com/en/definition/egocentric> (дата обращения 26.09.2019).
23. Merriam Webster (MW) URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism> (дата обращения 26.09.2019).
24. Vocabulary.com (Vc) URL: <https://www.vocabulary.com/dictionary/self-concern> (дата обращения 25.09.2019).
25. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition (AHDEL). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016. 2345 p.
26. Free Dictionary (FD) URL: <https://www.thefreedictionary.com/egocentrism> (дата обращения 25.09.2019).
27. Webster's New World College Dictionary, Fifth Edition Copyright (WNWD). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2014. 2065 p.
28. Random House Kernerman Webster's College Dictionary (RHKWCD). 2010 K Dictionaries Ltd, 2010. 2040 p.
29. Oxford Advanced American Dictionary (OAAD). Oxford: Oxford University Press, 1997. 519 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вильчик Майя Константиновна, ассистент кафедры германской и романской филологии
*Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
mayyavilchik@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mayya Konstantinovna Vilchik, Assistant Professor of German and Roman Philology Chair
*Volgograd State University
100, Universitetsky Prospect, Volgograd, 400062, Russian Federation
mayyavilchik@gmail.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-57-78

УДК 811.11-112

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАГОЛОВКОВ В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ

Головина А.А.

Автор статьи рассматривает коммуникативные стратегии, являющиеся важной частью коммуникационного политического дискурса. Как правило, в политическом дискурсе коммуникационные стратегии сводятся к презентациям с элементами манипулирования и условности, которые встроены в презентацию в качестве помощи для реализации цели и намерений общения. Поскольку процесс коммуникационных и коммуникативных решений имеет особое значение для выявления особенностей презентационных стратегий в политическом дискурсе, представляется целесообразным всесторонне рассмотреть назначение этих стратегий в коммуникативном пространстве современных международных отношений.

Цель: *рассмотрение языковых стратегий и средств в англоязычном масс-медийном политическом дискурсе и их дальнейшее изучение. Коммуникативные стратегии и их типология будут рассматриваться на примерах заголовков, что позволит раскрыть политическую составляющую, и отобразить роль заголовков в политической борьбе властных структур, их значимость в процессе формирования мировой политики, а также в борьбе англосаконского мира за удержание лидирующих позиций в международных отношениях.*

Методы и методология проведения работы. *Анализ практического материала осуществлялся путем использования метода семантического анализа, дефиниционного анализа, интерпретационного анализа.*

Результаты *исследования могут быть использованы в преподавании таких курсов как «теория коммуникации», «политическое*

управление кризисами и коммуникация», «лингвополитология и анализ политического дискурса» и других. Результаты позволяют раскрыть политическую составляющую, и отобразить роль заголовков в политической борьбе властных структур, их значимость в процессе формирования мировой политики, а также в борьбе англосаксонского мира за удержание лидирующих позиций в международных отношениях.

Рассмотрение использования заголовков в реализации коммуникативных стратегий на примере политических дебатов позволяет нам сформулировать следующие **выводы**:

– Политическая коммуникация предполагает формулировку дискурса и его заголовка, которые отражают специфику тематики политических дебатов и играют ключевую роль в реализации борьбы за власть. Для осуществления поставленных целей дебаты выступают в качестве площадки необходимого переговорного процесса, которые не просто выявляют субъектов этой борьбы, их мотивацию и намерения, но и определяют ближайшие процессы внутривнутриполитического развития государства.

– Будучи конфликтным жанром коммуникации, политические дебаты предполагают целый спектр используемых стратегий. Особая специфика их организации связана с присутствием на них слушателей и наблюдателей, а также с записью и фиксацией всего процесса при помощи видеоматериалов и стенограмм.

– Основные коммуникационные стратегии направлены не только на манипуляцию как оппонентов, так и слушателей, но и в то же время на самопрезентацию. Огромная роль в этом процессе отводится СМИ, которые с помощью соответствующей формулировки заголовков молниеносно распространяют информацию с уже определенным посылом, который лежит в самом заголовке.

Практическое применение. Результаты исследования могут найти применение в вузовских курсах по лексикологии, межкультурной коммуникации, семантике.

Ключевые слова: презентационные стратегии; политический дискурс; коммуникация; заголовок; международные отношения.

USE OF HEADINGS IN THE COMMUNICATION STRATEGIES IMPLEMENTATION AS IN THE CASE OF POLITICAL DEBATES

Golovina A.A.

The author of the article considers communication strategies, which are an important part of communication political discourse. As a rule, in political discourse, communication strategies come down to presentations with elements of manipulation and conventions, which are built into the presentation as an aid to realize the purpose and intentions of communication. Since the process of communication and communication decisions is of particular importance for identifying the characteristics of presentation strategies in political discourse, it seems advisable to comprehensively consider the purpose of these strategies in the communicative space of modern international relations.

Purpose: *consideration of language strategies and tools in the English-language mass media political discourse and their further study. Communicative strategies and their typology will be examined using headlines, which will reveal the political component and reflect the role of headlines in the political struggle of power structures, their importance in the process of shaping world politics, as well as in the struggle of the Anglo-Saxon world to maintain a leading position in international relations.*

Methods and methodology of the work. *Analysis of practical material was carried out using the method of semantic analysis, definition analysis, and interpretation analysis.*

The research results *can be used in teaching such courses as “Theory of Communication”, “Political Crisis Management and Communication”, “Linguopolitology and Analysis of Political Discourse” and others. The results allow us to reveal the political component, and reflect the role of headlines in the political struggle of power structures, their importance in the process of shaping world politics, as well as in the struggle of the Anglo-Saxon world to maintain a leading position in international relations.*

*Considering the use of headings in the implementation of communicative strategies as an example of political debate allows us to formulate the following **conclusions**:*

– Political communication involves the formulation of a discourse and its heading, which both reflect the specifics of the subject of political debate and play a key role in the implementation of the struggle for power. To achieve these goals, the debate acts as a platform for the necessary negotiation process, which will not only identify the subjects of this struggle, their motivation and intentions, but also determines the immediate processes of the state's internal political development.

– Being a conflicting genre of communication, political debate involves a whole range of strategies used. The specifics of their organization are associated with the presence of listeners and observers, as well as with the recording and recording of the entire process using video materials and transcripts.

– The main communication strategies are aimed at manipulating both opponents and listeners and at the same time at self-presentation. A huge role in this process is given to the media, which, using the appropriate wording of the headings, instantly disseminate information with an already defined message that lies in the heading itself.

***Practical implications.** The research results can be used in university courses on lexicology, intercultural communication, semantics.*

***Keywords:** presentation strategies; political discourse; communication; headline; international relations.*

Задача стратегии презентации в целом заключается в передаче знаний. Она выступает в качестве атрибутивной составляющей политического дискурса, который рассматривается как фактическое использование языка в социально-политической сфере общения. В связи с этим представляется важным сослаться на понятие «коммуникативная стратегия» применительно к дискурсу, которое М.Л. Макаров рассматривает в книге «Основы теории дискурса». Автор считает, что стратегия выступает в качестве центральной теоретической концепции в любой модели прагматики. В то же время

он отмечает, что прагматическая «глубокая грамматика» не поддается традиционной лингвистике, поскольку у прагматики есть стратегии, формальные правила лингвистики, а теория речевых актов методологически выстроена вокруг категории условности [4, с. 280].

Особенность политической коммуникации состоит в том, что в речах политических деятелей отношения власти получают языковое выражение. Для достижения своих целей политики используют целый спектр речевых стратегий. Аргументация и убеждение нередко становятся определяющими в борьбе за власть, манипуляциях и столкновениях интересов. Все это находит отражение в политическом дискурсе. Заголовки в этой связи используются с особой грамотностью, поскольку являются частью коммуникативных стратегий. Показать это на примере политических дебатов видится крайне важным, поскольку они имеют свою специфику и фактически всегда освещаются ведущими СМИ. От заголовка зависит не только обусловленность интереса, но и степень внимания к обсуждаемому вопросу, т.е. политическая интрига с целью привлечения внимания широких кругов общественности, это то, что является одной из основополагающих задач коммуникативных стратегий, реализуемых в рамках коммуникативных стратегий. Поэтому использованию заголовков отводится особое внимание. Более того, в последнее время политические дебаты могут транслироваться напрямую, что делает возможным проследить за всеми нюансами и особенностями поведения представителей политических партий, движений, политиков и лиц, занимающих ведущие посты в структурах государственного управления.

Политические дебаты представляют собой наиболее яркий пример речевого поведения политических деятелей, которые в достижении поставленных целей опираются в большей степени на устную реализацию, диалог и полилог [4, с. 181–183]. Зачастую политические дебаты представляют собой конфликтный жанр коммуникации, поскольку предполагают сопряжение различных точек зрения на определенное положение дел, которое требует анализа и преобразования. Это происходит посредством речевого взаимодей-

ствия представителей партийных фракций, отражающие различные взгляды на обсуждаемое положение дел [7, с. 37–42].

При анализе политических дебатов, обращается внимание на характеристику политического деятеля как языковой личности, характеристику невербальных компонентов коммуникации и языкового пространства. Все это учитывается при формулировке заголовка тематики, освещаемой СМИ. Обращается внимание на яркость, лаконичность и емкость данной формулировки.

Поскольку в современных условиях политические дебаты фиксируются с помощью стенограмм, видеосъемок, их отличает публичность, доступность и транспарентность, то следует обратить внимание на несловесные составляющие общения. Эти составляющие отчетливо прослеживаются при анализе видеоматериалов и стенограмм политических дебатов. Все они имеют диагностическую ценность и обладают значительной информацией, которая показывает изменения эмоционального подъема или волнения, значимость происходящих событий для политика, страны и народа. Особо следует обратить внимание и на невербальный характер общения, в частности, на жесты, мимику, тон проведения политических дебатов и различного рода высказываний в ходе их проведения. Невербальное общение выдает собеседников и ставит под сомнение то, что было сказано, выделяя скрытое, что становится очевидным и явным для конкурентов, политических оппонентов и представителей общественности, интересующихся политической жизнью страны. Невербальная сторона общения занимает важное место в процессе межличностного взаимодействия [6, с. 65–68].

Рассматривая коммуникативные стратегии и использование заголовков для их продвижения, важно отметить, что публичные дебаты отличает двойная адресация, поскольку, как мы уже отмечали помимо активных участников (оппонентов), присутствует аудитория (слушатели). Присутствие слушателей или наблюдателей, даже если они публично не выражают свою реакцию, существенно влияет на речевое поведение участников дебатов. В данном контексте уместно говорить о различных видах манипулирования: оппо-

нением и аудиторией. При этом в каждом случае мы обнаруживаем прямое и опосредованное манипулирование, т.е. воздействие на аудиторию через манипулирование недостатками оппонента, одновременное манипулирование, которое направлено на оппонента и «его» слушателей. Второй момент вытекает из первого и относится к конфликтогенности стратегий и дискурса в целом. Базовой оппозицией для политического дискурса выступает оппозиция свой – чужой. Коммуникативное и речевое поведение участников дебатов обусловлено не столько манипулированием и воздействием на оппонента, сколько завоеванием большего количества голосов как своего, так и чужого электората [7, с. 37–42]. Поэтому важную роль имеет помимо заголовка содержание всего дискурса, манера его подачи и структурированность, акценты, сделанные в рамках дискурса.

В контексте политических дебатов употребление аргументативных тактик предполагает порождение в речи смыслов, актуализирующих одну из положительных (когда речь идет о стратегии позитивной самопрезентации) или отрицательных (если речь идет о реализации стратегии негативной презентации оппонента) составляющих образа политика. Обратимся к примеру, который наглядно это продемонстрирует:

BROWN, «Like me or not, I can deliver that plan. The way to do it is with a majority Labour government» [10]. Тактики аргументации косвенно реализуются в высказываниях, поскольку выступают в качестве аргумента или тезиса в рамках доказательства какого-либо конкретного суждения. Это вызвано тем, что одним из самых ценных качеств политика для его избирателей является умение вести дискуссию и доказывать свою точку зрения.

Отстаивая собственное мнение или опровергая доводы оппонента, политик совершает положительную презентацию себя или отрицательную презентацию оппонента: MCCAIN, «Is it expensive? Yes. But we all know, my friends, until we stabilize home values in America, we're never going to start turning around and creating jobs and fixing our economy» [11].

В данном примере Дж. Маккейн аргументирует в пользу государственных дотаций, которые направлены на помощь населению в

выплате ипотеки. Отстаивая свою точку зрения, политик пытается не просто добиться признания своей правоты, но и закрепить это видение в глазах его избирателей, что является одним из способов реализации позитивной самопрезентации.

Выражение положительных или отрицательных признаков может осуществляться не только эксплицитно, но и имплицитно или на пресуппозициональном уровне: MCCAIN, «And I still believe, under the right leadership, our best days are ahead of us» [11]. В данном примере имплицитно исполнителем действия: под «правильным руководством» подразумевается руководство Дж. Маккейна.

Сама возможность имплицитного и пресуппозиционального представления смыслов в рамках аргументации связана с тем, что аргументация отличается от манипулирования не по способу конструирования смыслов – прямому или косвенному, явному или скрытому. Ее дифференцирует предполагаемый уровень восприятия смыслов адресатом – рациональный (в отличие от иррационального, характерного для манипулирования).

Таким образом, дискурс политических дебатов переполнен сочетанием различных тактик и стратегий, направленных на достижение поставленной цели. Содержание дискурса направлено на донесение с максимальной точностью определенного посыла, который будет иметь либо позитивные коннотации самопрезентации политик или определенной политической партии, либо негативные, касающиеся его оппонентов. При этом в рамках политических дебатов сохраняется понимание возможности парировать, которая фактически всегда используется политическими оппонентами. Это также учитывается при подготовке содержания дискурса. Заголовки же, который формулируется СМИ после политических дебатов, четко отражает преимущества данного дискурса и задает тон его восприятия у представителей широкой общественности. Заголовки также отражают результаты использованных в рамках политических дебатов тактик и могут быть как конструктивными, так и деструктивными для отдельных политических сил и их представителей.

Использование манипулятивных тактик направлено на усиление эффекта от аргументации. Прежде всего, речь идет о вызове эмоциональной реакции. Как правило, основные усилия направлены на формулировку убедительной аргументации посредством апелляции к стереотипам, которые способны подвергаться критическому осмыслению. Помимо этого, важной функцией речевого манипулирования в политических дебатах является уход от невыгодных для политиков ситуаций. Среди них: предоставление неудобной для говорящего информации; ложный ответ на вопрос; определенные, емко сформулированные обещания. С целью завуалировать уход от такого рода стратегий и тактик, манипулятор может прибегнуть к эксплуатации определенных шаблонов речевого поведения или стереотипов коммуникации. В этом случае актуализация положительных или отрицательных составляющих образа политика может вообще не происходить.

Например: BROWN, «My first thoughts will always be for our troops, for our dedicated forces, our professional forces» [12]. В данном примере Г. Браун прибегает к манипуляции потребностью слушателей в уважении и почете. Достоинства политика не отмечаются ни на одном уровне – эксплицитном, имплицитном или пресуппозициональном. Вместе с тем, политик, для повышения своего позиционирования прибегает к использованию манипулятивных механизмов. Данное высказывание выполняет также функцию «эмоционального заражения» контекста, усиливая его воздействие на слушателей. В других случаях актуализация составляющих образа политика сопровождается некоторыми дополнительными деталями – дополнительными смыслами, которые не носят обязательного характера, но при отсутствии которых стратегия все равно реализуется: MCCAIN, «And the – the worst symptom on this disease is what my friend, Tom Coburn, calls earmarking as a gateway drug, because it’s a gateway» [13].

Так, знание правильного применения манипулятивных технологий и тактик способно придать дискурсу дополнительные позитивные коннотации, которые направлены на закрепление намеченного эффекта и реализации поставленной цели. Рациональность, кон-

структивность, динамичность и некоторая экспрессивность позволяют самовыразиться в политических дебатах.

Политические дебаты могут быть представлены в разных форматах, от этого во многом будут зависеть и заголовки дискурса, с помощью которых будет доноситься информация до широкой общественности. Именно поэтому важным видится рассмотреть эти формы и их существенные характеристики. Так, одной из форм политических дебатов выступают парламентские дебаты. Парламентский дискурс включает в себя следующие виды дебатов:

- дебаты по определенной узкой теме;
- дебаты на актуальную тему;
- общие прения;
- правительственный запрос.

Особая обстановка парламента, характеризующаяся собственным жанровым пространством и специфическим хронотопом способна определять специфику адресации, оказывать определенное влияние на поведение участников политической коммуникации. Отличительные признаки парламентских дебатов детерминированы особенностями самой парламентской среды. Ключевая функция парламента состоит в обсуждении и принятии законов. Основной целью парламентских дебатов является проведение дискуссий и обсуждение новых законопроектов, а также принятие решений, касающихся внутриполитической ситуации в стране.

Парламентские дебаты в парламентском дискурсе реализуют наиболее важные характеристики политического дискурса. Среди них выделяется: институциональность, смысловая неопределенность, театральность, агональность, ритуальность, манипулятивность, идеологичность [8, с. 1568–1574].

Парламентские дебаты представляют собой важную составляющую институционального политического дискурса. Политические дебаты подразделяются на две основные группы:

- внутривнутрипартийные и внутривнутрифракционные дебаты, участники которых стремятся прийти к общему мнению в пределах партии и далее представить свою позицию общественности;

- парламентские дебаты и политические теледебаты ведутся перед публикой, которая непосредственно не участвует в дебатах и не принимает решений.

Другая исследователь Ж.В. Зигманн выделила две речевые функции политических дебатов [3, с. 8]:

- основную (воздействующее-агитационную);
- дополнительную (информативную).

Цель адресата направлена на достижение локальной победы над оппонентом, что обуславливает конфронтационный характер общения. В случае конфронтационного характера общения возможны два пути развития: либо оппоненты, основываясь на общепринятых нормах регламента, в ходе аргументации приходят к общему знаменателю, либо каждая сторона остается при своем, что ведет к использованию в речи повелительных высказываний, грубости, жаргонизмов и т.д. [5, с. 181–183].

При анализе политической коммуникации, как правило, обращается внимание на тот факт, что выступающий всегда будет стремиться избегать открытого выражения агрессии, поскольку это может нанести урон его имиджу. Именно с этой целью он будет использовать большое количество имплицитных средств, которые будут способствовать разрешению конфликта в пользу говорящего. Это характерно, в том числе, и для парламентских дебатов – особого жанра, в котором наиболее отчетливо проявляется необходимость кооперации, совместной работы для достижения общих целей.

Политик во время своей речи выбирает имплицитные речевые средства выражения конфликта или критики еще и по той причине, что общение на уровне импликатур – наиболее престижный вид вербальной коммуникации. Как отмечает В.В. Богданов, «импликатура дает возможность говорящему выглядеть в глазах адресата умным, нестандартно мыслящим и разбирающимся в тонкостях речевого общения» [1, с. 21]. Таким образом, использование имплицитных речевых средств позволяет политику одновременно применять сразу две основные речевые стратегии политической коммуникации: стратегию дискредитации и стратегию самопрезентации [2, с. 117–122].

Рассматривая коммуникативные стратегии и их использование на примере политических дебатов, важным видится обратиться к самим заголовкам, представленным в СМИ. Так, в частности, весьма популярными являются заголовки политических дебатов Британского парламента. К примеру: «Brexit debate on Theresa May's deal in British parliament» [9]; «Watch: the best of Bercow setting the record straight in the Brexit debate» [14]; [14] «What is Theresa May's view on Brexit?» [14]. Анализ данных заголовков позволяет отметить намеренность их формулировок с тем посылом, что позиция Т. Мэй очень жесткая в этом вопросе. В то же время данные заголовки свидетельствуют и о накаленной ситуации в самом Британском Парламенте. Все эти заголовки сопровождаются не только статьями, но и видеоматериалами. Аудитория может составить собственное мнение о происходящем, однако заголовки задают некоторый тон восприятия и направляют формирование определенного видения проблематики.

Так, следует отметить, что заголовки дискурса имеют не только заданность и целевую постановку, но и способность посредством подкрепления видеоматериалами и стенограммами представить истинное положение дел и позиции участников политических дебатов.

Одним из последних наиболее ярких примеров могут послужить заголовки ведущих СМИ о результатах выборов в Европарламент в 2019 г.

Прежде всего, следует отметить неоднозначность самой ситуации, в которой происходили предвыборные дебаты и сами выборы в Европейский парламент. Кризис европейских институциональных структур, нарастание евроскептицизма, Brexit, проблемы миграционного характера, противостояние с Россией, нашедшее выражение в санкциях, охлаждении сотрудничества и соответствующей риторике, а также усилении мер, направленных на борьбу с российской пропагандой и дезинформацией, способной оказать влияние на исход парламентских дебатов и европарламентских выборов.

Так, к примеру, на сайте Euronews можно встретить следующие заголовки: «Candidates for EU Commission presidency lock horns in latest debate» [15]; «European elections 2019: winner, losers and the shrinking Centre» [16]; «European Parliament election 2019: is politics in Europe

fragmenting?» [17]; «European elections 2019: What were the clear trends?» [18]; «BBC push European elections remain ‘victory’ claim» [19]. Из данных примеров заголовков становится понятным, что ситуация вокруг этого события довольно напряжена, есть и понимание возможного изменения расстановки сил и фрагментационного характера самой политики ЕС. Вместе с тем, данные заголовки сформулированы таким образом, что они не оставляют безучастными противников и сторонников тех или иных политических сил, а приковывают пристальное внимание всех независимо от их политических предпочтений.

Кроме того, есть примеры заголовков, отражающих сущность проблемной ситуации проведения и результатов выборов в Европарламент: «How Brexit party won Euro elections on social media – simple, negative messages to older voters» [20]; «European election voting problems ‘were evident five years ago’» [21]; «Spanish court blocks jailed Catalan leader from joining EU parliament» [22]; «EU citizens’ voting rights: ministers accused of ‘shocking complacency’» [23]; «BBC’s EU election graphic showing win for anti-Brexit parties was ‘lapse of editorial standards’» [24].

Следует заметить, что политические дебаты в Европарламенте отличались особой напряженностью в 2019 г., и проблема здесь не только в кризисной ситуации, сложившейся в ЕС, но и в попытках ведущих политических сил одного из самых демократичных органов – Европейского парламента – обеспечить максимальную явку на эти выборы, чего и удалось добиться. В то же время следует отметить прозрачность и транспарентность многих процессов, имеющих место в Европейском парламенте.

Весьма интересными представляются и политические дебаты, ведущиеся на Западе в отношении России и ее электорального процесса. При этом сами политические дебаты представлены широкой западной аудиторией, позволяющей формировать определенные прогностические интенции, обладающие манипуляционным воздействием в широком смысле.

Среди наиболее ярких заголовков нам удалось выделить следующие: «What’s Missing in Democratic Debates About Russia and Election Security»

[25]; «2018 election is no problem for Putin – but what about 2024?» [26]; «The “2024 Putin transit” and Russia’s political future» [27]; «DEBATE: Putin in Power until 2024: What Does it Mean?» [28]; «Three ways Putin could stay in power after 2024 following his re-election as Russian president» [29]; «The Russian elite is jostling to solve Putin’s ‘2024 problem’» [30]; «Where’s Putin? President’s party pulls election disappearing act» [31].

Данные заголовки отчетливо демонстрируют интерес к предстоящим выборам в России, поскольку ожидаются перемены как в самой России после ухода В. Путина, так и в ее внешней политике. Падение или ослабление путинского режима отчетливо прослеживается в ожиданиях представителей западного сообщества, поскольку это принесет ключевые изменения для позиций России в так называемой «большой игре» потенциально сильных игроков. Кроме того, намеренно сформулированные в основном в форме вопросов, они отражают неясность перспектив России и провоцируют скрытую неуверенность ее способности удержать свои позиции после окончания режима Путина.

Не менее интересными видятся заголовки ведущих западных новостных агентств об отношениях США и Китая, которые в значительной степени обострились в последнее время и являются предметом бурных политических дебатов как в элитарных политических кругах, так и среди широкой общественности. Основная проблематика сводится к торговой войне между данными странами, новостные заголовки отражают специфику сложившейся ситуации и поиск путей достижения договоренностей. Так, в частности, следует выделить следующие новостные заголовки: «The US and China have announced a preliminary trade agreement» [32]; «Trump ‘signs off’ on deal to pause US-China trade war» [33]; «US postpones next tariff hike after China trade talks» [34]; «Trump says U.S. and China “very close” to a trade deal» [35]; «America and China: why the trade war won’t end soon» [36]; «US-China trade talks are at a critical juncture» [37]; «The US-China trade war isn’t getting better. This week showed why it could get worse» [38].

При анализе данных заголовков довольно отчетливо просматриваются доминирующая роль США и поиск решения сложившейся проблемной ситуации именно этой страной как потенциальным

глобальным лидером. Заголовки сформулированы таким образом, что они фактически скрывают суть проблемы, акцентируя внимание на выработке США перечня условий и договоренностей, которые будут направлены на решение проблем.

Все это позволяет заключить, что заголовки оказывают влияние на тематику политических дебатов, а также на их восприятие. От формулировок заголовков зависит тон обсуждения наметившихся проблем среди представителей политической элиты на мировом рынке и во многом восприятие имиджа формулирующей их державы. Почти все приведенные нами заголовки использовали манипуляционные тактики и техники, обусловленные разными целевыми установками, в процессе реализации коммуникативных стратегий.

Анализ заголовков и содержания политического дискурса в реализации коммуникативных стратегий позволяет нам заключить, что их выбор и формулировка являются частью политической коммуникации представителей властных структур. Ввиду этого используются специальные риторические приемы и линии речевого поведения, лаконичность и емкость формулировок с сохранением их целевого назначения. Манипуляция, дезинформация, самопрезентация, политическая пропаганда, лозунги, призывы нередко используются для достижения нужного эффекта. При этом принимаются во внимание особенности коммуникативной среды, что влияет на выбор приемов воздействия на публику, типологию дискурса и его содержательное наполнение. Заголовок также формулируется исходя из определенной тактики. Оценочный статус нередко используется для систематизации данных, которые лягут в основу дискурса. СМИ широко использует заголовки политических дискурсов, формируя тем самым определенное общественное мнение, имидж политиков, политических партий и фракций, а также взгляды оппонентов и сторонников определенных политических сил.

Список литературы

1. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: ЛГУ, 1990. 88 с.

2. Вознесенская Ю.В. Скрытые речевые средства ведения политической борьбы в немецкой политической коммуникации // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 9. Вып. 1. С. 117–122.
3. Зигман Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и стратегии: Автореферат канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. 28 с.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 280 с.
5. Мельничук Н.В. Политические дебаты как конфликтный жанр в политической коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. 2017. С. 181–183.
6. Лашко Ю.В., Главан А.А. Сопоставительный анализ вербальных и невербальных средств коммуникации в публичном политическом дискурсе (на материале Парламентских выборов Великобритании) // Север России: стратегии и перспективы развития материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 65–68.
7. Сейранян М.Ю. Конфронтативные стратегии и тактики в политических дебатах // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. 2011. №1. С. 37–42.
8. Спиридовский О.В. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса // Научный альманах. 2015. №9 (11). С. 1568–1574.
9. Brexit debate on Theresa May's deal in British parliament. <https://www.youtube.com/watch?v=mdHTmBqH4FM> (дата обращения: 01.12.2019).
10. Gordon Brown's labour conference speech in full. <https://www.theguardian.com/politics/2009/sep/29/gordon-brown-labour-conference-speech-in-full> (дата обращения: 01.12.2019).
11. Long History for proposal by McCain on Mortgages. <https://www.nytimes.com/2008/10/08/us/politics/08mortgage.html> (дата обращения: 02.12.2019).
12. Second prime ministerial debate 22 April 2010. Transcript. http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_sec0nddebate.pdf. (дата обращения: 05.12.2019).
13. Commission on presidential debates. October 07, 2008 Debate Transcript. <http://www.debates.org/index.php?page=october-7-2008-debate-transcript>. (дата обращения: 09.12.2019).

14. Watch: the best of Bercow setting the record straight in the Brexit debate. <https://www.euronews.com/2019/01/29/watch-the-best-of-bercow-setting-the-record-straight-in-the-brexite-debate> (дата обращения: 01.12.2019).
15. Candidates for EU Commission presidency lock horns in latest debate. <https://www.euronews.com/2014/05/14/candidates-for-eu-commission-presidency-debate-brussels> (дата обращения: 03.12.2019).
16. European elections 2019: winner, losers and the shrinking Centre. <https://www.euronews.com/2019/05/27/european-elections-2019-winners-losers-and-the-shrinking-centre> (дата обращения: 07.12.2019).
17. European Parliament election 2019: is politics in Europe fragmenting? <https://www.euronews.com/2019/05/23/eu-elections-what-do-the-550-party-lists-in-the-running-reveal-about-politics-on-the-conti> (дата обращения: 02.12.2019).
18. European elections 2019: What were the clear trends? <https://www.bbc.com/news/world-europe-48420024> (дата обращения: 04.12.2019).
19. BBC Push European Elections Remain ‘Victory’ Claim. <http://news-watch.co.uk/bbc-push-european-elections-remain-victory-claim/> (дата обращения: 09.12.2019).
20. How Brexit party won Euro elections on social media – simple, negative messages to older voters. <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/29/how-brexite-party-won-euro-elections-on-social-media> (дата обращения: 01.12.2019).
21. European election voting problems ‘were evident five years ago’. <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/21/european-election-voting-problems-were-evident-five-years-ago> (дата обращения: 06.12.2019).
22. Spanish court blocks jailed Catalan leader from joining EU parliament. <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/14/spain-blocks-catalan-leader-oriol-junqueras-joining-eu-parliament> (дата обращения: 03.12.2019).
23. EU citizens’ voting rights: ministers accused of ‘shocking complacency’. <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/04/eu-voting-rights-row-ministers-accused-of-shocking-complacency> (дата обращения: 05.12.2019).

24. BBC's EU election graphic showing win for anti-Brexit parties was 'lapse of editorial standards'. <https://www.pressgazette.co.uk/bbcs-eu-election-graphic-showing-win-for-anti-brexit-parties-was-lapse-of-editorial-standards/> (дата обращения: 02.12.2019).
25. What's Missing in Democratic Debates About Russia and Election Security. <https://fortune.com/2019/06/29/democrat-debate-election-security-russia-trump/> (дата обращения: 06.12.2019).
26. 2018 election is no problem for Putin – but what about 2024? <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/06/2018-election-is-no-problem-for-putin-but-what-about-2024> (дата обращения: 09.12.2019).
27. The “2024 Putin transit” and Russia's political future. <https://atlantic-community.org/the-2024-putin-transit-and-russias-political-future/> (дата обращения: 08.12.2019).
28. DEBATE: Putin in Power until 2024: What Does it Mean? <https://besacenter.org/online-debates/putin-presidential-term/> (дата обращения: 02.12.2019).
29. Three ways Putin could stay in power after 2024 following his re-election as Russian president. <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2137794/three-ways-putin-could-stay-power-after-2024-following-his> (дата обращения: 04.12.2019).
30. The Russian elite is jostling to solve Putin's '2024 problem'. <https://thebell.io/en/the-russian-elite-is-jostling-to-solve-putin-s-2024-problem/> (дата обращения: 08.12.2019).
31. Where's Putin? President's party pulls election disappearing act. <https://www.politico.eu/article/putin-russia-party-pulls-election-disappearing-act/> (дата обращения: 05.12.2019).
32. The US and China have announced a preliminary trade agreement. https://www.bbc.com/news/business-50784554?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/cp7r8vgl2lgt/donald-trump&link_location=live-reporting-story (дата обращения: 01.12.2019).
33. Trump 'signs off' on deal to pause US-China trade war. <https://www.bbc.com/news/business-50765743> (дата обращения: 07.12.2019).
34. US postpones next tariff hike after China trade talks. <https://www.bbc.com/news/business-50020574> (дата обращения: 04.12.2019).

35. Trump says U.S. and China “very close” to a trade deal. <https://www.youtube.com/watch?v=eGyDGcKUyZ8> (дата обращения: 01.12.2019).
36. America and China: why the trade war won't end soon. The Economist. https://www.youtube.com/watch?v=ErwllvQ_RVk (дата обращения: 03.12.2019).
37. US-China trade talks are at a critical juncture. <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/trump-us-china-trade-war-timeline-of-everything-thats-happened-2019-8-1028474486> (дата обращения: 06.12.2019).
38. The US-China trade war isn't getting better. This week showed why it could get worse. <https://edition.cnn.com/2019/11/22/business/china-us-trade-cold-war/index.html> (дата обращения: 09.12.2019).

References

1. Bogdanov V.V. *Rechevoe obshchenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech communication. Pragmatic and semantic aspects]. L.: LGU, 1990. 88 p.
2. Voznesenskaya Yu.V. Skrytye rechevye sredstva vedeniya politicheskoy bor'by v nemeckoj politicheskoy kommunikacii [Hidden speech means of political struggle in German political communication]. *Vestnik SPb-GU*. 2010. Ser. 9. Issue 1, pp. 117–122.
3. Zigman Zh.V. *Struktura sovremennogo politicheskogo diskursa: rechevye zhanry i strategii* [The structure of modern political discourse: speech genres and strategies]. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2003. 28 p.
4. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the discourse theory]. M.: ITDGK «Gnozis». 2003. 280 p.
5. Mel'nichuk N.V. Politicheskie debaty kak konfliktnyj zhanr v politicheskoy kommunikacii [Political Debate as a Conflict Genre in Political Communication]. *Yazykovoj diskurs v social'noj praktike. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Language discourse in social practice. Collection of scientific papers of the international scientific-practical conference]. 2017, pp. 181–183.
6. Lashko Yu.V., Glavan A.A. Sopostavitel'nyj analiz verbal'nyh i neverbal'nyh sredstv kommunikacii v publichnom politicheskom diskurse (na materiale Parlamentских vyborov Velikobritanii) [Comparative analysis of

- verbal and non-verbal means of communication in public political discourse (based on the UK Parliamentary elections)]. Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [North of Russia: strategies and development prospects materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]. 2016, pp. 65–68.
7. Sejranyan M.Yu. Konfrontativnye strategii i taktiki v politicheskikh debatah [Confrontational strategies and tactics in political debate]. *Vestnik MGOU. Seriya Lingvistika*. 2011. №1, pp. 37–42.
 8. Spiridovskij O.V. Parlamentskie debaty kak zhanr politicheskogo diskursa [Parliamentary debate as a genre of political discourse]. *Nauchnyj al'manah*. 2015. №9 (11), pp. 1568–1574.
 9. Brexit debate on Theresa May's deal in British parliament. <https://www.youtube.com/watch?v=mdHTmBqH4FM>
 10. Gordon Brown's labour conference speech in full. <https://www.theguardian.com/politics/2009/sep/29/gordon-brown-labour-conference-speech-in-full>
 11. Long History for proposal by McCain on Mortgages. <https://www.ny-times.com/2008/10/08/us/politics/08mortgage.html>
 12. Second prime ministerial debate 22 April 2010. Transcript. http://news.bbc.c0.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_sec0nddebate.pdf
 13. Commission on presidential debates. October 07, 2008 Debate Transcript. <http://www.debates.org/index.php?page=october-7-2008-debate-transcript>
 14. Watch: the best of Bercow setting the record straight in the Brexit debate. <https://www.euronews.com/2019/01/29/watch-the-best-of-bercow-setting-the-record-straight-in-the-brexite-debate>
 15. Candidates for EU Commission presidency lock horns in latest debate. <https://www.euronews.com/2014/05/14/candidates-for-eu-commission-presidency-debate-brussels>
 16. European elections 2019: winner, losers and the shrinking Centre. <https://www.euronews.com/2019/05/27/european-elections-2019-winners-losers-and-the-shrinking-centre>
 17. European Parliament election 2019: is politics in Europe fragmenting? <https://www.euronews.com/2019/05/23/eu-elections-what-do-the-550-party-lists-in-the-running-reveal-about-politics-on-the-conti>
 18. European elections 2019: What were the clear trends? <https://www.bbc.com/news/world-europe-48420024>

19. BBC Push European Elections Remain ‘Victory’ Claim. <http://news-watch.co.uk/bbc-push-european-elections-remain-victory-claim/>
20. How Brexit party won Euro elections on social media – simple, negative messages to older voters. <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/29/how-brexit-party-won-euro-elections-on-social-media>
21. European election voting problems ‘were evident five years ago’. <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/21/european-election-voting-problems-were-evident-five-years-ago>
22. Spanish court blocks jailed Catalan leader from joining EU parliament. <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/14/spain-blocks-catalan-leader-oriol-junqueras-joining-eu-parliament>
23. EU citizens’ voting rights: ministers accused of ‘shocking complacency’. <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/04/eu-voting-rights-row-ministers-accused-of-shocking-complacency>
24. BBC’s EU election graphic showing win for anti-Brexit parties was ‘lapse of editorial standards’. <https://www.pressgazette.co.uk/bbcs-eu-election-graphic-showing-win-for-anti-brexit-parties-was-lapse-of-editorial-standards/>
25. What’s Missing in Democratic Debates About Russia and Election Security. <https://fortune.com/2019/06/29/democrat-debate-election-security-russia-trump/>
26. 2018 election is no problem for Putin – but what about 2024? <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/06/2018-election-is-no-problem-for-putin-but-what-about-2024>
27. The “2024 Putin transit” and Russia’s political future. <https://atlantic-community.org/the-2024-putin-transit-and-russias-political-future/>
28. DEBATE: Putin in Power until 2024: What Does it Mean? <https://besa-center.org/online-debates/putin-presidential-term/>
29. Three ways Putin could stay in power after 2024 following his re-election as Russian president. <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2137794/three-ways-putin-could-stay-power-after-2024-following-his>
30. The Russian elite is jostling to solve Putin’s ‘2024 problem’. <https://the-bell.io/en/the-russian-elite-is-jostling-to-solve-putin-s-2024-problem/>
31. Where’s Putin? President’s party pulls election disappearing act. <https://www.politico.eu/article/putin-russia-party-pulls-election-disappearing-act/>

32. The US and China have announced a preliminary trade agreement. https://www.bbc.com/news/business-50784554?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/cp7r8vgl2lgt/donald-trump&link_location=live-reporting-story
33. Trump ‘signs off’ on deal to pause US-China trade war. <https://www.bbc.com/news/business-50765743>
34. US postpones next tariff hike after China trade talks. <https://www.bbc.com/news/business-50020574>
35. Trump says U.S. and China “very close” to a trade deal. <https://www.youtube.com/watch?v=eGyDGcKUyZ8>
36. America and China: why the trade war won’t end soon. The Economist. https://www.youtube.com/watch?v=ErwIIVQ_RVk
37. US-China trade talks are at a critical juncture. <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/trump-us-china-trade-war-timeline-of-everything-thats-happened-2019-8-1028474486>
38. The US-China trade war isn’t getting better. This week showed why it could get worse. <https://edition.cnn.com/2019/11/22/business/china-us-trade-cold-war/index.html>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Головина Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, аспирантка
*Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, г. Москва, 129226, Российская Федерация
nastya5946@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Golovina Anastasia Alexandrovna, Senior Lecturer, Department of Humanitarian and Natural Sciences, Postgraduate Student
*Moscow City Pedagogical University
4, 2nd Selskohozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation
nastya5946@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-79-104

УДК 811.361

(НЕ)АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БАСКСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (БАСКО-ИБЕРИЙСКАЯ И ВАСКОНСКАЯ ГИПОТЕЗЫ)

Кирчанов М.В.

Цель. Автор анализирует роль и значение академических исследований баскского языка в развитии баскского национализма.

Методы. Автор использует методы интеллектуальной истории и принципы междисциплинарности, предложенные в исследованиях национализма.

Выводы. Анализируются различные концепции, основанные на идеях и ценностях континуитета и непрерывного исторического, языкового и географического присутствия басков в регионе их обитания. Автор также анализирует модернистские версии истории баскского языка. Предполагается, что в баскском национализме возникла ситуация симбиоза между националистическим воображением, основанным на этнической парадигме, и внешними академическими штудиями, которые стали факторами академизации и формальной нормализации национализма, чья репутация была отягощена использованием радикальных методов и насилия. Автор полагает, что теории континуитета и модернистские подходы актуализировали гетерогенность националистического воображения. В статье показано, что модернисты стандартизировали баскский язык, превратив его в фактор визуализации этничности и идентичности. Предполагается, что сторонники континуитета историзировали этническую парадигму баскского политического воображения, содействуя повышению символического престижа членства в гражданской баскской нации.

Ключевые слова: баскский национализм; баскский язык; этничность; языковой национализм; академические теории; баскское языкознание; интеллектуалы; ответственность интеллектуалов.

**(NON)ACADEMIC LINGUISTIC THEORIES
AS A DEVELOPMENT FACTOR OF BASQUE ETHNIC
NATIONALISM (BASQUE-IBERIAN
AND VASCONIC HYPOTHESES)**

Kyrchanoff M.W.

***Purpose.** The author analyzes the role and importance of academic Basque language studies in the development of Basque nationalism.*

***Methods.** The author uses the methods of intellectual history and the principles of interdisciplinarity proposed in the studies of nationalism.*

***Results.** Various concepts, based on the ideas and values of continuity and the continuous historical, linguistic and geographical presence of the Basques in their region of residence, are analyzed in the article. The author analyzes modernist versions of the history of the Basque language also. It is assumed that a symbiotic situation arose in Basque nationalism between a nationalistic imagination based on an ethnic paradigm and external academic studies, which stimulated academicization and formal normalization of nationalism, whose reputation too doubtful because its supporters preferred to use radical methods and violence. The author presumes that continuity theories and modernist approaches actualized the heterogeneity of the Basque nationalistic imagination. The article shows that modernists standardized the Basque language, turning it into a factor of the visualization of ethnicity and identity. It is also presumed that supporters of continuity were too active in their attempts to historicize the ethnic paradigm of the Basque political imagination, inspiring the rise of symbolic prestige of membership in the Basque civil nation.*

***Keywords:** Basque nationalism; Basque language; ethnicity; linguistic nationalism; academic theories; Basque linguistics; intellectuals; intellectual responsibility.*

Введение

В научной литературе, сфокусированной на изучении истории национализма, а также в работах, посвящённых истории языкознания,

общим местом успело стать утверждение о том, что национализм периодически выступал в качестве того фактора, который стимулировал развитие языков, трансформируя неунифицированные народные диалекты в языки наций как воображаемых сообществ, современных конструктов и качественно новых политических институтов [12; 26; 35; 52]. Национализм как политическая доктрина и идеология мог играть существенную роль в развитии языкознания, особенно – в недемократических авторитарных обществах, где политические элиты вмешиваются в развитие гуманитарных наук. Несколько волн националистической активности в рамках унификации народных диалектов и их превращения в языки наций как политических сообществ на территории Европы развивались циклично. Французская революция стала первой государственно направляемой попыткой сознательной и намеренной национализации языка через его унификацию и маргинализацию региональных диалектов при помощи создания унифицированной системы образования, что предусматривало внедрение единых стандартов для преподавания, в том числе – и языка [34].

Актуальность. Последующие поколения европейских националистов в разных регионах в той или иной мере использовали французский опыт в деле унификации диалектов, которыми предстояло стать языками политических наций. Триумф национализмов Центральной и Восточной Европы [18; 40] был невозможен без унификации языков неравноправных меньшинств, чьи формирующиеся политические элиты смогли поставить под сомнение монополию русского, немецкого или венгерского языков, которые в большей степени соотносились с имперскими формами государствами. Националисты продолжили свои манипуляции с языками и в XX в., повышая статус диалектов и превращая их в языки: в частности, создание македонской государственности в рамках послевоенной Югославской федерации изменило статус македонских диалектов, превратив их в македонский язык [22; 41]; распад СРФЮ стимулировал новую волну лингвистического националистического воображения, институционализовав сербский, хорватский, боснийский и черногорский в качестве самостоятельных языков [27; 32; 74].

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в этой статье будут проблемы лингвистической компоненты в баскском националистическом воображении, но автор не ставит в качестве своей задачи анализ событийной стороны и той деятельности националистов, которая направлена на внедрение баскского языка и повышение его статуса и расширение использования в Стране Басков. Целью статьи является изучение концепций континуитета и дискретности в истории баскского языка относительно родственных ему языков. Задачи статьи, поэтому, могут быть сведены к следующему: анализ аргументов сторонников континуитета в истории баскского языка; изучение идей и аргументов модернистов, которые воспринимали язык басков как современный и более позднейший конструкт, возникший в результате стандартизации; выяснение роли и места этих формально академических споров и дискуссий в политическом и идеологическом дискурсах баскского националистического воображения.

Историография. В историографии баскскому национализму уделяется значительное внимание [23; 24; 44; 51], но он не столь привлекателен для исследователей в силу того, что баскский язык не является индоевропейским, что, с одной стороны, усложняет изучение национализма басков, а, с другой, вынуждает их исследователей ориентироваться на обширную испано- или англоязычную литературу [53; 65; 75]. Поэтому баскский национализм воспринимается как политическое явление в контекстах транзита от авторитаризма к демократии или описывается в контекстах класса и гендера [54], насилия и принуждения [38], воображения сообществ и изобретения традиций [15], а вопросы интеллектуальной истории, истории идей и археологии идей баскского национализма, включая те аспекты, которые связаны с лингвистической компонентой и роль националистически ориентированных интеллектуалов в ее развитии [42], остаются в тени других, формально более привлекательных для исследователей, сюжетов.

Методология. Методологически данная статья основана на идеях, предложенных как в рамках междисциплинарных Nationalism Studies

[45; 66; 67], так и в рамках интеллектуального поворота [11; 19; 68] в гуманитарном знании, который стимулировал синтез достижений истории и лингвистики [36], позволив воспринимать те политические процессы, институты и идеологии, ранее описывавшиеся в позитивистской событийной парадигме, как конструкты, воображаемые сообщества и изобретенные традиции, возникшие в рамках националистического воображения. Трансплантируя достижения междисциплинарных штудий национализма и интеллектуальной истории, в историю языкознания, представляется логичным предположить, что смена интерпретаций и парадигм в истории изучения баскского языка была самым тесным образом связана с политической и идеологической динамикой, а также той ролью, которую играл национализм басков в интеллектуальной и общественной жизни.

Результаты и обсуждение

Националистическое воображение и язык: модусы (со)отношений. История европейских национализмов свидетельствует о том, что националистические интеллектуалы в своих манипуляциях с языком могут использовать различные методы. С одной стороны, возможно создание национальных языков наций как воображаемых сообществ, что предусматривает повышение роли и значение одних диалектов через маргинализацию других, их последующее вытеснение и исчезновение. В этом случае исследователи национализма имеют дело с националистами-модернистами, чьи методы и результаты деятельности которых достаточно подробно описаны в академической литературе. С другой стороны, националисты не всегда являются модернистами, но могут быть сторонниками консервативной народной, как правило – крестьянской, культуры, что и предопределяет ориентацию на актуализацию непрерывности и преемственности в развитии сообщества, стимулируя попытки националистов связать нацию, к которой они принадлежат, с древними группами, что делается даже в тех случаях, когда доказательства этнического и лингвистического родства являются спорными или могут отсутствовать вовсе.

Если большинство современных славянских, скандинавских германских и балтийских языков [39; 43] были превращены из не-престижных крестьянских диалектов в языки соответствующих наций, как воображаемых сообществ [76] в рамках первой модели, то другие языки были вообразены именно в качестве таковых в рамках этнизированного воображения греческого, армянского, грузинского или еврейского (ивритского) национализма [37; 59; 60]. Эти две тенденции в развитии лингвистической компоненты в националистическом воображении вовсе не исключают и третьего варианта, который предусматривает идейную гетерогенность националистического дискурса и одновременное сосуществование в рамках интеллектуального и политического сообщества различных точек зрения на возможные стратегии изучения языка как потенциального ресурса националистического воображения и связанной с ним мобилизации членов сообщества как политической нации. Среди таких национализмов, где лингвистическая компонента в идеологии получила значительное развитие, особое место занимает баскский национализм.

Баско-иберийская и васконская гипотеза: интеллектуалы между ценностями академического сообщества и универсалиями этничности. В баскском националистическом воображении особую роль играют лингвистические нарративы, связанные с двумя теориями, основной идеей которых является континуитет. В данном случае речь идет о баско-иберийской и васконской гипотезах, которые в различных формах актуализируют идеи как преемственности, так и непрерывности этнического, языкового и культурного развития басков в регионах их проживания, апеллируя одновременно и к националистической идее о том, что в прошлом предки басков проживали на более обширных территориях [25]. Британский социолог Энтони Смит, комментируя вклад гуманитариев-интеллектуалов, в том числе – филологов, в развитие национализма, подчеркивает, что «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный

фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты» [61].

В этом контексте совершенно нормально то, что политическая идеология баскского национализма и гуманитарные штудии оказались в состоянии взаимозависимости. Баско-иберийская и васконская гипотезы в баскском национализме (известные как несколько не совсем академических идей и концепций, в интеллектуальном дискурсе обозначаются как *vascoiberismo* [21]), возникли как результат внешних влияний со стороны европейских лингвистов, которые занимались изучением баскского языка. Мануэль Гомес-Морено [28; 29], испанский лингвист, стал одним из первых европейских интеллектуалов, кто предпринял реальные шаги к дешифровке и чтению памятников иберского письма на территории Испании, доказав, что язык иберов, во-первых, не был индоевропейским и, во-вторых, предположив, что он генетически связан с баскским языком, а немецкий филолог Тео Феннеманн [17; 71; 72; 73] стимулировал продвижение в баскском языкознании и национализме идеи сходной и близкой васконской гипотезы, которую можно интерпретировать как частный случай баско-иберийской гипотезы или производную от нее.

Анализируемые теории в одинаковой степени могут быть локализованы как в рамках академического знания, так и в пространствах националистических спекуляций с историей в силу того, что именно «история делает существование нации законным» [57], а обладание историей, в том числе – и историей баскского языка, было принципиально важно для баскских националистов. В современных исследованиях национализма неоднократно подчеркивалось, что «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний» в силу того, что «история стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности», что, в свою очередь, стимулировало «крайнюю политизацию историографии» [4, с. 491]. Эти предположения вполне применимы и для анализа той интеллек-

туальной ситуации, которая сложилась в рамках изучения истории баскского языка, ставшего предметом многочисленных спекуляций со стороны националистов, которые вообразая и изобретая этнических родственников для басков, наделяли нацию историей, что вполне соответствовало целям и намерениям сторонников этнического национализма в то время, как приверженцы баскского национализма как гражданского проекта на протяжении длительного времени не играли особой роли.

Сторонники баско-иберийской гипотезы настаивают на родстве между иберами, жителями региона до его романизации, и современными басками, полагая, что вымершие языки иберов и современный баскский язык могут принадлежать к одной группе, или баскский является потомком одного из иберийских языков. По мнению российского историка В.А. Шнирельмана, «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а т.к. примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [10, с. 18]. Логика развития националистического воображения баскских интеллектуалов не выходила за рамки этой схемы, что в наибольшей степени были характерно для их попыток проанализировать такой атрибут идентичности как язык, что невольно вело к проекции этнических мифов и стереотипов, возникших в XX в. на отдаленное прошлое, что автоматически превращало и баско-иберийскую, и васконскую гипотезу в формы транслирования националистического нарратива, основанного на абсолютизации нации как этнической, но не гражданской группы. В рамках теории баско-иберийского родства на первый план выходят преимущественно фонетические аргументы [55; 56], т.к. общность или близость фонетики языков воспринимается в качестве доказательства как прямого исторического родства, так и принадлежности к одной группе. В содержательном плане баско-иберийская гипотеза связана с васконской теорией, которая в отличие от первой, ориентирована не на актуализацию континуи-

тета, но на продвижение идей исключительной древности баскской идентичности, в первую очередь – языка.

Баско-иберийская и васконская гипотеза: устойчивость и попытки деконструкции. Несмотря на популярность рассматриваемых концепций среди сторонников баскского национализма в его этнической версии, во второй половине XX в. теория баско-иберийского континуитета и васконская гипотеза, предлагавшие в значительной степени мифологизированные версии [6] истории, с одной стороны, не смогли успешно конкурировать с динамично развивавшейся баскологией и, с другой, стали жертвами критики со стороны баскских националистов, которые стремились институционализировать этничность, стандартизируя язык, а не апеллируя к политически мифологизированным и идеологически ангажированным идеям этничности, в основе которых лежала абсолютизация этнических и языковых особенностей. Например, Кольдо Мичелена (Koldobika Mitxelena [46; 47; 48; 49; 50]), один из ведущих представителей баскского культурного национализма [77; 78], и Антонио Товар [69] критиковали эту теорию за абсолютизацию именно этнического фактора и невозможность чтения иберских текстов исходя из баскского [70], хотя другие националисты, например, Хоакин Горрочатеги Чуррука [30; 31], наоборот, высказывались более нейтрально, полагая, что между вымершими языками доримского населения и языков басков существовала генетическая связь, избегая категорических утверждений, и полагая, что отношения между языками иберов и эускерой могут быть описаны различно – в категориях языковой семьи или языкового союза, что фактически стало попыткой найти компромисс между этнически ориентированным националистическим воображением и академической добросовестностью.

Деятельность К. Мичелены [16; 33] и других националистов, склонных к стандартизации и унификации идентичности в большей степени как политического и гражданского проекта, в значительной степени содействовала фрагментации баскского националистического дискурса, несколько ослабив, но не подорвав окончательно

этническую компоненту (о роли которой, например, активно дискутировали интеллектуалы на протяжении всего XX столетия [63; 64]) и склонность идеологов национализма использовать не аргументы нации как политического сообщества граждан, но как группы, основанной на родстве крови, языка и общей истории. И хотя современные баскские националисты-интеллектуалы признают вклад К. Мичелены в развитие национального проекта, тем не менее, его скептическое отношение к этноцентричным интерпретациям истории эускеры принимается не столь однозначно в силу того, что «мышление стереотипами боится демократизации и открытости» [7], а модернистские концепции К. Мичелены фактически означали попытку деконструкции националистического мифа, основанного на примордиальном восприятии истории языка. Траектории личной и академической биографии К. Мичелены показательны в контексте отношений интеллектуала и политической власти. С одной стороны, К. Мичелена был сторонником умеренного культурного баскского национализма, с другой – он стал жертвой политически мотивированных преследований в Испании франкистского периода. Отношения К. Мичелены, как баскского националиста и интеллектуала, с властями вполне вписываются в типологию подобного рода явлений, предложенную украинским историком И. Колесник, полагающей, что «историк всегда находится в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы правителей, династий, стран, даже выступают архитекторами новых государств. Другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые сознательно отстраняется от власти и государственных институтов, ведь настоящий интеллектуал всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму» [2].

Поэтому некоторые европейские интеллектуалы периодически актуализируют идеи, представленные в тех подходах, которые анализируются в этой статье, что, вероятно, свидетельствует и о том, что «профессиональная историография все меньше влияет на историческую сознание общества» [5], которое охотно подменяет

научное представление о прошлом как политической (событийной) истории в целом и истории языка в частности этнически центричными интерпретациями, исходящими от националистов как политических активистов, или концепциями со спорной репутацией, принимаемыми не всеми представителями профессиональной корпорации.

В качестве сторонника теории преемственности проявил себя и испанский лингвист Родригес Рамос, который пытался удревить историю эускеры, настаивая, что предковые языки, протобаскский и протоиберский, с одной стороны, имели общий язык-предок, а, с другой, принадлежали к одной группе в рамках неизвестной языковой семьи. Комментируя отношения националистов историческим прошлым, немецкая исследовательница Ю. Шерпер полагает, что в ряде случаев история может выполнять «терапевтическую функцию», предусматривающую обсуждение «только тех аспектов прошлого, которые казались полезными для нации» [9], а доминирование этнической компоненты в баскском националистическом воображении превратило эускеры в изобретенную традицию, которая активно используется как для актуализации, так и воспроизводства идентичности.

Интерес баскских националистов к истории эускеры подчеркивает то, что этнические истоки для сторонников этнического национализма – «тема, доминирующая в националистической риторике» [20]. Баскские националисты столь активны в своих попытках продвижения концепции истории языка со спорной репутацией в академическом сообществе от того, что «обращение к прошлому является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего» [3], как правило, соотносимого в националистическом воображении с XX в., отягощенным негативным опытом попыток принудительной ассимиляции в период франкизма. Эти настроения в баскском интеллектуальном дискурсе возникают как следствие той значительной роли, которую играет национализм в культурной и интеллектуальной жизни региона. Кроме этого, «при написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный эт-

ноцентризм», порождающий «концептуальные изъяны историографии» [8]: проект развития баскской идентичности не стал исключением из этой универсальной логики развития национализма, а этническая компонента, столь развитая в националистическом воображении, стимулировала прогресс многочисленных изъянов историографии на уровне концептуализации, стимулируя излишний этноцентризм и стремление проецировать баскскую идентичность на те группы, которые ей не обладали.

Если одни интеллектуалы в современной Европе склонны полагать, что «сегодня необходимо продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [1, с. 95], то другие, наоборот, указывают на неизбежность и консолидационный потенциал этноцентричных интерпретаций истории. Поэтому сколь бы не были успешны современные баскские историки и лингвисты, которые используют потенциал модернистской версии описания идентичности, сторонники этнического национализма будут последовательно абсолютизировать идеи и ценности языка как символа, по их мнению, непреходящей баскской этничности.

Благодаря росту и развитию академической историографии во второй половине XX в. концепция континуитета в определенной степени утратила свои позиции в научном сообществе [14], хотя сохранила популярность среди неакадемических интеллектуалов националистической ориентации [13], которые «конструируя прошлое... стремятся обеспечить будущее, основанное на соответствующем образе интерпретированном или реинтерпретированном прошлом» [10, с. 12]. Что касается васконской гипотезы, сводящейся к актуализации идеи о том, что в прошлом обширные территории Европы от побережья Атлантического океана до Балтийского моря населяли этнические группы, близкие и родственные современным баскам [62; 71], то она тоже оказалась востребованной преимущественно баскскими националистами, склонными

искать великих предков в прошлом, в то время, как академическое сообщество относится к ней в большей степени со скепсисом, нежели доверяем. Если профессиональные лингвисты не заметили в анализируемых подходах научной основательности, то баскские националисты воспользовались своим шансом и интегрировали их в свои попытки «переписывания истории согласно этноцентричным канонам» [58, с. 558].

Заключение

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяли основные векторы и траектории развития лингвистического воображения в рамках интеллектуальных трендов баскского национализма.

На протяжении всей истории баскского национализма именно язык был важным фактором консолидации басков в нацию, но эта консолидация протекала как преимущественно этническая и в меньшей степени политическая и гражданская, что существенно отличало баскский национализм, определяя его особенности в контекстах других европейских национализмов. Баскский язык стал не только объектом националистических манипуляций со стороны националистов – этому процессу предшествовали академические штудии в сфере баскского языкознания и в этой ситуации примечательно то, что первыми учеными, которые профессионально занимались баскской филологией, были небаски.

Достижения академической филологии в значительной степени стимулировали националистические манипуляции с баскским языком в силу того, что националисты могли использовать выводы интеллектуалов, интегрируя их в националистический дискурс, синтезируя с ценностями этничности и формировавшейся модерной баскской идентичности. В этой ситуации теории континуитета и модернистские подходы к истории баскского языка, возникшие в рамках академического языкознания, не только отражали научные дискуссии, но и актуализировали гетерогенность националистического воображения, значительную степень его фрагментирован-

ности. Примечательно и то, что академические штудии баскского языка играли несколько взаимоисключающих ролей в развитии национализма: они могли быть стимулами его десакрализации и умеренной, не очень значительной маргинализации этнической компоненты, которая доминировала в баскском националистическом воображении; академические исследования могли в этой ситуации содействовать модернизации баскской идентичности, стимулируя сближение академического и националистического дискурса.

В целом, логично предположить, что в баскском национализме установилась ситуация симбиоза между собственно националистическим воображением, основанным на этнической парадигме, и внешними академическими штудиями, которые могли выступать в качестве факторов модернизации первой или стимулами для ее развития. Баскские националисты в своих попытках использовать достижения академической лингвистики практически ничем не отличались от националистов в других регионах Европы, которые охотно и активно интегрировали в дискурс националистического воображения те достижения науки, которые соотносились с националистическими ценностями, последовательно и решительно отвергая собственно научные компоненты в силу невозможности интегрировать их в националистические версии восприятия действительности.

Заслуги сторонников как теории континуитета, так и тех авторов, которые стояли на позициях модернистского конструирования языка через его стандартизацию для развития и усиления баскского национализма, состоят в следующем: если модернисты обеспечили националистов баскским языком как инструментом для визуализации баскской этничности и инструментализации политической идентичности, то сторонники континуитета содействовали историзации этнической парадигмы, найдя и «изобретя» великих исторических предков, что, с одной стороны, повышало символический престиж принадлежности к баскской нации, а, с другой, обеспечивало баскских националистов формально научными аргументами в их идеологическом противостоянии с испан-

скими и французскими националистами как представителями тех сообществ, которые заняли исторические, по мнению националистов, баскские территории.

В целом, интеллектуальная история, история идей и археология идей лингвистической компоненты в баскском национализме не ограничивается только теми сюжетами, которые проанализированы в этой статье, что актуализирует последующие исследования национализма как фактора возрождения баскского языка в контексте увеличения его видимости и присутствия в политических, социальных, интеллектуальных, культурных и общественных пространствах.

Список литературы

1. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 93–96.
2. Колесник І. Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. 2017. Вип. 9. С. 9–24.
3. Кръстев Д. Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Краят на модерността? / Съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна: LiterNet, 2003. С. 416–449.
4. Кушко А., Таки В. “Кто мы?” Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность. // *Ab Imperio*, 2003. № 1. С. 485–495.
5. Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў // Беларускі Гістарычны Агляд. 2013. Т. 20. Сш. 1–2 (38-39). С. 173–188.
6. Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1–2 (36–37). С. 213–238.
7. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2010. Т. 17. Сш. 1-2 (32-33). С. 89–116.
8. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3. С. 337–360.

9. Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 89–108.
10. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
11. *After Poststructuralism: Writing the Intellectual History of Theory* / eds. Tilottama Rajan, M.J. O’Driscoll. University of Toronto Press, 2002. 340 p.
12. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983. 224 p.
13. Artetxe K. Egungo euskoiberismoari buruzko zenbait ohar // *Euskonews & Media*. 1999. Azaroak 12-19. URL.: <http://www.euskonews.eu-s/0054zbk/gaia5403eu.html> (дата обращения 06.03.2020).
14. Artetxe Sánchez K. Egungo euskoiberismoa berrikuspen historiografikotik abiatuz // *Kondaira*. 2005. No 3, pp. 1–52.
15. Atienza J.C. *The Origins, Ideology, and Organization of Basque Nationalism, 1876 – 1903*. University of Nevada Press, 1996. 528 p.
16. Azurmendi J. Koldo Mitxelena hil da // *Jakin*. 1987. No 45, pp. 165–168.
17. Bammesberger A., Vennemann Th. *Languages in prehistoric Europe*. Heidelberg: Winter, 2003, pp. 319–332.
18. Baycroft T. *Nationalism in Europe 1789–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 104 p.
19. Burguiere A. *The Annales School: An Intellectual History*. Cornell University Press, 2009. 328 p.
20. Calhoun C. *Nationalism*. University of Minnesota Press, 1998. 176 p.
21. Caro Baroja J. *Sobre la lengua vasca y el vascoiberismo*. San Sebastián: Editorial Txertoa, 1982. 217 p.
22. Cowan J.K. *Macedonia: The Politics of Identity and Difference*. NY.: Pluto Press, 2000. 192 p.
23. Douglass W.A. *Basque Politics and Nationalism on the Eve of the Millennium*. University of Nevada Press, 1999. 234 p.
24. Douglass W.A. *Basque politics: A case study in ethnic nationalism*. University of Nevada Press, 1985. 325 p.
25. *Euskararen historia / arg. Joakin Gorrotxategi, Iván Igartua, Joseba A. Lakarra*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritzaren Argitalpen Zerbitzu Nagusia, 2018. 860 orr.

26. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Cornell University Press, 1983. 170 p.
27. Glenny M. *The Balkans: Nationalism, War, and the Great Powers, 1804–2011*. L.: Penguin Books, 2012. 800 p.
28. Gómez-Moreno Martínez M. De epigrafía ibérica: El plomo de Alcoy // *Revista de Filología Española*. 1922. Vol. IX, pp. 342–366.
29. Gómez-Moreno Martínez M. Sobre los iberos y su lengua // *Homenaje a Menéndez Pidal*. Madrid, 1925. Vol. 3, pp. 475–499.
30. Gorrochategui Churruca J. *Estudio sobre la onomástica indígena de Aquitania*. Bilbao: Euskal Herriko Unibertsitatea, 1984. 384 p.
31. Gorrochategui Churruca J. La onomástica aquitana y su relación con la ibérica // *Lengua y cultura en la Hispania prerromana* / eds. J. Untermann y F. Villar. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1993, pp. 609–634.
32. Hajdarpasic E. *Whose Bosnia?: Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840-1914*. Cornell University Press, 2019. 288 p.
33. Haritschelhar J., Ugalde M., Knörr Borrás H. Koldo Mitxelena. *Biografía* // *Egan*. 2015. No ½, pp. 57–63.
34. Hastings D. *Nationalism in Modern Europe: Politics, Identity, and Belonging since the French Revolution*. L.: Bloomsbury Academic, 2018. 318 p.
35. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 199 p.
36. Hock H.H., Joseph B.D. *Language History, Language Change, and Language Relationship: An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. L. – NY.: Walter de Gruyter, 2019. 575 p.
37. Hylland Eriksen Th. *Ethnicity and Nationalism Third Edition: Anthropological Perspectives*. L.: Pluto Press, 2010. 236 p.
38. Jacob J.E. *Hills of Conflict: Basque Nationalism in France*. University of Nevada Press, 1994. 568 p.
39. Judson P.M. *Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria*. Harvard: Harvard University Press, 2007. 332 p.
40. Kamusella T. *Silesia and Central European Nationalisms: The Emergence of National and Ethnic Groups in Prussian Silesia and Austrian Silesia, 1848-1918*. Purdue University Press, 2006. 370 p.

41. Kofos E. Nationalism and Communism in Macedonia: Civil Conflict, Politics of Mutation, National Identity. L.: Aristide D. Caratzas, 1993. 336 p.
42. Kyrchanoff M.W. The tamed ethnicity as the invented tradition of the Basque nationalism // Российский журнал исследований национализма. 2019. № 1-2. С. 130–151.
43. Language and Nationalism in Europe / eds. St. Barbour, Cathie Carmichael. Oxford: Oxford University Press, 2001. 336 p.
44. Lecours A. Basque Nationalism and the Spanish State. University of Nevada Press, 2007. 255 p.
45. Mapping the Nation / ed. G. Balakrishnan. L.: Verso, 2012. 337 p.
46. Mitxelena K. Obras completas. Vol. I. Lingüística histórica. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 408 p.
47. Mitxelena K. Obras completas. Vol. III. Paleohispánica. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 283 p.
48. Mitxelena K. Obras completas. Vol. IV. Exposiciones generales sobre la lengua vasca. Tipología y parentesco lingüístico. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 268 p.
49. Mitxelena K. Obras completas. Vol. IV. Exposiciones generales sobre la lengua vasca. Tipología y parentesco lingüístico. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 268 p.
50. Mitxelena K. Obras completas. Vol. V. Historia y geografía de la lengua vasca. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 466 p.
51. Muro D. Ethnicity and Violence: the Case of Radical Basque Nationalism. L.: Routledge, 2013. 267 p.
52. Nations and Nationalism: New Perspectives on the Past / eds. E. Gellner, J. Breuilly. Cornell University Press, 2009. 152 p.
53. Payne S.G. Basque Nationalism Hardcover. University of Nevada Press, 1975. 262 p.
54. Pérez-Agote A. The Social Roots of Basque Nationalism. University of Nevada Press, 2006. 290 p.
55. Ramos J. La hipótesis del vascoiberismo desde el punto de vista de la epigrafía íbera // Fontes linguae vasconum: Studia et documenta. 2002. Año 34. No 90, pp. 197–218.

56. Ramos J.R. La cultura ibérica desde la perspectiva de la epigrafía // *Iberia: Revista de la Antigüedad*. 2001. No 4, pp. 17–38.
57. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // *Ab Imperio*. 2004. No 1, pp. 467–486.
58. Shnirelman V. Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia // *Nationalities Papers*. 2009. Vol. 37. No 5, pp. 557–588.
59. Smith A. *Nationalism: Theory, Ideology*. L.: Polity, 2010. 200 p.
60. Smith A.D. *Ethnic Origins of Nations*. L.: John Wiley & Sons, 1991. 312 p.
61. Smith A.D. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1-2, pp. 58–80.
62. Steinbauer D.H. *Vaskonisch – Ursprache Europas? // Gene, Sprachen und ihre Evolution / hrsg. Günter Hauska*. Regensburg: Universitätsverlag, 2005. S. 53–67.
63. Sudupe P. 50eko hamarkadako euskal literatura I. Hizkuntza eta ideologia eztabaidak. Donostia, Utriusque Vasconiae, 2011. 284 p.
64. Sudupe P. 50eko hamarkadako euskal literatura II. Kazetaritza eta saiakera. Donostia, Utriusque Vasconiae, 2011. 296 p.
65. Sullivan J.L. *ETA and Basque Nationalism (RLE: Terrorism & Insurgency). The Fight for Euskadi 1890-1986*. L. – NY.: Routledge, 2006. 296 p.
66. *The Oxford Handbook of the History of Nationalism / ed. J. Breuilly*. Oxford University Press, 2016. 824 p.
67. *The SAGE Handbook of Nations and Nationalism / eds. G. Delanty, K. Kumar*. L. – NY.: SAGE Publications Ltd, 2006. 592 p.
68. Thompson W. *Postmodernism and History*. L.: Palgrave, 2004. 172 p.
69. Tovar A. *La lengua vasca*. San Sebastián: Biblioteca Vascongada de los Amigos del País, 1950. 89 p.
70. Tovar A. *Mitología e ideología sobre la lengua vasca: Historia de los estudios sobre ella*. Madrid: Alianza, 1980. 219 p.
71. Vennemann Th. *Basken, Semiten, Indogermanen. Urheimatfragen in linguistischer und anthropologischer Sicht // Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*,

- 22–28. September 1996 / hrsg. Wolfgang Meid. Innsbruck: IBS, 1998. S. 119–138.
72. Vennemann Th. *Europa Vasconica – Europa Semitica*. Berlin: de Gruyter, 2003. 977 p.
73. Vennemann Th. Zur Frage der vorindogermanischen Substrate in Mittel- und Westeuropa // *Europa Vasconica. Trends in Linguistics* / ed. Patrizia Noel Aziz Hanna. Berlin: de Gruyter, 2003. S. 517–590.
74. Veremis Th. *A Modern History of the Balkans: Nationalism and Identity in Southeast Europe*. L. – NY.: I.B. Tauris, 2017. 240 p.
75. Watson C.J. *Basque Nationalism and Political Violence: the Ideological and Intellectual Origins of ETA*. University of Nevada Press, 2008. 330 p.
76. Weber E. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976. 632 p.
77. Zysar Y. Koldo (Luis) Mitxelena-ren erretratu eta biografia heroiko baterako (lehen atala) // *Gernika*. 2008. No 8. URL.: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/105-koldo-luis-mitxelena-ren-erretratu-eta-biografia-heroiko-baterako-lehen-atala> (дата обращения 06.03.2020).
78. Zysar Y. Koldo (Luis) Mitxelena-ren erretratu eta biografia heroiko baterako (bigarren zatia) // *Gernika*. 2009. No 1. URL.: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/113-koldo-mitxelena-ren-erretratu-eta-biografia-heroikoa-bigarren-zatia> (дата обращения 06.03.2020).

References

1. Barkoški P. Inteliectualny manifest: tut i ciapier [Intellectual manifesto: here and now]. *Palatyčnaja sfera*. 2013. № 21 (2), pp. 93–96.
2. Kolesnyk I. Ukrayins'kyi istoryk i vlada: vid prymusu do partnerstva [Ukrainian historian and power: from coercion to partnership]. *Eydos*. 2017. 9, pp. 9–24.
3. Krūstev D. Kanon i/ili agon. Literaturnoistoricheskite (re)konstruktsii [Canon and / or agon. Literary-historical (re) constructions]. *Kultura i kritika. Krayat na modernostta?* / sūst. A. Vacheva, G. Chobanov. Varna: LiterNet, 2003, pp. 416–449.
4. Kushko A., Taki V. “Kto my?” Istoriograficheskiy vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost' [“Who are we?” Historio-

- graphic choice: Romanian nation or Moldavian statehood]. *Ab Imperio*, 2003. № 1, pp. 485–495.
5. Sahanovič H. Biežuladdzie i praŭladnaś bielaruskich historykaŭ [Anarchy and loyalty of Belarusian historians], *Bielaruski Historyčny Ahliad* [Belarusian Historical Review]. 2013. T. 20. Sš. 1-2 (38-39), pp. 173–188.
 6. Sahanovič H. Palityčny mif u historyčnaj pamiači i historyjapisanni [Political myth in historical memory and history writing]. *Bielaruski Historyčny Ahliad*. 2012. V. 19. Sš. 1-2 (36-37), pp. 213–238.
 7. Sahanovič H. Tanenbierh / Hrunvałd / Dubroŭna 1410: simvalizacyja bitvy ŭ Bielarusi [Tanenbierh / Hrunvałd / Dubroŭna 1410: the symbolization of battle in Belarus]. *Bielaruski Historyčny Ahliad*. 2010. T. 17. Sš. 1-2 (32-33), pp. 89–116.
 8. Usmanova D. Sozdavaya natsional’nyu istoriyu tatar: istoriograficheskiye i intellektual’nyye debaty na rubezhe vekov [Creating the national history of the Tatars: historiographic and intellectual debates at the turn of the century]. *Ab Imperio*. 2003. No 3, pp. 337–360.
 9. Scherrer J. Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo [Germany and France: a study of the past]. *Pro et contra*. 2009. May – avgust, pp. 89–108.
 10. Shnirel’man V.A. *Voiny pamyati. Mify, identichnost’ i politika v Zakavkaz’ye* [Wars of memory. Myths, identity and politics in the trans-Caucasus]. M.: Akademkniga, 2003. 592 p.
 11. After Poststructuralism: Writing the Intellectual History of Theory / eds. Tilottama Rajan, M.J. O’Driscoll. University of Toronto Press, 2002. 340 p.
 12. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983. 224 p.
 13. Artetxe K. Egungo euskoiberismoari buruzko zenbait ohar. *Euskonews & Media*. 1999. Azaroak 12–19. URL.: <http://www.euskonews.eu-s/0054zkb/gaia5403eu.html>
 14. Artetxe Sánchez K. Egungo euskoiberismoa berrikuspen historiografikotik abiatuz. *Kondaira*. 2005. No 3, pp. 1–52.
 15. Atienza J.C. *The Origins, Ideology, and Organization of Basque Nationalism, 1876-1903*. University of Nevada Press, 1996. 528 p.

16. Azurmendi J. Koldo Mitxelena hil da. Jakin. 1987. No 45, pp. 165–168.
17. Bammesberger A., Vennemann Th. Languages in prehistoric Europe. Heidelberg: Winter, 2003, pp. 319–332.
18. Baycroft T. Nationalism in Europe 1789-1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 104 p.
19. Burguiere A. The Annales School: An Intellectual History. Cornell University Press, 2009. 328 p.
20. Calhoun C. Nationalism. University of Minnesota Press, 1998. 176 p.
21. Caro Baroja J. Sobre la lengua vasca y el vascoiberismo. San Sebastián: Editorial Txertoa, 1982. 217 p.
22. Cowan J.K. Macedonia: The Politics of Identity and Difference. NY.: Pluto Press, 2000. 192 p.
23. Douglass W.A. Basque Politics and Nationalism on the Eve of the Millennium. University of Nevada Press, 1999. 234 p.
24. Douglass W.A. Basque politics: A case study in ethnic nationalism. University of Nevada Press, 1985. 325 p.
25. Euskararen historia / arg. Joakin Gorrotxategi, Iván Igartua, Joseba A. Lakarra. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritzaren Argitalpen Zerbitzu Nagusia, 2018. 860 orr.
26. Gellner E. Nations and Nationalism. Cornell University Press, 1983. 170 p.
27. Glenny M. The Balkans: Nationalism, War, and the Great Powers, 1804-2011. L.: Penguin Books, 2012. 800 p.
28. Gómez-Moreno Martínez M. De epigrafía ibérica: El plomo de Alcoy. Revista de Filología Española. 1922. Vol. IX, pp. 342–366.
29. Gómez-Moreno Martínez M. Sobre los iberos y su lengua Homenaje a Menéndez Pidal. Madrid, 1925. Vol. 3, pp. 475–499.
30. Gorrochategui Churruca J. Estudio sobre la onomástica indígena de Aquitania. Bilbao: Euskal Herriko Unibertsitatea, 1984. 384 p.
31. Gorrochategui Churruca J. La onomástica aquitana y su relación con la ibérica. Lengua y cultura en la Hispania prerromana / eds. J. Untermann y F. Villar. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1993, pp. 609–634.
32. Hajdarpasic E. Whose Bosnia?: Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840-1914. Cornell University Press, 2019. 288 p.

33. Haritschelhar J., Ugalde M., Knörr Borrás H. Koldo Mitxelena. *Biografía*. Egan. 2015. No ½, pp. 57–63.
34. Hastings D. *Nationalism in Modern Europe: Politics, Identity, and Belonging since the French Revolution*. L.: Bloomsbury Academic, 2018. 318 p.
35. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 199 p.
36. Hock H.H., Joseph B.D. *Language History, Language Change, and Language Relationship: An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. L. – NY.: Walter de Gruyter, 2019. 575 p.
37. Hylland Eriksen Th. *Ethnicity and Nationalism Third Edition: Anthropological Perspectives*. L.: Pluto Press, 2010. 236 p.
38. Jacob J.E. *Hills of Conflict: Basque Nationalism in France*. University of Nevada Press, 1994. 568 p.
39. Judson P.M. *Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria*. Harvard: Harvard University Press, 2007. 332 p.
40. Kamusella T. *Silesia and Central European Nationalisms: The Emergence of National and Ethnic Groups in Prussian Silesia and Austrian Silesia, 1848-1918*. Purdue University Press, 2006. 370 p.
41. Kofos E. *Nationalism and Communism in Macedonia: Civil Conflict, Politics of Mutation, National Identity*. L.: Aristide D. Caratzas, 1993. 336 p.
42. Kyrchanoff M.W. The tamed ethnicity as the invented tradition of the Basque nationalism. *Rossijskij zhurnal issledovanij nacionalizma*. 2019. No 1-2, pp. 130–151.
43. *Language and Nationalism in Europe* / eds. St. Barbour, Cathie Carmichael. Oxford: Oxford University Press, 2001. 336 p.
44. Lecours A. *Basque Nationalism and the Spanish State*. University of Nevada Press, 2007. 255 p.
45. *Mapping the Nation* / ed. G. Balakrishnan. L.: Verso, 2012. 337 p.
46. Mitxelena K. *Obras completas*. Vol. I. *Lingüística histórica*. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 408 p.
47. Mitxelena K. *Obras completas*. Vol. III. *Paleohispánica*. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 283 p.

48. Mitxelena K. Obras completas. Vol. IV. Exposiciones generales sobre la lengua vasca. Tipología y parentesco lingüístico. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 268 p.
49. Mitxelena K. Obras completas. Vol. IV. Exposiciones generales sobre la lengua vasca. Tipología y parentesco lingüístico. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 268 p.
50. Mitxelena K. Obras completas. Vol. V. Historia y geografía de la lengua vasca. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2011. 466 p.
51. Muro D. Ethnicity and Violence: the Case of Radical Basque Nationalism. L.: Routledge, 2013. 267 p.
52. Nations and Nationalism: New Perspectives on the Past / eds. E. Gellner, J. Breuilly. Cornell University Press, 2009. 152 p.
53. Payne S.G. Basque Nationalism Hardcover. University of Nevada Press, 1975. 262 p.
54. Pérez-Agote A. The Social Roots of Basque Nationalism. University of Nevada Press, 2006. 290 p.
55. Ramos J. La hipótesis del vascoiberismo desde el punto de vista de la epigrafía íbera. *Fontes linguae vasconum: Studia et documenta*. 2002. Año 34. No 90, pp. 197–218.
56. Ramos J.R. La cultura ibérica desde la perspectiva de la epigrafía. *Iberia: Revista de la Antigüedad*. 2001. No 4, pp. 17–38.
57. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland. *Ab Imperio*. 2004. No 1, pp. 467–486.
58. Shnirelman V. Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia. *Nationalities Papers*. 2009. Vol. 37. No 5, pp. 557–588.
59. Smith A. Nationalism: Theory, Ideology. L.: Polity, 2010. 200 p.
60. Smith A.D. Ethnic Origins of Nations. L.: John Wiley & Sons, 1991. 312 p.
61. Smith A.D. Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1-2, pp. 58–80.
62. Steinbauer D.H. Vaskonisch – Ursprache Europas? *Gene, Sprachen und ihre Evolution* / hrsg. Günter Hauska. Regensburg: Universitätsverlag, 2005. S. 53–67.

63. Sodupe P. 50eko hamarkadako euskal literatura I. Hizkuntza eta ideologia eztabaidak. Donostia, Utriusque Vasconiae, 2011. 284 p.
64. Sodupe P. 50eko hamarkadako euskal literatura II. Kazetaritza eta saiakera. Donostia, Utriusque Vasconiae, 2011. 296 p.
65. Sullivan J.L. ETA and Basque Nationalism (RLE: Terrorism & Insurgency). The Fight for Euskadi 1890-1986. L. – NY.: Routledge, 2006. 296 p.
66. The Oxford Handbook of the History of Nationalism / ed. J. Breuilly. Oxford University Press, 2016. 824 p.
67. The SAGE Handbook of Nations and Nationalism / eds. G. Delanty, K. Kumar. L. – NY.: SAGE Publications Ltd, 2006. 592 p.
68. Thompson W. Postmodernism and History. L.: Palgrave, 2004. 172 p.
69. Tovar A. La lengua vasca. San Sebastián: Biblioteca Vascongada de los Amigos del País, 1950. 89 p.
70. Tovar A. Mitología e ideología sobre la lengua vasca: Historia de los estudios sobre ella. Madrid: Alianza, 1980. 219 p.
71. Vennemann Th. Basken, Semiten, Indogermanen. Urheimatfragen in linguistischer und anthropologischer Sicht. Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 22–28. September 1996 / hrsg. Wolfgang Meid. Innsbruck: IBS, 1998. S. 119–138.
72. Vennemann Th. Europa Vasconica – Europa Semitica. Berlin: de Gruyter, 2003. 977 p.
73. Vennemann Th. Zur Frage der vorindogermanischen Substrate in Mittel- und Westeuropa // Europa Vasconica. Trends in Linguistics / ed. Patrizia Noel Aziz Hanna. Berlin: de Gruyter, 2003. S. 517–590.
74. Veremis Th. A Modern History of the Balkans: Nationalism and Identity in Southeast Europe. L. – NY.: I.B. Tauris, 2017. 240 p.
75. Watson C.J. Basque Nationalism and Political Violence: the Ideological and Intellectual Origins of ETA. University of Nevada Press, 2008. 330 p.
76. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914. Stanford: Stanford University Press, 1976. 632 p.
77. Zytsar Y. Koldo (Luis) Mitxelena-ren erretratu eta biografia heroiko baterako (lehen atala) // Gernika. 2008. No 8. URL.: <http://www.gernika>.

ru/euskara/6-euskara/105-koldo-luis-mitxelenaren-erretratu-eta-biografia-heroiko-baterako-lehen-atala

78. Zytsar Y. Koldo (Luis) Mitxelenaren erretratu eta biografia heroiko baterako (bigarren zatia) // Gernika. 2009. No 1. URL.: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/113-koldo-mitxelenaren-erretratu-eta-biografia-heroikoa-bigarren-zatia>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kyrchanoff Maksym W., Dr.Sci. in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: 0000-00033819-3103

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-105-122

УДК 070.41

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА ДИСТИНКТНОСТИ В СИНТАКСИСЕ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЗАВТРА»)

Косякова Я.С.

Заголовки современных электронных газет призваны отразить и донести до адресата информацию о происходящих в мире событиях, причем достаточно стремительно и точно. Данный факт обязывает журналистов предельно логично и точно подать информацию в заголовочной части, как наиболее часто читаемом фрагменте репортажного материала. Заголовок, рассматриваемый как особая грамматическая структура, отличается многообразием синтаксических моделей, которые формируются в русле активизации процесса дистинктности.

***Цель.** Данная статья посвящена анализу процесса дистинктности, происходящего в грамматических структурах современных заголовков, что обуславливается стремительным проникновением разговорной речи в публицистическую форму, а также действием законов языка – экономии и аналитизма. Предметом анализа выступают заголовки в электронной газете «Завтра». Выбор заголовков новостных репортажей в качестве материала исследования позволяет по-новому проанализировать функции синтаксических структур заголовков.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют метод произвольной выборки при подборе практического материала, описательный метод лингвостилистического анализа, а также метод количественно-качественного анализа.*

***Результаты.** Результаты исследования показали, что журналистские тексты, берущие свое начало в публицистическом книжном стиле, все активнее тяготеют к разговорной речевой практике.*

Данный факт позволяет говорить о стремлении грамматических структур, выступающих в качестве заголовков, к аналитическим процессам русского синтаксиса и активности закона экономии речевых средств. Подобные процессы становятся достаточно активными и находят свое воплощение в ряде типов синтаксических моделей, которые имеют свое функциональное назначение. В целях передачи предельной информативной точности и емкости публикуемого материала журналисты используют сегментированные конструкции из ряда расчлененных структур. В рассматриваемом практическом материале отобранных заголовков таких конструкций значительно больше. В то время как присоединительные модели обладают предельной выразительностью и максимальной привлекательностью для адресата. Частота представления заголовка в виде парцеллята значительно ниже, нежели процент сегментированных конструкций, что свидетельствует о желании журналиста, в первую очередь, передать предельную информативную точность и емкость публикуемого материала. Лаконичность заголовка, необычность его синтаксической структуры и многообразие его синтаксических типов, создает эффект живого общения с читателем и способствует привлечению интереса читателя к статейному материалу. Можно с уверенностью сказать, что расчлененные структуры в виде сегментированных, присоединительных и парцеллированных моделей, ранее являвшиеся приметой разговорной речи, все активнее проникают на страницы печатных и электронных газет, что свидетельствует об активизации синтаксического процесса – дистинктности. Статейный текст становится максимально точным, кратким, не лишенным образности и эмотивности.

Область применения. *Полученные результаты настоящего исследования могут быть использованы в теоретических и практических курсах по культуре речи и стилистике русского языка, спецкурсах по дискурс-анализу современных медиатекстов. Также найти свое отражение в дальнейших научных изысканиях, связанных со спецификой представления типов синтаксических конструкций в качестве заголовков печатных и электронных российских газет*

и журналов с целью оптимизации и повышения читательского интереса в медиатекстах.

Ключевые слова: медиатекст; дистинктность; заголовок; расчлененные конструкции; сегментированные модели; присоединительные конструкции; парцелированные конструкции.

DYNAMICS OF THE DISTINCTION PROCESS IN THE SYNTAX OF MODERN NEWSPAPERS HEADINGS (ON THE MATERIAL OF THE ELECTRONIC NEWSPAPER ZAVTRA)

Kosyakova Y.S.

The headlines of modern electronic newspapers are designed to reflect and convey to the addressee information about events taking place in the world rather quickly and accurately. This fact obliges journalists to present information in the heading as the most frequently read fragment of reporting material in an extremely logical and accurate way. The heading, considered as a special grammatical structure, is distinguished by a variety of syntactic models that are formed in line with the activation of the process of distinction.

Purpose. *This article is devoted to the analysis of the distinction process occurring in the grammatical structures of modern headlines, which is due to the rapid penetration of colloquial speech into a journalistic form, as well as the action of the laws of the language – economy and analyticism. The subject of the analysis is the headlines in the electronic newspaper Zavtra. The choice of news reporting headings as the research material allows us to analyze in a new way the functions of the syntactic structures of the headings.*

Method or methodology of the work. *The basis of the research is formed by the method of random sampling in the selection of practical material, a descriptive method of linguo-stylistic analysis, as well as a method of quantitative-qualitative analysis.*

Results. *The results of the study showed that journalistic texts, originating in a journalistic book style, are increasingly gravitating toward*

conversational speech practice. This fact allows us to talk about the desire of grammatical structures acting as headings to the analytical processes of the Russian syntax and activity of the law of economy of speech means. Such processes become quite active and are embodied in a number of types of syntactic models that have their own functional purpose. In order to convey the maximum informative accuracy and capacity of the published material, journalists use segmented structures from a number of dissected structures. In the considered practical material, the selected headings of such constructions are much larger. While connecting models have extreme expressiveness and maximum attractiveness to the addressee. The frequency of presentation of the title in the form of a parcel is much lower than the percentage of segmented designs, which indicates the desire of the journalist, first of all, to convey the ultimate informative accuracy and capacity of the published material. The conciseness of the title, the unusualness of its syntactic structure and the diversity of its syntactic types, create the effect of live communication with the reader and helps to attract the reader's interest in the article material. This means that dissected structures in the form of segmented, connecting and parcel models, which were previously a sign of colloquial speech, are increasingly getting on the pages of print and electronic newspapers, which indicates the activation of the syntactic process, i.e. distinction. Article text becomes as accurate as possible, concise, not devoid of imagery and emotionality.

Practical implications. *The results of this study can be used in theoretical and practical courses on the culture of speech and the stylistics of the Russian language, special courses on discourse analysis of modern media texts. Also reflected in further scientific research related to the specifics of representing types of syntactic constructions as headings of printed and electronic Russian newspapers and magazines in order to optimize and increase reader interest in media texts.*

Keywords: *media text; distinction; heading dissected structures; segmented models; connecting constructions; parcel construction.*

Одним из ключевых векторов динамики современного синтаксиса массмедиа, электронной и печатной прессы является стремле-

ние к дистантности, т.е. тяготение синтаксических конструкций к точности и предельной логичности в отражении заданной идеи публикуемого материала. Данная направленность наиболее наглядно проявляет себя в использовании репортерами расчлененных, контактированных конструкций, а также конструкций с ослабленными или нарушенными связями. Заданная особенность обуславливается синкретизмом разговорного и публицистического жанров на современном этапе развития русского языка, стремлением языка к аналитизму и экономии речевых средств. Нормы разговорной речи активнее набирают обороты и проникают в письменную (книжную) сферу.

Цель данного исследования заключается в выявлении динамических тенденций синтаксиса заголовков современной электронной прессы. Реализация поставленной цели достигается посредством выполнения следующих задач: при помощи метода произвольной выборки заголовков газеты «Завтра» определить основной корпус синтаксических единиц для исследования, провести систематизацию грамматико-синтаксических средств и способов выражения заголовков в указанном электронном издании, выявить типы синтаксических конструкций, свидетельствующих о стремлении синтаксиса заголовочных структур к дистинктности.

Актуальность заявленной темы обусловлена устоявшимся интересом к вопросу речевого воздействия, «языкового манипулирования – использование особенностей языка и принципов его употребление с целью скрытого, неосознанного для адресата воздействия в направлении, нужном для говорящего субъекта» [10, с. 232]. Как отмечает В.В. Колмакова «сложности в понимании текста начинаются с самого простого высказывания, «данного», предопределенного и «созданного», нового» [9, с. 81]. Языковое манипулирование посредством прессы закономерно воздействует на массовое сознание и общественное мнение путем различных средств языка, в частности, синтаксических. А также устоявшейся тенденцией активно проникновения разговорной речи на страницы журналистских текстов, особенно наглядно выражается в заголовочной части ре-

портерского материала. Разговорные синтаксические конструкции со свойственной им экономией речевых средств, сжатыми типами конструкций, предельной логичностью и лаконичностью в подаче новостного события становятся приметой времени (своеобразной меткой времени) на страницах электронных изданий. В связи с событийной насыщенностью социально-политической сферы жизни общества, изменением восприятия темпа жизни, активными информационными потоками в различных отраслях научного знания за последние десять лет качественно изменился язык электронной прессы. Подобные явления требуют к себе пристального внимания и нуждаются в анализе и систематизации фактов.

Изучению особенностей развития современных тенденций языка и законов, по которым функционируют языковые единицы разных уровней, в частности, на синтаксическом уровне, посвящены работы выдающихся ученых-лингвистов. Теоретической основой настоящего исследования послужили фундаментальные положения в области структурного синтаксиса и его экспрессии (В.В. Виноградов [5], Н.С. Валгина [2], Е.А. Покровская [14], Л.А. Шестак [17], А.П. Сковородников [15]) и языка средств массовой информации на современном этапе, разработанные в трудах многих отечественных исследователей: Ю.В. Богоявленской [1], Т.Л. Ваулиной [4], В.Ю. Варзаповой [3], Т.Н. Ишмекеевой [8], Е.В. Харитоновой [16], Т.Ф. Глебской [6] и др.

В качестве материала для проведения анализа и определения особенностей проявления процесса дистинктности в русле пристального изучения особых грамматических конструкций заголовков, отобранные методом произвольной выборки из электронной версии газеты «Завтра», за период 2019–2020 гг. В качестве анализируемого материала были использованы заголовки электронных статей в количестве 300 единиц.

Стремление к аналитизму синтаксических моделей в роли заголовков в газетах находит свое отражение в использовании значительный процент употребления предложных конструкций, уточняющих значения падежных форм, что свидетельствует об активных

процессах в русской синтаксической практике – стремлению к дистинктивности, т.е. стремлению к передаче точного и лаконичного смысла [16].

С тенденцией дистинктивности [2; 16; 17] связаны формальные изменения заголовочного синтаксиса, что находит свое отражение в особом функционировании грамматического числа имен существительных – замене единственного числа множественным. Например, «Предвыборные шевеления в доме Обам» («Завтра», 30.01.20). Наглядным проявлением развития данной тенденции является использование в качестве заголовков расчлененных (сегментированных и парцелированных моделей) конструкций, контаминированных конструкций и структур с ослабленными и нарушенными грамматическими связями.

Расчлененные синтаксические конструкции имеют статус сверхфразовых единиц с ослабленной синтагматической связью входящих в них компонентов. Это находит свое формальное акустическое воплощение в паузах, графическая реализация представлена широким спектром пунктуационных знаков – точкой, многоточием, двоеточием, тире и скобками. Именно подобная синтаксическая структура делает расчлененные конструкции выразительными и максимально привлекательными. Подобное тяготение заголовков средств периодической печати обусловливается спецификой самого заголовка, который зачастую рассматривается как микротекст в виде сверхфразовой единицы.

Именно расчлененность синтаксической конструкции увеличивает информационную насыщенность заголовка, а тема-рематические отношения позволяют актуализировать значимые компоненты высказывания.

Как справедливо отмечает Е.В. Харитонова, расчлененность и фрагментарность синтаксических конструкций способствовали активному появлению и последующему распространению тенденции употребления примыкания и соположения с расширенными грамматическими возможностями за счет слабоуправляемых и слабосогласуемых форм, что явилось следствием «свободного» синтаксиса [16].

Е.А. Покровская указывает на то, что подобная ослабленность синтаксических связей и одномоментная «сжатость» [14], «скомканность» («закон экономии языковых средств») конструкций нашла свое выражение в ряде особенностей современного синтаксиса заголовков прессы:

– *продуктивность номинатива* (формы именительного падежа). Например, *Граната под названием Украина («Завтра»), «Голос из хора», «Наглая ложь и статистика», «Наши» и «не наши» в Ливане («Завтра», 31.01.20) «Никита Кожемяка, Бык и Змей» («Завтра», 31.01.20);*

– *присоединительные конструкции*, выраженные грамматической формой номинатива и несогласованными определениями. Данное явление заслуживает подробного рассмотрения в силу пристального научного интереса и частоты распространения.

Присоединительные конструкции, как один из типов расчлененных синтаксических моделей, нередкое явление в российской прессе, особенно в сетевых версиях качественных изданий. По мнению В.В. Виноградова, Н.С. Валгиной, Е.А. Реферовской, М.И. Парамоновой и ряда других исследователей, конструкции с присоединительным компонентом представляют собой синтаксический комплекс, оформленный в виде структурно-семантических высказываний – присоединяющей части и присоединительного компонента со значением добавочного сообщения. М.И. Парамонова, в свою очередь, делает акцент на полифункциональности, структурной вариативности присоединительных частей, принадлежащих к сфере промежуточных синтаксических структур, а именно, от осложненного простого, сложносочиненного или сложноподчиненного до текста [13, с. 14].

По мнению В.В. Виноградова, присоединительные, или сдвинутые конструкции, (в научных трудах вышеуказанных лингвистов «синтаксические конструкции с присоединительным компонентом» [2; 5; 11]) – структуры, в которых фразы не уместаются в одну смысловую плоскость, а образуют ассоциативную цепь присоединений [5, с. 577]. Иными словами, к присоединительным синтаксическим структурам относятся конструкции в форме членов простого пред-

ложения, добавляемые к основному высказыванию путем присоединения.

Исходя из структурных особенностей компонентов присоединительных конструкций, выступающих в роли заголовков, можно выделить наиболее характерные их типы:

1. Присоединяющая и присоединительная части образованы простыми повествовательными предложениями (*Например, «Очередной климатический психоз. Британия хочет отказаться от газового отопления» («Завтра», 11.02.20), «Лучший аналитик КГБ СССР о Путине. Путин разрушил планы ЦРУ» («Завтра», 04.02.20), «Москва помиловала израильскую наркокурьершу. Политика. Однако...» («Завтра», 30.01.20);*
2. Присоединяющая часть (иногда не одна, а несколько) представлена вопросительным предложением, а присоединительная – простым повествовательным (*Например, «Не вошел в состав нового кабинета? Лишился должности вице-преьера по строительству? Эка печаль.» («Завтра», 29.01.20);*
3. Присоединяющая часть представлена простым повествовательным, а присоединительная – вопросительным (*Например, «Бывших нацистов в Германии продолжают судить. Почему только сейчас?» («Завтра», 12.02.20), «По комсомольской путевке на Целину. Энтузиазм или мобилизация?» («Завтра», 31.01.20);*
4. Присоединяющая часть представлена простым осложненным предложением, а присоединительная – вопросительным (*Например, «Конгресс США и Билл Гейтс хотят «охладить» планету, сбрасывая химикаты с самолетов. В чем опасность?» («Завтра», 30.01.20);*
5. Присоединяющая и присоединительная части образованы вопросительными предложениями (*Например, «Как назвать роман об учителе в захудалой школе? Учитель-берсерк?» («Завтра», 12.02.20);*
6. Присоединяющая часть представлена сложноподчиненным предложением (зачастую формально незаконченным, но без

труда восстанавливаемым семантически), а присоединительная – простым предложением (*Например, «Все знают, что ситуация просто политическая... Это просто такой акт возмездия» («Завтра», 05.02.20).*

В примере *«По комсомольской путевке на Целину. Энтузиазм или мобилизация?» («Завтра», 31.01.20)* присоединительная часть представляет собой обстоятельство причинности, в то время как следствие заключено в главной части высказывания. Интересен данный пример заголовка еще и тем, что в первой части данной структуры опущен главный член – сказуемое, который логическим образом легко восстанавливается, что свидетельствует о наличии эллипсиса. В иных случаях присоединительная часть может выражаться обстоятельством следствия, тогда как причина, сам факт располагается в базовой конструкции. Например, *«Конгресс США и Билл Гейтс хотят «охладить планету, сбрасывая химикаты с самолетов. В чем опасность?» («Завтра», 30.01.20).*

Практический материал доказывает, что подавляющее большинство присоединительных конструкций представлены парцелированными структурами.

Активное использование журналистами неполных и нечленимых конструкций в качестве заголовков определяется рядом объективных причин. Во-первых, это объясняется во многом самой формой информационной подачи для адресата, она подается блоками или сегментами, то есть используется парцелляция и сегментация. *Например, «Вирус, спад и смута. Цепь неслучайных событий в Китае. Н. Вавилов. Д. Перетолчин» («Завтра», 30.01.20).* Во-вторых, намеренно-заданная экспрессия текста, что обусловливается самим журналистским текстом, которому свойственна экспрессивная и воздействующая функция (см. примеры присоединительных конструкций).

Сегментированная синтаксическая модель – модель биномиального характера (двучастная) простой или сложной синтаксической структуры, где первая часть – сегмент, актуализирующий ключевой компонент для адресанта, вторая – базовая – распространенное высказывание понятия, заявленной в первой [15; с. 238].

Сегментированные модели имеют ряд формально-грамматических признаков, среди которых следует выделить: грамматическая выраженность первой части высказывания (сегмента) в форме существительного либо инфинитива; графически обозначенная и акустически выраженная постсегментная паузация. Подобная сегментация высказывания позволяет адресанту логически выделить один ключевой элемент модели. Эти модели, согласно актуальному членению речи, позволяют сегменту выразиться в теме, ремой же обозначена коммуникативная цель, распространение представления о понятии (теме).

По мнению Т.Н. Ишмекеевой, Т.Г. Добросклонской, В.Ю. Варзаповой и др., сегментированные конструкции в роли заголовков используются гораздо чаще и с целью передачи информативной точности, а не выразительности. Зачастую в подобных синтаксических моделях выразительность значительно снижается, экспрессия нейтрализуется [3; 7; 8].

В рассматриваемом нами практическом материале сегментированные синтаксические модели в качестве заголовков воплощаются в виде нескольких схем-типов в подаче информации:

- в электронных версиях издания «Завтра» распространенный тип: источник информации: информация;
- события/информация/явления: мнения. Например, «Либералы получили своего губернатора: «Наш парень!», «Первородный грех» российского капитализма: как избавиться от проклятья» («Завтра», 09.02.20);
- события/информация: деталь. Например, «СССР и Холокост: подлость Зеленского и историческая политика Запада» («Завтра», 08.02.20); «Проект Время-вперед: Россия разворачивает большую стройку. На триллион» («Завтра», 04.02.20);
- призыв: деталь. Например, «Внимание: новый злокозненный фейк» («Завтра», 09.02.20);
- события/информация: детали-мнения. Например, «Служба безопасности День: Табло. «Едина Россия» на исходе...» («Завтра», 04.02.20).

С помощью коммуникативной организации высказывания тема, выраженная номинативом в сегменте, не выражена в базовой части и легко восстанавливается из контекста. Подобные сегментированные конструкции традиционны в силу своей частотности, в научной среде они получили название – реприз (сегмент препозитивен). В отдельных случаях можно наблюдать постпозитивность сегмента – антиципация. Например, «*Это не история – это политика!*» («*Завтра*», 06.02.20). Данный случай идет вразрез с устоявшимся традиционным пониманием коммуникативного членения.

Сегмент, выраженный номинативной синтаксической моделью, порой может выражать «устойчивую медиатему», или «buzz-topic» (термин Т.Г. Добросклонской). Как отмечает Т.Г. Добросклонская, именно «buzz-topic» отражает темы, вызывающие повышенный интерес [7, с. 58]. Данное явление можно наблюдать в вариативности заголовков, освещающих одно событие/явление/факт. Например, «*Конституция, кабмин, коронавирус...*» («*Завтра*», 03.02.20), «*Назначения, аресты, поправки, карантин...*» («*Завтра*», 09.02.20). Подобного рода примеры – заголовки дайджестов за недельный период – позволяют читателям отследить динамику развития актуальных событий, представленных номинативами. С точки зрения синтаксической модели они подаются как однородные ряды. Если в первом заголовке события намечены, то во втором наблюдается развитие этих событий по соотношению: *конституция – поправки; кабмин – назначения, аресты; коронавирус – карантин*. И в том, и в другом случае событийная тематика незавершенная, что формально отражено графическим знаком многоточия. К слову сказать, эта специфика сегмента, выраженного номинативной синтаксической моделью, наиболее часто находит свое отражение в популярных качественных изданиях электронного формата и является информативной, емкостной и исчерпывающей.

Экономичность языковых средств на уровне синтаксиса, как частное проявление слияние структур, также находит свое выражение в использовании *синтаксической контаминации*, под которой подразумеваем слияние синонимичных типов разных структур.

Следствием подобного новообразования на уровне языка являются окказиональные синтаксические модели с ярко выраженным синкретизмом.

К нечленимым конструкциям относят и переосмысленные фразеологизированные модели. Например, «Пушкина – это наше ничто!» (по аналогии с полностью перевернутой семантикой «Пушкин – это наше все!» («Завтра», 09.02.20).

Приведенный фактический материал позволяет с уверенностью сказать, что для синтаксиса заглавий современной прессы характерны два бинарных явления – стремление к расчлененности синтаксических структур, с другой стороны – тяготение к синкретизму. Обе тенденции есть не что иное, как типичное проявление разговорной речевой практики, оказывающей непосредственное влияние на журналистский текст.

Таким образом, можно сказать, что журналистские тексты, берущие свое начало в публицистическом книжном стиле, все активнее тяготеют к разговорной речевой практике. И это не случайно ввиду того, что разговорная речь находит свое выражение в различных сферах жизни человека, является преобладающей над письменной, что обусловлено масштабными информационными потоками и демократизацией современного языка в целом. Подобного рода синкретизм стилей порождает диалогизацию журналистского текста, и здесь уже можно говорить о диалогизме самого газетного заголовка.

Проведенный количественно-качественный и описательный анализ расчлененных структур, представленных различными синтаксическими моделями современных заголовков электронной версии газеты «Завтра», позволяет прийти к выводу о происходящих активных процессах в синтаксисе заголовков. Авторский заголовок, служащий преддверием основному тексту репортажного текста, призван не только сообщить факт-новость, но в большей степени быть лаконичным и одновременно содержательным заголовком, воздействуя, побудить к прочтению текста [11, с. 312]. Как показал анализ практического материала, семантическая полнота, исчерпывающая информативная насыщенность заголовков статейного материала передается путем ис-

пользования сегментированных конструкций. Таких в рассматриваемом корпусе исследуемого материала обнаружено 71%. Значительно большей экспрессией, эмотивностью и выразительностью обладают присоединительные конструкции, которых выявлено в 29% от рассматриваемого практического материала. Лаконичность заголовка, необычность и многообразие синтаксических типов придают ему диалогический характер в свете синкретизма разговорного публицистического типов речи. Именно этот факт свидетельствует о том, что примета разговорной речи – расчлененные структуры (сегментированные, присоединительные и парцелляция) все активнее проникают на страницы электронных версий популярных на сегодняшний день газет. Динамика таких процессов, как анализ, синкретизм, экономия речевых средств, очевидна, о чем свидетельствует исследуемый практический материал. Синтаксис заголовков электронных газет максимально стремится к дистинктности в подаче краткого, точного, не лишённого образности журналистского материала.

Список литературы

1. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как средство повышения привлекательности газетного заголовка // Известия Саратовского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2014. № 3. С. 35–39.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Варзапова В.Ю. Расчлененные синтаксические конструкции в позиции заголовка (на материале сетевых версий изданий «The Telegraph» и «The Independent» // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2018 № 4(193). С. 46–52.
4. Ваулина Т.Л. Присоединительные конструкции в языке современной газеты: структурные, семантические и функциональные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 20 с.
5. Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX века// Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. 606 с.

6. Глебская Т.Ф. Присоединительные конструкции в газетном тексте (на материале «Российской газеты» за 2012-2014 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2015. С. 161–166.
7. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
8. Ишмекеева Т.Н. Сегментированные конструкции в современном русском языке (на материале газетных заголовков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
9. Колмакова В.В. Концепция диалогизма М.М. Бахтина в современной рекламной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №10-2(40). С. 80–83.
10. Косякова Я.С. Функции имплицитной информации в пресс-релизах банковских услуг в аспекте языкового манипулирования // Вестник иркутского государственного технического университета. Иркутск, 2014. № 8(91). С. 232–235.
11. Косякова Я.С., Колмакова В.В. Полифункциональность синтаксических структур заголовков новостного репортажа (на материале журнала «Русский репортер») // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Национально-инновационный центр, 2009. № 5. Т. 11. С. 300–316.
12. Кузьменко С.А. Лингвопрагматические свойства конвергенции стилистических средств: автореф. ...канд. филол. наук, Ставрополь, 2006. 23 с.
13. Парамонова М.И. Функционирование конструкций с присоединительными компонентами в англоязычном нарративе: дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.
14. Покровская Е.А. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д, 2000. 182 с.
15. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.
16. Харитоновна Е.В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденция к экономичности и дистантности (на

материале современной прессы): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 266 с.

17. Шестак Л.А. Динамика русского синтаксиса (факторы и векторы) // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: сб. науч. тр./ Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет. М., 2010. С. 452–453.

References

1. Bogoyavlenskaya G.V. *Parcelyaciya kak sredstvo povisheniya privlekatelnosti gazetnogo zagolovka* [Parcellation as a means of increasing the attractiveness of a newspaper headline]. *Izvetstiya Sarstovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Saratov, no 3 (2014), pp. 35–39.
2. Valgina N.S. *Aktivnie processi v sovremennom russkom yazike* [Active processes in modern Russian]. М.: Logos, 2003. 304 p.
3. Varzapova V.G. *Paschlenennye sintaksicheskie konstrukcii v pozicii zgolovka (na material setevix versi izdani «The Telegraph» i «The Independent»* [Dissected syntactic constructions in the heading position (based on material from online versions of The Telegraph and The Independent publications)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Tomsk, no 4 (193) (2018), pp. 46–52.
4. Vaulina T.L. *Prisoedinitilnie konstrukcii v yazike sovremennoi gazeti: strukturnie, semanticheskie i funkcionalnie osobennosti* [Connecting constructions in the language of a modern newspaper: structural, semantic and functional features]. Chelyabinsk, 2011. 20 p.
5. Vinogradov V.V. *Pushkin i russki literaturni yazik XIX veka* [Pushkin and the Russian literary language of the 19th century]. *Pushkin – rodonachalnik novoi russkoi literatury* [Pushkin – the founder of new Russian literature]. М.; L. 1941, 606 p.
6. Glebskaya T.F. *Prisoedinitelnie konstrukcii v gazetnom tekste (na material «Rossiskoi gazeti» za 2012–2014 gg.)* [Connecting constructions in the newspaper text (based on the material of “Rossiyskaya Gazeta” for 2012–2014)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Tomsk, 2015, pp. 161–166.

7. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemni podxod k izucheni yazika SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech]. M.: Flinta: Nauka, 2008, 264 p.
8. Ishmekeeva T.N. *Segmentirovannye konstrukcii v sovremenom russkom yazyke (na materiale gazetnyh zagolovkov)* [Segmented constructions in modern Russian (based on newspaper headlines)]. Volgograd, 2006. 20 p.
9. Kolmakova V.V. *Koncepciya dialogizma M.M. Bahtina v sovremennoj reklamnoj kommunikacii* [The dialogism concept of M.M. Bakhtin in modern advertising communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. no 10-2(40), pp. 80–83.
10. Kosyakova Ya.S. *Funkcii implicitnoj informacii v press-relizah bankovskih uslug v aspekte yazykovogo manipulirovaniya* [Functions of implicit information in press releases of banking services in the aspect of language manipulation]. *Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Irkutsk, 2014. no 8(91), pp. 232–235.
11. Kosyakova Ya.S., Kolmakova V.V. *Polifunkcional'nost' sintaksicheskikh struktur zagolovkov novostnogo reportazha (na materiale zhurnalnala «Russkij reporter»)* [The multifunctionality of the syntactic structures of news reporting headlines (based on the material of the journal Russian Reporter)]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. Krasnoyarsk: Nacional'no-innovacionnyj centr, 2009. no 5. V.11, pp. 300–316.
12. Kuz'menko S.A. *Lingvopragmaticheskie svoystva konvergencii stilisticheskikh sredstv* [Linguopragmatic properties of the convergence of stylistic means]. Stavropol', 2006. 23 p.
13. Paramonova M.I. *Funkcionirovanie konstrukcij s prisoedinitel'nymi komponentami v angloyazychnom narrative* [The functioning of structures with connecting components in an English-language narrative]. SPb., 2002. 23 p.
14. Pokrovskaya E.A. *Dinamika russkogo sintaksisa v XX veke: lingvokul'turologicheskij analiz* [Dynamics of Russian syntax in the XX century: linguoculturological analysis]. Rostov n/D, 2000. 182 p.

15. Skovorodnikov A.P. *Ekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language]. Tomsk, 1981, 255 p.
16. Haritonova E.V. *Dinamika struktury sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka: tendenciya k ekonomichnosti i distantsnosti (na materiale sovremennoj pressy)* [The dynamics of the syntax structure of the modern Russian language: a tendency to profitability and distance (based on the material of the modern press)]. Volgograd, 2014, 266 p.
17. Shestak L.A. *Dinamika russkogo sintaksisa (faktory i vektory)* [Dynamics of Russian syntax (factors and vectors)]. IV Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka «Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'»: sb. nauch. tr. [IV International Congress of Russian Language Researchers “Russian Language: Historical Fates and the Present”]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, Filologicheskij fakul'tet. M., 2010, pp. 452–453.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Косякова Яна Сергеевна, старший преподаватель кафедры документоведения и языковой коммуникации
Донской государственный технический университет
Гагарина площадь, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
Yask_2018@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kosyakova Yana Sergeyevna, Senior Lecturer, Department of Documentation and Language Communication
Don State Technical University
1, Gagarina square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation
Yask_2018@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3061-5976
SPIN-code: 4657-2756

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-123-134

УДК 811.111

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ
ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ
Б. ДЖОНСОНА И Д. КОРБИНА)**

Ладонина Н.А.

Цель. *Статья посвящена актуальной теме – языковым особенностям реализации стратегии негативной вежливости в политическом дискурсе. Предметом анализа выступают речевые тактики, позволяющие реализовать указанную коммуникативную стратегию в английском языке.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляет – теория вежливости в сочетании со стратегическим подходом к изучению коммуникативно-прагматических характеристик современного политического дискурса.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор, исходя из понятия вежливости как национально-специфической коммуникативной категории, дифференцирует феномены «позитивная вежливость» и «негативная вежливость». Автор приходит к выводу, что реализация стратегии негативной вежливости в современном англоязычном политическом дискурсе осуществляется посредством специфических речевых тактик (соблюдения речевых формальностей и коммуникативной дистанции; намеренной неопределенности и расплывчатости высказываний; противопоставления собственных достижений негативным ожиданиям оппонента; демонстрации успеха в выполнении своих обещаний; самопрезентации).*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в разработке языкового инструментария, позволяющего эффективно доносить политические идеи.*

Ключевые слова: негативная вежливость; позитивная вежливость; политический дискурс; коммуникативная стратегия; речевая тактика.

**NEGATIVE POLITENESS STRATEGY
IMPLEMENTATION IN THE MODERN POLITICAL
DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF SPEECHES
BY B. JOHNSON AND D. CORBYN)**

Ladonina N.A.

Purpose. *The article is devoted to a topical issue of the use of particular linguistic features of the negative politeness strategy implementation in the political discourse. The subject of the analysis is the speech tactics that allow putting this communicative strategy into operation in the English language.*

Methodology. *The research is based on the theory of politeness combined with the strategic approach to the study of communicative and pragmatic characteristics of the modern political discourse.*

Results. *The results of the study are that the author, defining the concept of politeness as a national-specific communicative category, differentiates the phenomena of “positive politeness” and “negative politeness”. The author comes to the conclusion that the implementation of the negative politeness strategy in the modern English-language political discourse is carried out through specific speech tactics (such as compliance with speech formalities and communicative distance; deliberate uncertainty and vagueness of statements; contrasting of speaker’s achievements to his opponent’s negative expectations; demonstration of success in fulfilling the promises; self-presentation).*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the search of the specific language tools that allow conveying political ideas effectively.*

Keywords: *negative politeness; positive politeness; political discourse; communication strategy; speech tactics.*

За последние десятилетия значительно выросло количество исследований в различных областях лингвистики, объектом внимания которых выступает речевая коммуникация как стратегический процесс, определяемый необходимостью выбора оптимальных языковых инструментов [4]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет коммуникативная стратегия вежливости. В отечественной лингвистике она обычно трактуется как национально-специфическая коммуникативная категория, охватывающая систему ритуализированных моделей речевого поведения, направленных на бесконфликтное общественно-нормированное общение в ходе установления, поддержания и завершения межличностных контактов [см., например, 2; 7]. Сам термин «вежливость» используется для описания позитивного и ненавязчивого по отношению к другим поведения, а также как степень соответствия действий адресанта, в первую очередь речевых, ожиданиям адресата.

Феномен вежливости стал популярным объектом исследований в рамках различных дисциплин и направлений, включая социолингвистику, социальную антропологию, культурологию, социологию, коммуникативную лингвистику, психологию, гендерные исследования и др. благодаря публикации книги П. Браун и С. Левинсона «Politeness: Universals in Language Usage» [13]. В 2005 г. столь пристальный интерес даже позволил основать специализированный рецензируемый журнал «Journal of Politeness Research: Language, behaviour, culture», предоставивший научную платформу для публикации результатов наиболее интересных исследований проявления вежливости. Однако до сих пор можно отметить существование различных определений и подходов в изучении данного феномена. Так, Г. Хельд, например, отмечает, что вежливость может пониматься как специфический тип языковой структуры, которая выражает отношение говорящего, и поэтому не может быть объяснена семантическими средствами, а скорее прагматическими [14, p. 133]. Г. Юл, в свою очередь, замечает, что языковое взаимодействие неотделимо от социального взаимодействия, поскольку участники коммуникации не просто передают друг другу информационные

сообщения, но делают это, соблюдая определенные социальные правила и дистанцию. Под социальными правилами Г. Юл подразумевает как внешние, установленные до разговора, факторы, как, например, статус его участников, так и внутренние параметры, принятые во время разговора, включающие степень дружелюбия или навязывания своей точки зрения и т.д. [15].

Особую роль в теории вежливости играют понятия «позитивная вежливость» и «негативная вежливость». Позитивная вежливость – это речевое поведение, сигнализирующее о том, что говорящий хочет, либо нуждается, либо ценит то же самое, что и слушающий. Негативная вежливость – это речевое поведение, которое сигнализирует о том, что говорящий признает основное право адресата на беспрепятственные действия и автономию [13, р. 2]. Как отмечает Д.Ю. Ивановский, стратегия позитивной вежливости нацелена на достижение компромисса. В силу этого, она ориентирована на выбор безопасной неконфликтной тематики, поиск точек соприкосновения, преувеличение положительной оценки (похвалу, лесть и т.д.) и демонстрацию повышенного интереса к собеседнику и к предмету обсуждения [3]. Негативная вежливость, или, как предлагает называть ее Т.В. Ларина, «вежливость отдаления» [7, с. 88], в свою очередь, основана на речевом «самоограничении» коммуникантов, то есть выступает в качестве своеобразного инструмента для выражения формальности, сдержанности и дистанции между адресатом и адресантом. И хотя, по мнению основоположников теории вежливости П. Брауна и С. Левинсона, и позитивный, и негативный варианты вежливости помогают раскрывать многие механизмы человеческих взаимоотношений, негативная вежливость играет более значимую роль [13].

Противопоставляя позитивную вежливость негативной, нельзя забывать о социо- и лингвокультурном аспектах данного феномена, поскольку, как отмечает Ш. Блум-Кулка, существует целый ряд так называемых «*negative politeness oriented societies*» – обществ, ориентированных на негативную вежливость (здесь и далее перевод наш – Н.Л.), к которым она относит, например, Японию и Англию

[11, с. 140]. Как считают, П. Браун и С. Левинсон для реализации стратегии негативной вежливости в английском языке характерно применение таких коммуникативных тактик как тактика прямолинейности (англ. *be direct*), тактики избегания предположений (англ. *don't presume/assume*) и принуждений (англ. *don't coerce H*), коммуникация на основании доброй воли (без посягательств) (англ. *communicate want not to impinge on H*) и тактика удовлетворения пожеланий адресанта (англ. *redress other wants of H*) [13].

На наш взгляд, в английском языке наиболее интересным «плацдармом» для реализации стратегии негативной вежливости можно считать политический дискурс как особую знаковую систему национального языка [5; 6]. Нас заинтересовало, какие именно коммуникативные тактики реализации стратегии негативной вежливости характерны для современного англоязычного политического дискурса. С этой целью мы провели анализ блока “*Prime Minister's Questions*” (вопросы к премьер-министру) одного из заседаний британского парламента от 23 октября 2019 г., в ходе которого нынешний премьер-министр Великобритании Борис Джонсон вступает в коммуникативную «схватку» с лидером Лейбористской партии и оппозиции Джереми Корбином [12].

В рассмотренном нами отрывке, красноречиво озаглавленном «*Boris and Corbyn exchange blows over Brexit*» (рус. Борис и Корбин обмениваются ударами из-за Брексита), Б. Джонсон и Д. Корбин, на самом деле, подобно боксерам, поочередно «выходят на ринг», демонстрируя свое несогласие с позицией оппонента. Как мы уже отмечали, негативная вежливость предполагает соблюдение речевых формальностей и коммуникативной дистанции, что вполне соответствует правилам выступления членов английского парламента. Поэтому, отвечая на реплики оппонента, каждый из ораторов использует указанную коммуникативную тактику и обращается только к спикеру парламента Хойлу Линдсею. Например: *Mr. Speaker, it is this government and this party that delivers on the mandate of the people* (рус. Господин спикер, именно это правительство и эта партия выполняют наказания нашего народа).

Более того, они полностью избегают упоминания имен друг друга. Д. Корбин называет Б. Джонсона исключительно *the Prime Minister* (рус. премьер-министр) либо использует личное местоимение *he* (рус. он). Б. Джонсон, в свою очередь, демонстрирует гораздо большую «изобретательность» и, помимо местоимения *he*, использует по отношению к оппоненту такие эпитеты как *The Right Honourable Gentleman* (рус. достопочтенный джентльмен), «*a threat to our United Kingdom on the labor front bench*» (рус. угроза нашему Соединенному Королевству на парламентской скамье лейбористской партии), «*somebody who campaigned to break up the Union of Great Britain and Northern Ireland by his support of the IRA*» (рус. кто-то, кто выступал за разрушение союза Великобритании и Северной Ирландии, поддерживая Ирландскую республиканскую армию), «*somebody who wants to spend the whole of the next year in a referendum not just on the EU, for another referendum on Scotland*» (рус. кто-то, кто хочет провести весь следующий год, устраивая референдум не только по ЕС, но и еще один референдум по Шотландии) и др., что является примером еще одного тактического приема в рамках стратегии негативной вежливости – намеренной неопределенности и расплывчатости высказываний. Похожую расплывчатость в высказываниях Б. Джонсона можно обнаружить и в других блоках его выступления. Например: *Mr. Speaker, I don't think we could have been clearer yesterday in our commitment to have the highest possible standards for workers' rights, for environmental standards* (рус. Господин спикер, я не думаю, что возможно продемонстрировать еще большую нацеленность на принятие самых высоких стандартов прав трудящихся и экологических стандартов, чем это сделали мы вчера).

В ходе своего выступления Д. Корбин подвергает резкой критике правительственный законопроект о выходе Великобритании из Евросоюза, назвав его «хуже, чем чудовищным договором» (англ. *worse than terrible treaty*). Чтобы ответить на этот выпад и продемонстрировать его несостоятельность, Б. Джонсон применяет весьма эффективную коммуникативную тактику – тактику проти-

вопоставления собственных достижений негативным ожиданиям оппонента, обратившись к стилистическому приему синтаксического параллелизма: «*They said that **we couldn't** open the withdrawal agreement **and we did**. They said **we couldn't** get rid of the backstop **and we did**. They said **we couldn't** get a new deal **and we did**. And then they said that **we never** get it through Parliament **and they did their utmost** to stop it going through Parliament. And we've got it through Parliament last night, Mr. Speaker» (рус. Они сказали, что мы не сможем запустить соглашение о выходе, а мы сделали это. Они сказали, что мы не можем избавиться от «бэкстопа» (поддержки пребывания Северной Ирландии в составе Таможенного союза ЕС), а мы это сделали. Они сказали, что мы не сможем заключить новую сделку, а мы заключили. И тогда они сказали, что мы никогда не сможем провести ее через парламент, и сделали все возможное, чтобы остановить ее прохождение через парламент. Но мы провели ее через парламент вчера вечером, господин спикер).*

Далее, чтобы закрепить свой ораторский успех, Б. Джонсон применяет тактику демонстрации успеха в выполнении своих обещаний, вновь воспользовавшись приемом синтаксического параллелизма: «***We said** that we will put 20,000 more police officers on the streets of this country **and we have**. **We said** we'd update 20 hospitals **and we have**. **We said** we'd upgrade, we'd uplift education funding around the whole country ever and more, **and even more than that**, Mr. Speaker, **we are** increasing the minimum wage by the biggest amount since its inception» (рус. Мы сказали, что выставим еще 20 000 полицейских на улицы страны, и мы это сделали. Мы сказали, что обновим 20 больниц, и мы сделали это. Мы сказали, что будем еще больше повышать финансирование образования по всей стране, и более того, господин спикер, мы увеличиваем минимальную заработную плату на самую большую сумму с момента введения).*

Чтобы добавить весомости своим высказываниям, премьер-министр вновь прибегает к стилистическому приему синтаксического параллелизма и в конце каждого информационного блока своего выступления применяет коммуникативную тактику самопрезентации.

тации и постулирует неоспоримый успех правящей партии консерваторов, кабинета министров и себя лично, как члена партии и главу правительства: «*And this is the party, this is the government that delivers on its promises*» (рус. И это та партия, это то правительство, которое выполняет свои обещания); «*This is the party, Mr. Speaker, that delivers on Brexit and delivers on the priorities of the British people*» (рус. Это та партия, господин спикер, которая выполняет обещания по Брекситу и обеспечивает приоритеты британского народа).

Таким образом, нам удалось установить, что реализация стратегии негативной вежливости в рамках современного англоязычного политического дискурса может осуществляться посредством таких коммуникативных тактик как тактика соблюдения речевых формальностей и коммуникативной дистанции, тактика намеренной неопределенности и расплывчатости высказываний, тактика противопоставления собственных достижений негативным ожиданиям оппонента, тактика демонстрации успеха в выполнении своих обещаний и тактика самопрезентации.

Список литературы

1. Бодрова А.А., Коробова Н.В. Коммуникативные стратегии разрешения конфликта (на материале английского языка) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 8. С. 15–18.
2. Гончарова О.В., Халеева С.А. Некоторые особенности реагирования на проявление коммуникативной агрессии в англоязычных мусульманских чатах (на примере женских ответных реплик) // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования Материалы III международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2019. С. 19–26.
3. Ивановский Д.Ю. Характеристика англоязычного общения с точки зрения универсальной теории вежливости // Университетские чтения – 2008. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/03d/uch_2008_vii_00005.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Коммуникативные тактики самопрезентации политического деятеля (на примере публичного выступления Терезы Мей) // *Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Межвузовский сборник научных трудов*. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 41–48.
6. Кауфова Л.А. Лингвистические особенности британского политического дискурса // *Университетские чтения – 2015: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть II*. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 106–110.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
8. Пугачева О.В. Условия успешности речевого акта и стратегии поведения в условиях коммуникативного дискомфорта // *Вестник НовГУ*. 2008. № 47. С. 93–96.
9. Радюк А.В. Коммуникативные стратегии как способ манипулятивного речевого воздействия в английском деловом дискурсе // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2013. № 4. С. 181–190.
10. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // *Филологические науки*. 2001. № 3. С. 56–65.
11. Blum-Kulka Sh. Indirectness and politeness in requests: same or different? // *Journal of Pragmatics*. 11. (1987), pp. 131–146.
12. Boris and Corbyn exchange blows over Brexit. URL: <https://youtu.be/iIRKPGgX58> (дата обращения: 15.11.2019).
13. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1978). 345 p.
14. Held G. *Politeness in linguistic research* // *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*. Edited by R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich. Berlin: Mout De Gruyter. 1992, pp. 131–153.
15. Yule G. *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. 1996. 138 p.

References

1. Bodrova A.A., Korobova N.V. Kommunikativnye strategii razreshenija konflikta (na materiale anglijskogo jazyka) [Communicative Conflict Resolution Strategies (based on English)]. *Vestnik ChelGU*. 2011. № 8, pp. 15–18.
2. Goncharova O.V., Haleeva S.A. Nekotorye osobennosti reagirovanija na pojavlenie kommunikativnoj agressii v anglojazыchnyh musul'manskix chatax (na primere zhenskix otvetnyx replik) [Certain Features of the Response to the Manifestation of Communicative Aggression in English-Speaking Muslim Chats (on the Example of Female Responses)]. *Jazyk i kul'tura v jepohu integracii nauchnogo znanija i professionalizacii obrazovanija Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Language and culture in the era of the integration of scientific knowledge and the professionalization of education Materials of the III international scientific and practical conference]. 2019, pp. 19–26.
3. Ivanovskij D.Ju. Harakteristika anglojazыchnogo obshhenija s točki zrenija universal'noj teorii vezhlivosti [Characteristics of English-Speaking Communication in Terms of the *Universal Theory of Politeness*]. *Universitetskie chtenija – 2008. Materialy nauchno-metodicheskix chtenij PGLU* [University readings – 2008. Materials of scientific and methodical readings of PSLU]. https://pglu.ru/upload/iblock/03d/uch_2008_vii_00005.pdf.
4. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Izd. 5. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 p.
5. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Kommunikativnye taktiki samoprezentacii politicheskogo dejatelja (na primere publicnogo vystuplenija Terezy Mej) [Communicative Tactics of Self-Presentation of a Politician (on the Example of a Public Speech by Theresa May)]. *Raznourovnevyje cherty jazykovyx i rechevyx javlenij. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyx trudov* [Multilevel features of linguistic and speech phenomena. Interuniversity collection of scientific papers]. Pjatigorsk: PGU, 2018, pp. 41–48.

6. Kaufova L.A. Lingvističeskie osobennosti britanskogo političeskogo diskursa [Linguistic Features of British Political Discourse]. *Universitetskie čtenija – 2015: Materialy naučno-metodičeskikh čtenij PGLU* [University readings - 2015: Materials of scientific and methodical readings of PSLU]. Part II. Pjatigorsk: PGLU, 2015, pp. 106–110.
7. Larina T.V. *Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicij* [Politeness Category and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 507 p.
8. Pugacheva O.V. Uslovija uspeshnosti rečevogo akta i strategii povedenija v uslovijah komunikativnogo diskomforta [Speech Act Success Conditions and Behavior Strategies in the Context of Communicative Discomfort]. *Vestnik NovGU*. 2008. № 47, pp. 93–96.
9. Radjuk A.V. Kommunikativnye strategii kak sposob manipuljativnogo rečevogo vozdejstvija v anglijskom delovom diskurse [Communicative Strategies as a Way of Manipulative Speech Exposure in the English Business Discourse]. *Vestnik LGU im. A.S. Puškina*. 2013. № 4, pp. 181–190.
10. Trufanova I.V. O razgranichenii ponjatij: rečevoj akt, rečevoj zhanr, rečevaja strategija, rečevaja taktika [On the Differentiation of Concepts: Speech Act, Speech Genre, Speech Strategy, Speech Tactics]. *Filologičeskie nauki*. 2001. № 3, pp. 56–65.
11. Blum-Kulka Sh. Indirectness and politeness in requests: same or different? *Journal of Pragmatics*. 11. (1987), pp. 131–146.
12. Boris and Corbyn exchange blows over Brexit. URL: On the differentiation of concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactics. <https://youtu.be/IiIRKPGgX58>
13. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1978). 345 p.
14. Held G. Politeness in linguistic research. *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*. Edited by R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich. Berlin: Mout De Gruyter. 1992, pp. 131–153.
15. Yule G. *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. 1996. 138 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ладонина Наталья Александровна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат исторических наук
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)»
ул. Николаева, 44, г. Владикавказ, РСО-Алания, 362021, Российская Федерация
natasha-ladonina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ladonina Natalia Alexandrovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, candidate of Historical Sciences
North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University), NCIMM (STU)
44, Nikolayev St., Vladikavkaz, RSO-Alania, 362021, Russian Federation
natasha-ladonina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7959-4339

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-135-147

УДК 81

ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ БИОГРАФИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

Лямзина С.А.

Статья посвящена изучению особенностей организации ментального лексикона языковой личности. В связи с чем основной исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: существуют ли устойчивые корреляции между языковой / речевой биографией человека и характеристиками системных связей слов в его ментальном лексиконе?

***Цель** данной статьи – сформулировать на основе проводимого исследования ряд аргументов в пользу обоснованности гипотезы о том, что одним из факторов, влияющих на речевую продукцию индивида (его языковую личность), а, следовательно, на структуру и содержание его ментального лексикона, является языковая и речевая биография.*

*Основные **методы**, используемые в исследовании: метод структурированного интервью, элементы качественно-количественных подсчетов и описательный метод.*

***Результаты.** Проведенное исследование выявило, что языковая и речевая биография является одним из факторов, влияющих на речевую продукцию человека (его языковую личность), а поскольку вербально-семантический уровень языковой личности представлен в ментальном лексиконе, то его структура и содержание также зависят от речевой и языковой биографии. Следовательно, знания языковой и речевой биографии помогают определить, какие слова могут находиться в ядре ментального лексикона.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты важно учитывать при реабилитации пациентов с нарушением речи,*

которое возникает при органических поражениях мозга – афазиях, поскольку это дает возможность разработать для них индивидуальный комплекс упражнений, принимающий во внимание особенности их языковой личности и языковой / речевой биографии.

Ключевые слова: *языковая личность; ментальный лексикон; структура ментального лексикона; содержание ментального лексикона; языковая биография; речевая биография.*

LANGUAGE AND SPEECH BIOGRAPHY AS ONE OF THE FACTORS FORMING A LANGUAGE PERSONALITY AND MENTAL LEXICON

Lyamzina S.A.

The article is devoted to the study of the organization of the mental lexicon of a language personality. This research focuses on finding answers to the questions: are there stable correlations between a person's language / speech biography and the characteristics of the systemic connections of words in his or her mental lexicon?

Purpose. *The aim of this article is to present a number of arguments in favor of the validity of the hypothesis that one of the factors affecting the speech production of an individual (his or her language personality), and, consequently, the structure and content of the mental lexicon, is language and speech biography.*

Methodology. *The main methods used in the study include a structured interview method, elements of qualitative-quantitative calculations and a descriptive method.*

Results. *It was found out that language and speech biography is one of the factors affecting a person's speech production (his or her language personality), and since the verbal-semantic level of a language personality is represented in the mental lexicon, its structure and content also depend on speech and language biography.*

Therefore, knowledge of language and speech biography helps to determine what words can be in the core of the mental lexicon.

Practical implications. *It is important to consider the obtained results during the rehabilitation of patients with aphasia – a speech disorder, since it will help to create an individual set of exercises for such patients, taking into account the characteristics of their language personality and language / speech biography.*

Keywords: *language personality; mental lexicon; structure of the mental lexicon; content of the mental lexicon; language biography; speech biography.*

Проводимое нами исследование посвящено изучению особенностей организации ментального лексикона. Основной исследовательский вопрос, который находится в фокусе внимания, может быть сформулирован следующим образом: существуют ли устойчивые корреляции между языковой / речевой биографией человека и характеристиками системных связей слов в его ментальном лексиконе?

В фокусе данной публикации находятся ключевые для работы понятия языковой личности, ментального лексикона, языковой и речевой биографии, которые, как показал анализ научной литературы, только находятся в стадии обретения своих сущностных характеристик в рамках антропоцентрической лингвистики.

Цель данной публикации – сформулировать на основе проводимого исследования ряд аргументов в пользу обоснованности гипотезы о том, что одним из факторов, влияющих на речевую продукцию индивида (его языковую личность), а, следовательно, на структуру и содержание его ментального лексикона, является языковая и речевая биография.

Материал и методы

Материалом исследования послужили: 1) 20 часов аудиозаписей интервью с носителями русского языка; 2) корпус скриптов интервью объемом 20203 слова.

В работе использовались следующие методы: метод структурированного интервью, элементы качественно-количественных подсчетов и описательный метод.

Основная часть статьи

XX в. ознаменовался активным развитием антропоцентрического направления в лингвистике. Усиление роли «человеческого фактора» привело к перемещению фокуса усилий исследователей с проблем описания языковой структуры в область, центром которой становится человек говорящий. Теория языковой личности становится одной из основ современной отечественной лингвистики.

Наиболее подробно теория языковой личности разработана в трудах Ю.Н. Караулова. Под языковой личностью исследователь понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [10, с. 3].

В модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, языковая личность состоит из трех уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического [9]. Иными словами, языковая личность является многогранной, и ее отдельные аспекты проявляются в языковом, речевом и коммуникативном планах.

Последующие исследования других лингвистов направлены на переосмысление и уточнение структуры, предложенной Ю.Н. Карауловым [11].

Следует отметить, что вербально-семантический уровень языковой личности хранится в ментальном лексиконе, поскольку как отмечают некоторые исследователи, он представляет собой своеобразный «резервуар», т. е. часть нашей долговременной памяти, в которой мы храним знания обо всех известных нам словах из знакомых языков [12, с. 381–389].

В свою очередь, как отмечает А.А. Залевская, ментальный лексикон обладает «теми же свойствами, какие специфичны для речевой организации в целом, т. е. он должен пониматься не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянно-

го взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами...» [6, с. 154].

Что касается структуры ментального лексикона, то А.А. Залевская и Н.О. Золотова представляют ментальный лексикон как глобальное ассоциативное поле с центральной частью, которая имеет множество связей, разрежающихся по направлению к периферии. Центральная часть представляет собой ограниченное количество единиц, обладающих максимальной ассоциативной силой, которую называют «ядром» [5; 7].

Структурированные в пространстве ядра поля являются способом существования наиболее значимых для человека понятий, связь с которыми позволяет определить максимальную вероятность воспроизведения единиц ядра в случае свободного ассоциирования. В свою очередь, «образ мира», который актуализируется в ядре лексикона, отражает так называемый «наивный реализм» индивида, каждый день оперирующего житейскими (обыденными) понятиями, зафиксированными единицами ядра. Таким образом, в ядре ментального лексикона концентрируются актуальные как для человека, так и для культуры образы действительности в их взаимосвязях и отношениях [7].

Что касается функции ментального лексикона, то он выполняет роль единой информационной базы человека, в которую входят энциклопедические, языковые знания, эмоциональные впечатления и выработанная социумом система норм и оценок данных знаний [15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ментальный лексикон представляет собой сложное лингвокогнитивное образование, которое модифицирует лексическую систему языка в сознании, отражает окружающую действительность и познавательные процессы языковой личности, а также обеспечивает ее речевые процессы.

Несмотря на активное изучение языковой личности, ряд фактов, касающихся данного понятия, остается малоизученным. В частности, то, что одним из факторов, влияющих на формирование языковой личности, является языковая и речевая биография человека.

Так, проанализировав ряд источников, мы пришли к выводам, что «языковая биография» – это история становления языковой личности (часто билингвальной или полилингвальной) от этапа зарождения индивидуальной жизни до ее конца в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением, системой ценностей человека [13, с. 226].

Данное понятие позволяет описать, какими языками и в каком возрасте овладел человек, роль языков в его когнитивном и эмоциональном опыте и специфику этапов усвоения родного и неродного языков в аспекте онтогенеза (ранняя социализация, семья, школа, профессиональное становление) [1; 4; 8; 14].

Речевая же биография – это «...изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни. Речевая биография должна включать в себя факты смены доминирующего речевого регистра, изменения просодических, фонетических и других характеристик речи в связи с изменением социального статуса, возраста, профессии, коллектива» [13, с. 226].

Важнейшим методом изучения языковой и речевой биографии является нарративное интервью, дополненное результатами наблюдений за речевым поведением личности и результатами экспериментальной работы с нею [1; 14].

Несмотря на различия, существующие между речевой и языковой биографиями индивидов, следует отметить, что оба этих понятия взаимосвязаны, поскольку факты языковой биографии человека влияют на его речевую деятельность.

Проводимое нами исследование, в целом, посвящено изучению особенностей языковой и речевой биографии пациентов (афатиков) с нарушением речи, которое возникает при органических поражениях мозга – афазиях. Это должно помочь в разработке упражнений по восстановлению речи у данных пациентов.

В рамках нашего исследования мы выделили целевые группы здоровых людей, попадающих в группу риска по афазиям, для их дальнейшего интервьюирования с целью моделирования вокабуля-

ров, в определенной степени отражающих реальный ментальный лексикон групп риска, обусловленный их языковой и речевой биографией. Опора на такой частотный вокабуляр позволит нам разработать более персонализированный комплекс упражнений для реабилитации пациентов-афатиков.

Так, было проинтервьюировано 34 человека: 19 мужчин, со средним специальным образованием, рабочей профессией, средний возраст которых 52 года, и 15 женщин, в основном обслуживающий персонал, с высшим и средним специальным образованием, средний возраст которых 57 лет.

Используя метод структурированного интервью, мы включили в него три блока вопросов: сведения о респонденте, информация о его языковой и речевой биографии. Несколько вопросов, адресованных информантам, были сформулированы следующим образом: «Какие языки были распространены в родительском доме? Используете ли Вы данные языки? Можете ли Вы вспомнить какие-то фразы, приговорки, слышанные в детстве? Пользуетесь ли Вы сами ими сейчас во взрослой жизни?».

В ходе интервью было получено несколько интересных ответов, демонстрирующих то, как в результате переезда в другую страну или в другой регион у интервьюентов изменились их языковые компетенции, и, как следствие – речевые привычки:

1. *Русский, русская школа. В школе ещё киргизский, потому что в Киргизии жили, но запомнилось несколько слов: «салам алейкум, бир – 1, эки – 2, счёт до 100, ата – отец, эне – мама, нан – хлеб, кант – сахар», потому что на рынок ходил там, поэтому продукты знал и счет. И щас знаю, но не пользуюсь, негде. (Геодезист, 80 лет).*
2. *Русский. Ну, у меня отец родом с Белоруссии, он всегда вот такие слова говорил, как вот «ведро – цыбарка, картошка – бульба, лук – цыбуля». Ну, иногда и я, да, ну не всегда, иногда, особенно после того, как мы в Сибирь приехали. (Делопроизводитель, 60 лет).*
3. *Русский. Ну, вот, в Сибири мы в семье говорили, допустим, слова «шоркать, вехотка, деда, баба, но», то сейчас, где*

мы живем, здесь так не говорят. С переездом на Запад, мы много где были, я, практически, перестала их употреблять, потому что меня не понимают. Спрашивали, что это такое, что за слово «шоркать» или «вехотка». Хотя в семье могу так сказать. (Документовед, 63 года).

4. *Русский, конечно. Нет, ещё украинский частично. Потому что мама и папа, все-таки, с Украины, и они – украинцы. И они изредка говорили по-украински. Я просто, несколько, слов знаю, потому что уехала от них. Когда уехала, вообще, практически забыла. Вот их узнаю в речи, когда по телевизору говорят. Например, «хвиртка – калитка», или, например, «криница – колодец» или «кохать – любить». (Учитель английского языка, 78 лет).*
5. *Русский, но мы несколько лет прожили в Молдавии. В первом классе изучала молдавский, но я его использую, несколько слов помню. Когда вспоминаю, что я его учила, то могу назвать хлеб – «пыйне», молоко – «лапте». (Социальный педагог, 35 лет).*
6. *Русский язык. Фразы, вот «чай» употреблялся везде у нас в Поволжье. Вредное слово такое. «Чай, чай». Даже, поговорка сложена: «Чай корова то пила, а брюхо то холодное». Вот это «чай» ко всем словам, ко всем предложениям у нас прибавлялся. Ну, щас мы его забыли, а раньше все время... Хотя иногда могу сказать. А, вообще, на Волге все окают, по-другому говорят. Но когда меня после техникума послали в Кемеровскую область, в город Калтан, я там пожила немножко, уже у меня разговор перешел на сибирский. По телефону, даже мать с отцом не узнавали, я же не по-ихнему стала разговаривать. Они как говорили на «о», так и говорят. Например, они не говорят «корова», а говорят «корова», «пошла», «кровать». Там всё на «о», на «о». Любое слово и везде на «о». (Бухгалтер, 80 лет).*
7. *Русский и киргизский, мы в Казахстане жили. С казахского знаю «терезе – окно. Мектеп – школа. Хлеб – нан. Вода – су». (Слесарь, 55 лет).*

Таким образом, как видно по приведенным данным, в результате переезда у интервьюентов в значительной степени меняется языковая компетенция. Например, респондент забывает язык или перестает использовать такие слова, характерные для сибирского диалекта, как «вехотка, шоркать, деда, баба, но (вместо «да»)», или свойственные для Поволжья оканье и вводное слово «чай».

Как правило, основной причиной, почему у респондента происходит изменение языковых компетенций, является необходимость адаптироваться к новым языковым и речевым реалиям, поскольку на новом месте жительства говорят иначе, и нет необходимости в языке или диалекте, который человек употреблял до переезда. Результатом изменения языковой компетенции, как мы можем видеть, является формирование новых речевых привычек.

Однако, несмотря на данные изменения, респонденты не полностью утратили прежние языковые компетенции, поскольку они помнят некоторые слова из языка, на котором говорили в их родительском доме или в том месте, в котором они жили до переезда, а также особенности их прежних диалектов, и даже употребляют их иногда в речи. Как правило, это существительные, которые относятся к продуктам питания, терминам родства, предметам, необходимым в быту, к зданию и его частям.

Причину, почему интервьюенты запомнили исключительно эти категории слов, можно объяснить тем, что в ядре ментального лексикона концентрируются актуальные для человека образы действительности, а также житейские (обыденные) понятия, которыми он оперирует каждый день.

Кроме того, согласно Т.В. Ахутиной, в ядре ментального лексикона находятся первые значения, в качестве которых выступают комплексы образ-значение, являющиеся элементарными с точки зрения психолингвистической семантической сложности и приобретенными еще в детстве [2].

Например, исследователи отмечают, что такие слова, как *любить*, *ведро*, *картофель*, *колодец*, *окно*, *молоко*, *хлеб*, упоминаемые нашими интервьюентами, усваиваются детьми в возрасте 1–2 лет [3].

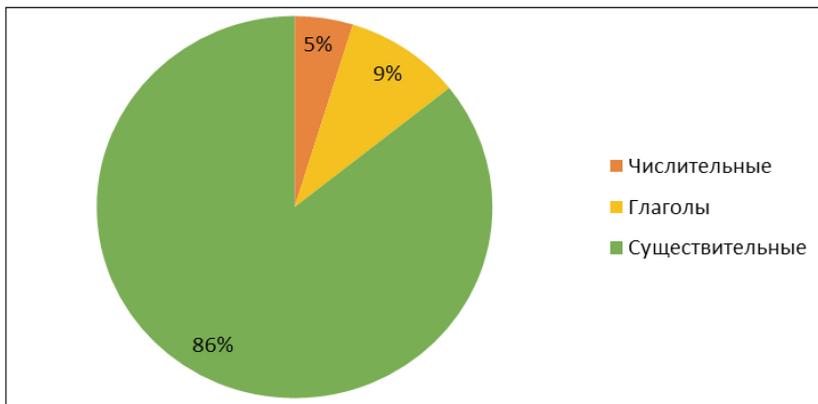

Диаграмма 1

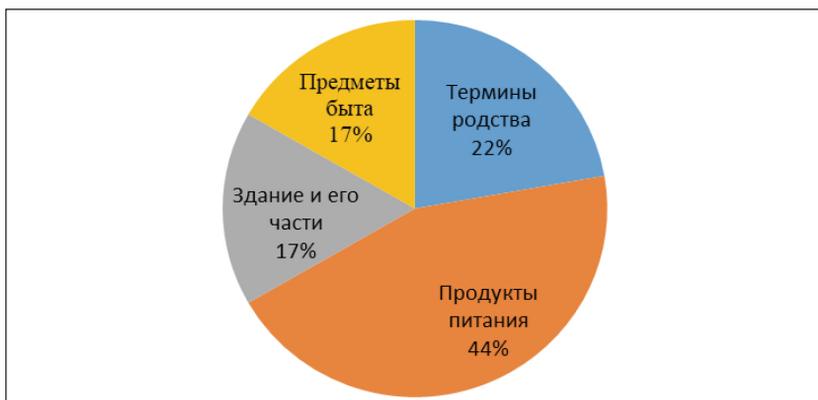

Диаграмма 2

Как утверждают наши респонденты, они также освоили вышеупомянутые категории слов, будучи детьми.

Заключение

Как мы видим, языковая и речевая биография является одним из факторов, влияющих на речевую продукцию человека (его языковую личность), а поскольку вербально-семантический уровень языковой личности представлен в ментальном лексиконе, то его структура и содержание также зависят от речевой и языковой биографии.

Таким образом, знания языковой и речевой биографии помогают определить, какие слова могут находиться в ядре ментального лексикона.

В свою очередь, данный факт важно учитывать при реабилитации пациентов-афатиков, поскольку это дает возможность разработать для них индивидуальный комплекс упражнений, принимающий во внимание особенности их языковой личности и языковой / речевой биографии.

Список литературы

1. Александров О.А. Языковая биография немецких диалектоносителей с. Кожевниково Томской области // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 4 (18). С. 208–213.
2. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 423 с.
3. Библиотека стимулов. <http://stimdb.ru/> (дата обращения: 05.02.2020).
4. Дебрэнн М. Языковая автобиография // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, Серия: Психология. 2014. Т. 8, вып. 1. С. 55–64.
5. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.
6. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. М.: РГГУ, 1999. 566 с.
7. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.
8. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему (главы 11–21). М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
10. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
11. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет // Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. 128 с.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

13. Лямзина С.А, Колмогорова А.В. Личность в зеркале языковой / речевой биографии // Филология: научные исследования. 2018. №4. С. 220–228.
14. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
15. Терентий Л.М. Психолингвистическое изучение образа мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2 (80). С. 170–173.

References

1. Aleksandrov O.A. Yazykovaya biografiya nemetskikh dialektonositelej s. Kozhevnikovo Tomskoj oblasti [Language biography of German dialect carriers of Kozhevnikovo village, Tomsk region]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2011. № 4 (18), pp. 208–213.
2. Akhutina T.V. *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. М.: Языки славянской культуры, 2014. 423 p.
3. *Biblioteka stimulov* [An incentive library]. <http://stimdb.ru/> (accessed February 5, 2020).
4. Debrenn M. Yazykovaya avtobiografiya [Language autobiography]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta, Seriya: Psikhologiya*. 2014. № 1(8), pp. 55–64.
5. Zalevskaya A.A. *Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka* [Problems of organization of the person's internal lexicon]. Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1977. 83 p.
6. Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. М.: RGGU, 1999. 566 p.
7. Zolotova N.O. *Yadro mental'nogo leksikona cheloveka kak estestvennyy metayazyk* [The core of the human mental lexicon as a natural metalanguage]. Tver, 2005. 204 p.
8. Ivanov V.V. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushhemu (glavy 11–21)* [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future (Chapters 11–21)]. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 p.
9. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and language personality]. М.: Nauka, 1987. 264 p.
10. Karaulov Yu.N. *Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya* [Russian language personality and the tasks of its study]. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. М.: Nauka, 1989, pp. 3–8.

11. Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Russkiy rechevoy portret [Russian speech portrait]. *Fonokhrestomatiya* [Phonohrestomaty]. M.: Nauka, 1995. 128 p.
12. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya [Language and knowledge: On the way of getting language knowledge: Parts of speech from a cognitive point of view]. *Rol' yazyka v poznanii mira* [The role of language in the knowledge of the world]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 p.
13. Lyamzina S.A., Kolmogorova A.V. Lichnost' v zerkale yazykovoj / rechevoj biografii [Personality in the mirror of language / speech biography]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2018. №4, pp. 220–228.
14. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost': ehvolyutsiya kommunikativnoj kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. M.: Labirint, 2004. 317 p.
15. Terentiy L.M. Psikholingvisticheskoe izuchenie obraza mira [Psycholinguistic study of the image of the world]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. №2 (80), pp. 170–173.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Лямзина Светлана Алексеевна, аспирант кафедры романских языков и прикладной лингвистики, Институт Филологии и Языковой Коммуникации
*Сибирский Федеральный Университет
пр-т Свободный, 82А, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
svetlana.lyamzin@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lyamzina Svetlana Alekseevna, Post-graduate student, Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Institute of Philology and Language Communication
*Siberian Federal University
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
svetlana.lyamzin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7046-2871*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-148-158

УДК 81'366.53

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В РАЗРЯДЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА

Мингазова Н.Г.

Цель. В данной статье проводится лексико-грамматический анализ имен числительных в арабском языке (афразийская языковая семья), включающих количественные, порядковые и дробные виды данного разряда слов. Имена числительные, выражая точные числовые значения, рассматриваются в структуре количественности в разряде определенного количества. Арабские числительные выполняют функции существительного, прилагательного, местоимения или наречия по своим грамматическим характеристикам.

Метод проведения работы. В основе исследования находится теоретический метод анализа материала.

Результаты. Выявлены противоречия в передаче числительных цифрами и их словесной записью в письменной речи: обратный словесный порядок единиц и десятков при обозначении единиц второго десятка, составных числительных от 21 до 99. Прослеживается скрытая категоризация чисел по классам в форме класса «малого числа». Выделяются морфологические показатели количественности в форме окончаний двойственного числа для количественных и дробных числительных, и множественного числа для количественных числительных. Порядковые числительные нейтральны с позиции грамматического числа.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем исследовании категории количества.

Ключевые слова: количественность; количественные числительные; порядковые числительные; дробные числительные; арабский язык.

THE ARABIC NUMERALS AS A CATEGORY OF THE CERTAIN QUANTITY

Mingazova N.G.

Purpose. *The paper deals with the lexical and grammatical analysis of numeral in Arabic (the Afroasiatic language family). The cardinal, ordinal and fractional numerals are under investigation. Numerals, expressing the exact number, are considered in the structure of quantity as a category of the certain quantity. Arabic numerals function as nouns, adjectives, pronouns or adverbs according to their grammatical characteristics.*

Methodology. *The study is based on the theoretical methods of data analysis.*

Results. *Contradictions between writing numerals in numbers and words were revealed: the reversed word order of units from 11 to 19 and from 21 to 99. The hidden categorization of numbers by classes in the form of a class of “small number” was revealed. The morphological indicators of quantitativity in the form of the dual endings for the cardinal and fractional numerals, and the plural endings for the cardinal numerals were singled out. The ordinal numbers are neutral in terms of grammatical number.*

Practical implications. *The research results can be applied in the further study of the category of quantity.*

Keywords: *quantitativity; cardinal numerals; ordinal numerals; fractional numerals; Arabic.*

Введение

Имена числительные как часть речи по морфологическим признакам не представляет единства, и объединяются только своей семантикой. Соединение метаязыка математики с естественным языком, отличие математической абстракции от абстракции в языке вызывает интерес исследователей к изучению данных полнозначных слов в различных языках. Числительные арабского языка подвергались анализу в рамках исследования категории количества в работах Аль-Хамади (1998), Бабаханова (1973), Гран-

де (1998), Ковалева, Шарбатова (1998), Чернова (1995), Шагаля (1983), Юшманова (1985), Мингазовой (2004, 2005, 2014, 2016, 2017) и др. В арабском языке имена числительные проявляют особое отношение к грамматическим классам и грамматическому роду, что определяет *актуальность* их анализа с лексико-грамматических позиций. *Научная новизна* работы усматривается в предпринятой попытке выявления лексико-грамматических противоречий в функционировании имен числительных арабского языка в разряде определенного количества. Данное исследование имеет *целью* выявление грамматических показателей количества имен числительных арабского языка. Данная цель предполагает решение ряда конкретных *задач*: 1. Определения статуса имен числительных арабского языка в категории количественности. 2. Выявление лексико-грамматических особенностей арабских числительных. 3. Освещение противоречий в плане выражения и содержания числительных.

Категория количества – это отражение количественной определенности бытия, которая в объективной действительности предстает как дискретное, прерывное количество, и как недискретное, непрерывное количество.

Категория количества определяет не только количество предмета, но и учитывает ряд индивидуальных характеристик. Содержание мыслительной категории количества реализуется разными языковыми средствами, которые относятся к различным уровням языковой системы, и образует языковую категорию количества. Категория количества проявляется во всех языках разнообразными лексическими и грамматическими средствами. Основные ее категориальные значения – это единичности и множественность, а в некоторых языках еще двоичность и троичность.

Категория количества отражает определенный способ восприятия мира, навязываемый ... всем носителям языка – цельная коллективная философия. Возникнув из жизненных потребностей человека, она претерпела ряд осложнений и получила свое сложное отвлеченное значение в грамматике языка [8, с. 14-19].

Числительные, выражая точные числовые (нумеральные) значения, входят в разряд определенного количества в структуре количественности.

Материалы и методы

Данная работа опирается на теоретические методы исследования материала.

Согласно лингвистической энциклопедии, числительное – это класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счете, кратности (повторяемости), совокупности. В соответствии с этими значениями выделяются различные виды числительного: количественные, порядковые, кратные, собирательные (совокупностные), разделительные, а также неопределенно-количественные, дробные [6].

В лексическом плане ряд имен числительных может рассматриваться как универсалия, выделение же видов числительных и специфика значения стержневого ряда различны по языкам. В грамматическом плане имена числительные в разных языках не одинаковы.

В основе грамматической специфики *имени числительного* лежит их особое отношение к грамматическому числу, выражая понятие числа своим лексическим значением. Имена числительные обычно не соотносятся с категорией грамматического числа, изменение числительных по числам избыточно. В одних языках происходит нейтрализация грамматического числа у числительных, в других с числительными соотносится одно из чисел, часто множественное, так как лексическое значение числительного связывается с понятием множества. Другая грамматическая черта имен числительных – это их сочетаемость с именами существительными, обозначающими счетные предметы. В связи с этим иногда образуются особые типы сочетаний имен числительных с именами существительными, и даже особые формы имен существительных при именах числительных. Имена числительные имеют значение точного определения неполной мощности конкретного множества. Они имеют валентность по отношению к именам существительным, непосредственно обознача-

чающим дискретные явления или единицы измерения явлений недискретных. Данная особенность имен числительных в различных языках универсальна, но реализуется в них по-разному с учетом категории грамматического числа. В некоторых языках просматривается скрытая категоризация чисел по классам, например, класс «малого числа» в арабском языке, включая числа от трех до десяти [1, с. 19]. В результате, согласование количественных имен числительных от трех до десяти согласуется с именами исчисляемыми во множественном числе, в то время как количественные имена числительные от одиннадцати до девяноста девяти – с именами исчисляемыми в единственном числе.

В наиболее чистом виде понятие числа находит отражение в *количественных числительных*. Они образуют стержень, вокруг которого группируются другие виды числительного, и обозначают количество, число, отвлеченный результат счета, так как в понятии числа свойство совокупности состоять из того или иного числа единиц абстрагируется от тех конкретных предметов, которые подвергаются счету. Исторически множество считаемых предметов или явлений соотносилось с некоторым фиксированным множеством-эталонном, например, с камешками, пальцами, словами.

Порядковые числительные обозначают порядковые номера, присваиваемые предметам или явлениям в процессе счета.

Собирательные числительные используются при обозначении совокупности предметов по количеству составляющих ее единиц.

Разделительные числительные служат для обозначения количественно однородных групп, на которые распределено данное множество.

Кратные числительные обозначают количество повторений некоторого действия или явления.

Ряд количественных числительных не ограничивается; при образовании же порядковых числительных отмечаются определенные ограничения; ряды собирательных, разделительных, кратных числительных, как правило, ограничены одним или двумя первыми десятками чисел.

Неопределенно-количественные числительные связаны с группой слов, обозначающих неопределенность количества: «много», «мало», «несколько» и т.д.

Специфично использование числительных в письменной речи. Для их передачи установились интернациональные идеограммы: цифры, наряду с которыми используется словесная запись числительных, между которыми иногда возникают противоречия. Например, обратный словесный порядок единиц и десятков закрепился в ряде языков, в частности в арабском языке, при обозначении единиц второго десятка, составных числительных от двадцати одного до девяноста девяти.

В одних языках числительные, обладая специфическим набором грамматических свойств, выделяются в особую часть речи. В арабском же языке по своим грамматическим свойствам они относятся к различным частям речи (именам существительным, именам прилагательным, местоимениям, наречиям). В результате отмечается особое отношение к грамматическим классам и грамматическому роду как разновидности класса.

Результаты и обсуждение

Так, в арабском языке *имена числительные* подразделяются на три группы:

1) количественные числительные, которые подразделяются на следующие подгруппы по способам образования и согласованию с исчисляемым именем существительным (от 1 до 10, от 11 до 19, круглые десятки, составные числительные до 100, сложные числительные от 100 и выше);

Согласование количественных числительных с исчисляемыми именами существительными с позиции числа осуществляется следующим образом:

Количественные числительные	Исчисляемое имя существительное
1	единственное число
2	двойственное число
3-10	множественное число
11-99	единственное число
от 100 и выше	в зависимости от последнего компонента

Например: **байт уаахид** (один дом), **байтаани иснаани** (два дома), **хамсу буйуутин** (пять домов), **хамсата гашара байтан** (пятнадцать домов) и т.д.

2) порядковые числительные подразделяются на следующие подгруппы по способам образования (от 1 до 10, от 11 до 19, круглые десятки, составные числительные до 100, сложные числительные от 100 и выше) и согласуются с исчисляемым именем как согласованное определение, например: **аль-байту аль-хаамису** (пятый дом);

3) дробные числительные: дроби первого десятка с числителем «единица» образуются по модели **фуглун** от корней количественных числительных, кроме дроби 1/2 (половина), которая выражается словом **нысф**.

В арабском языке грамматическая категория числа наиболее ярко представлена в количественных числительных, содержащих компонент 2, отражающий двойственное число – суффикс **-аани**, например:

Цифра	Муж. род	Жен. Род	Цифра	Муж. / жен. род
2	иснаани	Иснаатаани	200	Миатаани
12	иснаа ашара	иснатаа ашарата	2000	алфаани

Подобное наблюдается и в дробях первого десятка при числителе 2, которые образуются употреблением дробных числительных в двойственном числе, например:

Цифра	Числительное	Цифра	Числительное
2/3	сулсаани	2/7	субгаани

Грамматическая категория множественного числа проявляется в круглых десятках, которые образуются прибавлением окончания правильного множественного числа мужского рода **-ууна**, например:

Цифра	Числительное	Цифра	Числительное
20	ишрууна	40	арбаууна
30	саласууна	50	хамсууна

Однако имена числительные арабского языков представляют собой, в основном, лексическое выражение категории числа [10, с. 104–105].

Выводы

Так, имя числительное, как лексическое средство выражения числа, в арабском языке по своей грамматической природе может быть существительным, прилагательным, местоимениям или наречиям. Категория количества имен числительных в арабском языке сводится к следующим морфологическим показателям:

Единственное число **Nrsing** – немаркировано.

Двойственное число **Nrdl** – суффикс **-аани/ -айни**.

Множественное число **Nrpl**: внешнего образования (правильное): м.р. – **ууна/ийна**.

Грамматическая категория числа числительных представлена двойственным числом в *количественных числительных первого десятка* в числительном 2; в *количественных числительных от 11 до 19* в числительном 12; в *составных числительных* с компонентом 2; в числительном 200 и 2000; в *дробях первого десятка* при числителе 2, и множественным числом в форме правильного множественного числа мужского рода в *количественных числительных круглых десятков*.

При согласовании с количественным именем числительным исчисляемое имя существительное находится в единственном, двойственном или множественном числах в зависимости от правил согласования.

Противоречия в плане выражения и содержания имен числительных арабского языка проявляются в отличии цифрового обозначения и их словесной записью в письменной речи ряда числительных, в скрытой категоризации чисел по классам в форме класса «малого числа». Порядковые числительные нейтральны с позиции грамматического числа.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Категория количества в современных европейских языках. Монография. Киев: Наук.думка, 1990. 284 с.

2. Аль-Хамади Ю. Основные правила грамматики. Каир, 1998. 130 с. (на арабском языке).
3. Бабаханов Ш.З. Категория числа в арабском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1973. 30 с.
4. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 1998. 592 с.
5. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. М.: Восточная литература РАН, 1998. 751 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. 2012. Онлайн: <https://slovar.cc/rus/lingvist/1466720.html>
7. Мингазова Н.Г. Сопоставительный анализ категории числа имен существительных в английском и арабском языках. Дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2004. 174 с.
8. Мингазова Н.Г. Категория числа имен существительных в английском и арабском языках. Монография. Казань: ТГГПУ, 2005. 164 с.
9. Мингазова Н.Г., Закиров Р.Р. Сопоставительная типология татарского и арабского языков. Часть 1: учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 236 с.
10. Мингазова Н.Г., Сафин М.Ф., Закиров Р.Р. Сопоставительная грамматика английского и арабского языков. Часть 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 162 с.
11. Чернов П.В. Справочник по грамматике арабского литературного языка/ под научн. ред. В.С. Морозовой. М.: РАН, 1995. 473 с.
12. Шагаль Э.В., Мерекин М.Н., Закиров Ф.С. Учебник арабского языка. Ч. I, II. М.: Военное издательство, 1983. 784 с.
13. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка/ Под ред. и с предисл. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1985. 174 с.
14. Mingazova N.G., Subich V.G., Shangaraeva L.F. The semantic morphological category of noun number in structurally different languages // International Journal of Environmental and Science Education, Vol. 11, Issue 15 (2016), pp. 8387–8402. <http://www.ijese.net/makale/1091.html>

References

1. Akulenko V.V. *Kategoriya kolichestva v sovremennikh evropeiskikh yazikakh* [The category of quantity in modern European languages]. Kiev: Nauk.dumka, 1990. 284 p.
2. Al-Khamadi Yu. *Osnovnie pravila grammatiki* [Main rules of grammar]. Cairo, 1998. 130 p. (in Arabic)
3. Babakhanov Sh.Z. *Kategoriya chisla v arabskom yazike* [The category of number in Arabic]. Avtoref. dis. kand.filol.nauk. Moscow, 1973. 30 p.
4. Grande B.M. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitelno-istoricheskom osveshenii* [The course of Arabic grammar: comparative and historical review]. 2-e izd. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1998. 592 p.
5. Kovalev A.A., Sharbatov G.Sh. *Uchebnik arabskogo yazika* [The textbook of Arabic]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1998. 751 p.
6. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Online: 2012. <https://slovar.cc/rus/lingvist/1466720.html>
7. Mingazova N.G. *Sopostavitelny analiz kategorii chisla imen sushestvitelnykh v angliyskom i arabskom yazikakh* [The comparative analysis of nominative category of number in English and Arabic]. Dis. ...kand. filol. nauk. Kazan, 2004. 174 p.
8. Mingazova N.G. *Kategoriya chisla imen sushestvitelnykh v angliyskom i arabskom yazikakh* [The nominative category of number in English and Arabic]. Kazan: TGGPU, 2005. 164 p.
9. Mingazova N.G., Zakirov R.R. *Sopostavitelnaya tipologia tatarskogo i arabskogo yazikov* [The comparative typology of Tatar and Arabic]. Chast 1: uchebnoe posobie. Kazan: Izd-vo Kazan.un-ta, 2014. 236 p.
10. Mingazova N.G., Safin M.F., Zakirov R.R. *Sopostavitelnaya grammatika angliyskogo i arabskogo yazikov* [The comparative grammar of English and Arabic]. Chast 1: uchebnoe posobie. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2017. 162 p.
11. Chernov P.V. *Spravochnik po grammatike arabskogo literaturnogo yazika* [Literary Arabic grammar handbook]. Moscow: RAN, 1995. 473 p.
12. Shagal E.V., Merekin M.N., Zabirotov F.S. *Uchebnik arabskogo yazika* [The textbook of Arabic]. Chast I, II. Moscow: Voennoye izdatelstvo, 1983. 784 p.

13. Yushmanov N.V. *Grammatika literaturnogo arabskogo yazika* [Literary Arabic grammar handbook]. Moscow: Nauka, 1985. 174 p.
14. Mingazova N.G., Subich V.G., Shangaraeva L.F. The semantic morphological category of noun number in structurally different languages. *International Journal of Environmental and Science Education*, Vol. 11, Issue 15 (2016), pp. 8387–8402. <http://www.ijese.net/makale/1091.html>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мингазова Наиля Габделхамитовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения, африканистики и исламоведения Института международных отношений *Казанский (приволжский) федеральный университет*
ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Российская Федерация
nailyahamat@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mingazova Nailya Gabelkhamitovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Oriental, African and Islamic studies Department, Institute of International Relations
Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlevskaya Str, Kazan, 420008, Russian Federation
nailyahamat@mail.ru
SPIN-code: 7487-3534
ORCID: 0000-0002-3097-0193
ResearcherID: D-7236-2015
Scopus Author ID: 56177181800

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-159-167

УДК 811.11

**ДОСТИЖЕНИЕ ТОЧНОСТИ
И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСЕ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ЭМИЛИ ДИКИНСОН)**

*Мосолкова (Костицына) М.Г.,
Марданишина Р.М., Калганова Г.Ф.*

***Цель.** В данной статье рассматриваются переводы стихов Эмили Дикинсон с точки зрения соответствия оригиналу, использования стилистических и грамматических средств, прагматической адаптации перевода.*

***Объектом исследования** стало собственно поэтическое творчество американской поэтессы Э. Дикинсон.*

***Метод и методология проведения работы.** Основу исследования составляет лингвистический и переводческий анализ с элементами сопоставления.*

***Актуальность исследования** определила необходимость изучения проблемы достижения адекватности и эквивалентности перевода, сохранения экспрессивно-эмоциональной нагрузки и эстетической ценности при переводе с английского языка на русский.*

***Результаты.** Авторами обосновывается наиболее близкий к оригиналу вариант перевода с учётом целостной картины мира поэтессы, её предпочтений, грамматических особенностей английского языка. Перевод стихов Э. Дикинсон должен осуществляться с учётом основных художественных функций её лексики и метафоричности, эмоционального воздействия на читателя; выражения идейного содержания и эмоционального настроения стихотворения, а также авторских оценок, взглядов и чувств; создания индивидуально-авторских поэтических образов.*

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по переводоведению и зарубежной литературе.

Ключевые слова: интерпретация; перевод; оригинал; смысловой оттенок; образ; метафора.

**ON ACHIEVING ADEQUACY
AND EQUIVALENCE IN TRANSLATION DISCOURSE
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN
(AS BASED ON WORKS BY EMILY DICKINSON)**

*Mosolkova (Kostitsyna) M.G.,
Mardanshina R.M., Kalganova G.F.*

Purpose. This article discusses some interpretations of Emily Dickinson poetry in terms of the translation fidelity.

The object of the research is Emily Dickinson's poetic works.

Methodology. The linguistic and comparative analysis makes the basis of the study.

The relevance of the study determined the need to study the problems of adequacy and equivalence of translation from English into Russian, preserving the expressive and emotional load and aesthetic value of a literary text.

Results. The authors substantiate the closest version of translation, taking into account the holistic picture of the poetess's world and grammatical features of the English language. Emily Dickinson's poems should be translated with due consideration of the enhancing the expressiveness of verbal images and their emotional impact on the reader; translation involvement in expressing the content idea and emotional mood of a poem, the author's assessments, views and feelings; creation of specific authorial poetic images.

Practical implications. The results can be used in translation study and foreign literature course.

Keywords: interpretation; translation; original; meaning; image; metaphor.

Проникновение в содержание исходного текста и связанная с этим необходимость в декодировании его референциального и прагматического аспектов, опирающихся на языковую и внеязыковую информацию, включая фоновую, всегда представляет собой сложную проблему [4, с. 84]. Задача переводчика состоит не только в том, чтобы показать творческое своеобразие и творческую личность автора; без эмоционального соучастия, сопереживания самого переводчика текст не может состояться как художественно полноценный. Взаимосвязь и взаимообусловленность нужно искать не в исключении творческой личности автора и переводчика, а в их большем или меньшем слиянии. Переводчику недостаточно в совершенстве владеть языком перевода, он должен обладать обширными знаниями в области чужой культуры, чтобы не утратить дух оригинала, должен понимать и мастерски передавать глубинные замыслы и идеи автора без ущерба смыслу подлинника [1, с. 103; 5].

Обратимся к сборнику переводов стихов Эмили Дикинсон (издательство Symposium, Санкт-Петербург, 2000 г.) и проанализируем переводы некоторых из них на предмет соответствия оригиналу.

Стихотворение «This is my letter to the world»:

This is my Letter to the world	В мир, что ко мне письма не шлёт,
That never wrote to me, –	Письмом уходит стих –
The simple news that Nature told,	Рассказ Природа поведёт,
With tender majesty.	Чей строгий голос тих,

Her message is committed	Чьё слово примут руки –
To hands I cannot see;	Но я не вижу их –
For love of her, sweet countrymen,	Судите же с любовью к Ней
Judge tenderly of me!	Меня в краях моих [2, с. 10].

Перевод М. Бортковской

В первом четверостишии Дикинсон использует выражение «with tender majesty». «Majesty» – это не только величие, великолепие, здесь явный намёк на Ваше Величество, Высочество. Поэтесса обожествляла природу, преклонялась перед ней. В этом сказыва-

ется влияние трансцендентализма. Согласно учению трансцендентализма, все явления природы являются символами высшего порядка. Перевод анализируемых строк, на наш взгляд, не в полной мере отражает авторское отношение к природе и ее видение, хотя переводчик оставляет слово «Природа» с заглавной буквы как у Э. Дикинсон (Nature).

Удачным является определение формы послания Дикинсон миру М. Бортковской: «письмом уходит стих» [2, с. 10]. М.Г. Костицына приходит к выводу, что всё творчество Э. Дикинсон, её поэзию и эпистолярии можно назвать одним Письмом миру [3, с. 10]. В поэзии Дикинсон сохраняет традиции письма, форму обращения к адресату. В рассматриваемом нами стихотворении есть конкретный адресат – «sweet countrymen», что можно перевести «дорогие соотечественники, милые земляки». М. Бортковская ограничивается при переводе лишь абстрактным, безличным обращением: «судите же», не передавая, как нам кажется, эмоции автора, её тёплое отношение [2, с. 10]. «Sweet» – одно из самых распространённых слов в поэзии и эпистолярных Дикинсон, что относится и к словам «tender», «tenderly», которые придают особый оттенок нежности, мягкости. У М. Бортковской своё видение замыслов Э. Дикинсон, своя интерпретация.

В другом стихотворении Э. Дикинсон «If you were coming in the fall» звучит бесконечная надежда на встречу с возлюбленным. В английском варианте бесконечность ожидания любви передается в том числе и сослагательными конструкциями:

If you were coming in the fall,
I'd brush the summer by ...

If I could see you in a year,
I'd wind the months in balls... [2, с. 54].

В интерпретации С. Степанова, в целом, чувствуется дух оригинала, передается смысловая нагрузка стихотворения, метафоричность образов (Of time's uncertain wing – У Времени коса). Однако грамматическое построение отличается:

Ты осенью ко мне придешь –
Я лето прочь смахну, ...

Тебя увижу через год –
Я месяцы в клубки
Смотаю ...

У С. Степанова грамматическая трансформация придает звучанию некоторую убежденность, запланированность встречи. В то время как сослагательность оригинала акцентирует бесконечную надежду и желание встречи. «If» олицетворяет неопределённость, неизвестно, когда они будут вместе. Невозможность скорой встречи становится всё длиннее и длиннее: сначала с лета до осени, затем год, века и наконец – вечность (eternity). Время не имеет значения при условии встречи.

В своем переводе одного четверостишия мы попытались передать сослагательное наклонение:

И если б даже мне пришлось
За веком век считать,
Тебя до самой смерти я
Не перестану ждать!

If only centuries delayed,
I'd count them on my hand,
Subtracting till my fingers dropped
Into Van Diemen's land.

Версия С. Степанова:
Тебя придётся ждать века –
Я стану их считать,
Покуда хватит на руке
Мне пальцев погибать.

В стихотворении значимым является образ Van Diemen Land – Земли Ван-Димена. Так до 1856 г. именовался остров Тасмания у юго-восточного побережья Австралии, бывшая британская штраф-

ная колония. В переносном смысле употребляется как «земля забвения» (эвфемизм для обозначения места пребывания мёртвых). Речь идёт о переходе в мир иной, в вечность. Тема смерти является ключевой в творчестве поэтессы. В исследуемом нами переводе образ другого конца света, Земли Ван-Димена, отсутствует.

Безусловно, переводчик имеет право на творчество, особенно когда речь идёт о поэтическом произведении. Но не следует забывать, что это не самостоятельный замысел, а перевод уже существующей версии с одного языка на другой (в данном случае с английского языка на русский). Следует сохранять экспрессивно-эмоциональную нагрузку и эстетическую ценность оригинала.

Иногда стихи Э. Дикинсон – это ребус, который необходимо расшифровать и донести до читателя её послание миру (при жизни она не испытала славы признания). Важно не утратить близость к оригиналу, достигая совершенства стиха. Необходимо хорошо знать историю жизни Дикинсон: формирование духовных, эстетических ценностей, идеалов, влияние трансцендентализма, пуританской среды Новой Англии 19 в. (Амхерста); круг её знакомых, друзей, родственников, взаимоотношения. Также важно знать о её характере, особенностях, а порой и странностях натуры; любимую, часто употребляемую лексику в прямом и переносном значении, чтобы у читателя была возможность как можно больше и с точной правдивостью узнать об уникальной поэтессе Э. Дикинсон с её удивительной способностью так филигранно, тонко и проникновенно писать. Перевод стихов Э. Дикинсон должен осуществляться с учётом основных художественных функций её лексики и метафоричности, что эмоционально воздействует на читателя; индивидуально-авторские поэтические образы, выражение авторских оценок, взглядов и чувств в интерпретации переводчика будут близки к оригиналу, если учтены грамматические и стилистические особенности поэтического языка автора.

Список литературы

1. Гудий К.А. От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика // Филология и лингвистика в современном

- обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 99–103.
2. Дикинсон Э. Стихотворения / На англ. и рус. яз. Составление А. Глебовской, С. Степанова. Предисл. А. Глебовской. СПб.: Symposium, 2000. 339 с.
 3. Костицына М.Г. Мир поэтической личности Эмили Дикинсон (поэзия и эпистолярии): автореф. дис. ... к. филол. н. Казань, 2004. 18 с.
 4. Швейцер А.Д. Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе: Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 423. М., 1996. С. 84–92.
 5. Mosolkova M.G. Color Palette of Emily Dickinson Worldview: Linguistic and Literary Approach / M.G. Mosolkova, R.M. Mardanshina, G.F. Kalganova // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 1, pp. 331–334.

References

1. Gudiy K.A. Ot originala k perevodu: problema vzaimodeystviya avtora i perevodchika [From the original to the translation: the problem of the interaction of the author and the translator]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, May 2012)* [Philology and Linguistics in Modern Society: Materials of the Intern. scientific conf. (Moscow, May 2012)]. М.: Vash poligraficheskii partner, 2012, pp. 99–103.
2. Dickinson E. *Stihotvoreniya* [Poems]. SPb.: Symposium, 2000. 339 p.
3. Kosticyna M.G. *Mir poeticheskoy lichnosti Emili Dikinson (poeziya i epistolyarii)* [Emily Dickinson's world of poetic personality (poetry and epistolary)]: avtoref. dis. ... k. filol. n. Kazan', 2004. 18 p.
4. Shveytser A.D. Osnovnyye problemy obucheniya perevodu s russkogo yazyka na inostrannyi [The main problems of teaching translation from Russian into a foreign language]. *Aktualnyye problemy prepodavaniya perevoda i inostrannykh yazykov v lingvisticheskom vuze* [Actual problems of teaching translation and foreign languages in a linguistic university]: Sb. nauch. tr MGLU. Issue 423. М., 1996, pp. 84–92.

5. Mosolkova M.G. Color Palette of Emily Dickinson Worldview: Linguistic and Literary Approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No 1, pp. 331-334.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мосолкова Марина Германовна, доцент, кандидат филологических наук

Казанский федеральный университет

ул. Бутлерова, 4, г. Казань, 420012, Российская Федерация

Марданшина Римма Марсельевна, доцент, кандидат педагогических наук

Казанский федеральный университет

ул. Бутлерова, 4, г. Казань, 420012, Российская Федерация

rimylja@mail.ru

Калганова Гульнара Фаритовна, доцент, кандидат филологических наук

Казанский федеральный университет

ул. Бутлерова, 4, г. Казань, 420012, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Marina G. Mosolkova, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences

Kazan Federal University

4, Butlerov Str., Kazan, 420012, Russian Federation

SPIN-code: 3494-7711

ORCID: 0000-0003-3444-506X

ResearcherID: L-3853-2013

Scopus Author ID: 5658240500

Rimma M. Mardanshina, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences

Kazan Federal University

4, Butlerov Str., Kazan, 420012, Russian Federation
rimylja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0277-0407
ResearcherID: L-3594-2013
Scopus Author ID: 56582424400

Gulnara F. Kalganova, Associate Professor, Candidate of Philological
Sciences
Kazan Federal University
4, Butlerov Str., Kazan, 420012, Russian Federation
SPIN-code: 5371-8003
ORCID: 0000-0002-2091-3638
ResearcherID: L-4857-2013
Scopus Author ID: 56582304300

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-168-180

УДК 81.2

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ АРАБСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Набиуллина В.Р.

Целью исследования является изучение функциональных типов арабского и английского газетных заголовков исходя из той задачи и роли, которую выполняет заголовок на газетной полосе.

Описательный и статистический методы были использованы в качестве основных методов, применявшихся рамках данной работы.

Соотношение рассмотренных функциональных типов газетных заголовков арабского и английского языков, а также выявление частоты их применения в качестве заголовков для печатных газетных произведений различной направленности было определено при помощи диаграммы. Полученные данные показали, что большую часть синтаксических конструкций, применяемых в арабских и английских газетных заголовках, составляют заголовки-утверждения, структура которых позволяет донести до читателей интересующую их информацию в максимально сжатом, лаконичном виде. Данные, полученные в результате исследования, определенно ограничены и не могут охватить и проиллюстрировать соотношение применения изученных функциональных типов всех газетных заголовков обоих языков, поэтому в рамках данной работы была рассмотрена общая тенденция к использованию определенной синтаксической конструкции в соответствии с целью и задачами, поставленными перед печатным изданием.

Материалы исследования могут быть использованы при изучении грамматики обоих языков, а также для рассмотрения и анализа особенностей газетного стиля.

Ключевые слова: газетные заголовки арабского и английского языков; синтаксическая структура; функциональные типы газетных заголовков.

FUNCTIONAL TYPES OF THE ARABIC AND ENGLISH NEWSPAPER HEADLINES

Nabiullina V.R.

The aim of this research is to study the functional types of the Arabic and English newspaper headlines according to the challenge and role that headline should perform on the newspaper page.

The descriptive and statistical methods were used as the main methods in the framework of this paper.

The correlation of the considered functional types of newspaper headlines of the Arabic and English languages, as well as the frequency of its use as headings for the printed newspaper material of various kinds was defined by the use of a diagram. The data obtained demonstrated that the majority of syntactic constructions used in the Arabic and English newspaper headlines represent the statements, the structure of which allows to convey to the readers the information, that they are interested in, in the most concise, laconic way.

The data resulting from this research are definitely limited and cannot cover and illustrate the ratio of the use of the studied functional types of all newspaper headlines of both languages, therefore, in this work, we examined the general tendency to use a certain syntactic structure in accordance with the purpose and objectives assigned to the print newspaper edition.

The material of the research can be used in the study of grammar of both languages, as well as to review and analyze the features of the newspaper style.

Keywords: *newspaper headlines of the Arabic and English languages; syntax structure; functional types of newspaper headlines.*

Язык журналистики имеет свои особенности, которые отличают его от так называемого «общего ядра или центра». Исследование этого языка, его способов и методов, посредством которых он оказывает влияние на общественное сознание, является предметом

пристального внимания и изучения со стороны многих ученых и специалистов лингвистики, журналистики и смежных с ними гуманитарных наук. Этим объясняется актуальность темы выбранного исследования.

Цель данной работы заключается в рассмотрении функциональных типов газетных заголовков арабского и английского языков, грамматические конструкции которых восходят к моделям предложений в обоих языках. Исходя из поставленной цели были определены следующие задачи:

- рассмотреть функциональные типы газетных заголовков арабского языка;
- сделать обзор функциональных типов газетных заголовков английского языка;
- изучить соотношение использования различных функциональных типов газетных заголовков обоих языков в рамках заданного временного промежутка.

Материалом исследования послужили 100 арабских газетных заголовков и 100 газетных заголовков английского языка, отобранных из ежедневных газет Al-Watan, Al-Jumhuriya, Al-Ahram, Al-Ittihad, The Independent, The Guardian, The Daily Telegraph за 2016–2017 гг. При обзоре теоретического материала применялся описательный метод, при определении соотношения функциональных типов, используемых в газетных заголовках обоих языков, выбранных в рамках данной работы, использовался статистический метод.

Д. Кристал определяет язык журналистики как «диапазон языковых особенностей, встречающихся во всех разновидностях языка, его диалектах и т.д. Его базисные языковые характеристики будут включать основные правила порядка слов, словообразование и высокочастотный употребляемый словарь. Через язык, используемый в газетах, люди получают информацию о различных областях нашей жизни. Таким образом, по мнению автора, основной функцией языка является информационная [2, с. 85]. Ш. Ал-Либан считает, что основная функция газетного заголовка заключается в подготовке краткого содержания основной мысли, содержащейся в пе-

чатном произведении, используя как можно меньшее количество слов, которые будут знакомы и понятны читателям. В то же самое время он способен влиять на читательскую аудиторию, поэтому он также имеет директивную или управляющую функцию [7, с. 64]. По мнению А. Уафи, язык является зеркалом, на поверхности которого отражается все, чем занимаются говорящие на нем люди, их заботы и дела, традиции и обычаи, политический, экономический и культурный уклад. Все эти аспекты придают тому или иному языку уникальный оттенок и отпечаток, складывающийся из сочетания определенных звуков, слов, связей, правил и методов, характеризующих этот язык [11, с. 260]. М.Х. Абдель-Азиз подчеркивает, что ни один язык мира не может сопротивляться прогрессу, однако сами языки становятся разнообразнее как отражение стремительных изменений, происходящих в мире, и их последствий в течение определенного временного промежутка [8, с. 55]. Дж. Йусуф замечает, что языковому изменению подвержены как устная, так и письменная речь, однако устная речь является более восприимчивой к изменениям и преобразованиям, чем письменная [12, с. 59]. Средства массовой информации и их специфичный язык, по мнению А. Маруа, ввиду своей коммуникативной природы получил широкое распространение и влияние на различные слои населения, отличающихся по своему экономическому, социальному и культурному составу, поэтому изучение его природы, особенностей и способов влияния, которое проявляется в том числе и через газетные заголовки, является актуальным и важным направлением современной исследовательской деятельности [10, с. 35]. М.Ф. Иззат утверждает, что газетный заголовок олицетворяет собой средство для привлечения читателей и удовлетворения их любопытства, поэтому составлению привлекательного газетного заголовка придается особая важность со стороны редакций печатных изданий [9, с. 249]. Заголовки отличает специальный язык, который выходит за рамки правил нормальной грамматики языка. Посредством этого языка передаются идеи, выражаются чувства, отношения, нужды, все это осуществляется для достижения определенных целей. Дж. Ричардсон счи-

тает, что газетный язык способен «творить чудеса» в обществе [6, с. 13]. Ввиду того, что газеты исполняют разные функции через информирование, инструктирование и развлечение своей аудитории, существуют различные способы и средства для достижения этих целей. Одним из средств является использование различных синтаксических конструкций. По мнению Д. Кристала, синтаксисом является изучение правил, которые определяют комбинацию слов в предложениях [2, с. 451]. Это относится к возможным расстановкам элементов в предложении. По определению А. Уафи предложением является высказывание, дающее пользу, то есть высказывание, которое понимается слушателем и не нуждается в дополнительном объяснении [11, с. 264]. Автор исследует понятие речи и предложения и приходит к выводу, что понятие предложения является шире, чем понятие речи, так как вся речь представляет собой предложение. Исходя из своих функций арабскими грамматистами выделяются четыре категории предложений: утвердительные, вопросительные, восклицательные и директивные [13]. Ниже рассмотрим каждую из них.

К утвердительным предложениям относятся те, что дают читателю определенную информацию. К ним относятся как именные, так и глагольные предложения. Информация может быть правдивой или ложной. Примеры газетных заголовков:

إنهم يقتلون مستقبل العرب، الوطن

(Поистине, они уничтожают будущее арабов, Al-Watan).

والخبراء يطالبون باستحداث تخصصات جديدة ثلاث سوق العمل والتكنولوجيا الحديثة، الوطن

(Эксперты требуют обновления специальностей, которые будут актуальными для рынка труда и современных технологий, Al-Watan).

В свою очередь, утвердительные предложения подразделяются на:

– повествовательные, например:

سافر أبي في الصباح بالحافلة

(Утром отец поехал на автобусе);

– описательные, например:

كان البيت الذي إستأجرته واسعا

(Дом, который я арендовал, был просторным);

– убеждающие, например:

لا ينبغي أن نحزن عند فراق، فكل فراق هو لقاء

(Не нужно огорчаться при разлуке, так как каждая разлука – это встреча);

– объясняющие, например:

هذه المشكلة تفتح لك فرص كثيرة لكي تصبح ناجحاً

(Эта проблема открывает для тебя множество возможностей для того, чтобы стать счастливым)

– уведомляющие, например:

لقد تم افتتاح المعرض في الساعة الخامسة مساءً الأمس

(Вчера в пять часов вечера состоялось открытие выставки).

Вопросительные предложения, представляющие собой запрос на получение какой-либо информации. Как определяет А. Уафи, вопрос может касаться содержания всего предложения (общий) или какого-то одного из его компонентов (специальный) [11, с. 263].

Примеры газетных заголовков:

بعد إستقالة الحريري... ما وضع الليرة اللبنانية والإقتصاد؟ الجمهورية

(После отставки Аль-Харири...каково положение ливанской лиры и экономики? Al-Jumhuriya)

أبواب الهجرة نحو الحلم الأوروبي... من يوصدها ومن يدفع؟ روسيا اليوم

(Двери переселения в сторону европейской мечты...)

Кто их закрывает, а кто платит? RT Arabic).

Восклицательные предложения выражают изумление автора по поводу какого-то дела или обстоятельства. Примеры газетных заголовков:

إنه الرد القطري! الأهرام

(Поистине, это катарский ответ! Al-Ahram)

هذا الرئيس أتمناه لمصر! الأهرام

(Этого президента я желаю Египту! Al-Ahram)

Директивные предложения предполагают требование выполнения определенного действия, выраженные при помощи глагола в повелительном наклонении. Директивные предложения по своему назначению подразделяются на предложения, обозначающие непосредственный приказ или инструкции, метафорический или скры-

тый приказ, который выражается в виде просьбы что-то сделать или мольбы, чаще всего в качестве обращения к Всевышнему, а также пожелания. Пример газетных заголовков:

تعرف على أصغر ملياردير عصامي في العالم، الإتحاد

(Познакомьтесь с самым маленьким миллиардером-самородком в мире, Al-Ittihad).

واسألوا الإمارات في حب مصر، الأهرام العربي

(Спросите у Эмиратов о любви к Египту, Al-Ahram Al-Arabiy).

Д. Кристал наряду с другими западными учеными-исследователями отмечает, что, согласно своим функциям, английские предложения бывают четырех видов: утвердительные, вопросительные, предложения, выражающие просьбу или приказ и восклицательные [2, с. 192]. По мнению Г.Т. Арнольда, функция предложения зависит от той цели, ради которой оно строится [1, с. 100]. Если оно несет информацию, то это утверждение, если требует ответа, то задается вопрос, говоря другим что-то делать или не делать, оно выражает команду, а при выражении сильных чувств и эмоций оно является восклицательным. Ниже мы рассмотрим каждую из этих категорий.

Заголовки-утверждения. По мнению Д. Кристала, утверждение – это предложение, основной целью которого является передать информацию [3, с. 218]. Оно состоит из подлежащего, за которым следует глагол. Этот тип заголовка обычно имеет повествовательный характер или структуру, т.е. ее цель заключается в оповещении или объявлении о чем-то. Однако иногда имеется несоответствие между структурой и функцией. Другими словами, такую повествовательную форму можно использовать качестве вопроса либо через интонацию в устной речи, либо вопросительный знак в письменном виде. Поскольку одной из основных функций заголовков является передача информации, поэтому заголовки в виде утверждения являются наиболее частым типом, например: Assad offer of Syrian multi-party elections branded laughable by US, The Guardian (Предложение Асада о многопартийных выборах в Сирии показалось смешным для США, The Guardian). Другой пример: BBC journalists to teach children how to identify fake news, The Daily Telegraph (Журналисты

Би-Би-Си учат детей как различать фальсифицированные новости, The Daily Telegraph).

Вопросительные заголовки. В заголовках вопросы используются, чтобы стимулировать любопытство читателей и подтолкнуть их к прочтению нижеследующего текста. Такие заголовки с вопросом не требуют ответов от читателей, т.к. автор статьи дает их сам в своем материале. С точки зрения синтактики заголовки представляют собой предложения с перестановкой подлежащего и сказуемого, использованием вопросительных слов и разделительных вопросов в конце предложения. По мнению Э. Прасковой, вопросы делают заголовки привлекательными и цепляющими [5, с. 22]. Пример такого заголовка: Will Vladimir Putin's voting chances be hurt by cloistered wife's rumors? The Guardian (Пострадают ли предвыборные шансы Владимира Путина от сплетен заточенной в монастырь жены? The Guardian). Другой пример: Instead of playing war games in bunkers why not prepare Scotland for cold weather? The Guardian (Вместо того, чтобы играть в военные игры в бункерах, почему бы не подготовить Шотландию к холодной погоде? The Guardian).

Заголовки в форме повелительного наклонения. Согласно мнению Д. Кристалла, синтаксически предложение в повелительном наклонении обычно не имеет подлежащего, а глагол находится в форме повелительного наклонения [2, с. 83]. Повелительное наклонение используется для того, чтобы дать кому-либо инструкции или приказания. По мнению Ф. Ходабандеха, такой заголовок представляет собой просьбу или совет [4, с. 99]. Подобного рода заголовки используются в газетах для убеждения читателя совершить какое-либо действие или не совершать его. Они часто встречаются в рекламе. Например: Tell the world we're trapped and living in hell, The Daily Telegraph (Скажи миру, что мы ловушке и живем в аду, The Daily Telegraph). Еще один пример: Stop blaming others for misfortune, says Archbishop of York in Christmas message, The Daily Telegraph (Прекратите обвинять других в несчастье, сказал Архиепископ Йоркский в рождественском сообщении, The Daily Telegraph).

Восклицательные заголовки. Они похожи на структуру специальных вопросов, начинающихся с Wh, однако отличаются от них тем, что не требуют перестановки глагола и существительного. Такие заголовки используются для выражения эмоций и чувств говорящего. Как утверждает Д. Кристал, они могут быть в виде целого предложения, отдельного слова или словосочетания [3, с. 219]. Иногда используется сокращенная структура, а глагол опускается. Например: Caught! Scottish skippers fined £720,000 overfishing fraud, The Independent (Осторожно! Шотландские капитаны оштрафованы на £720,000 за контрабанду, The Independent). Другой пример: Say it loud: We're Tory and proud! The Daily Telegraph (Говори об этом громко: Мы Тори и гордимся этим! The Daily Telegraph).

Следующим пунктом нашего исследования является определение соотношения частоты использования изученных функциональных типов газетных заголовков арабского и английского языков, отображенных в рамках данной работы, при помощи нижеследующей диаграммы:

Рис. 1. Функциональные типы газетных заголовков арабского и английского языков

Проведенный анализ синтаксической структуры газетных заголовков арабского и английского языков позволяет утверждать, что среди

всех функциональных типов заголовков самым используемым является заголовок-утверждение как среди арабских газетных заголовков (80%), так и среди английских (68%). Это объясняется тем, что такой тип газетного заголовка позволяет передавать основную мысль обозначенной информации, сокращая второстепенные элементы в рамках выделенного места на печатной полосе с целью донесения до понимания читающей аудитории сути истории или происшествия. Вопросительные грамматические конструкции более используются в английских газетных заголовках (25%), в арабских газетных заголовках их было зафиксировано на уровне 7%, в то время как восклицательные грамматические конструкции преобладают в арабских газетных заголовках (10%), в английских заголовках они составляют 2%. Причиной этого является эмоциональность арабских авторов, которые при помощи постановки восклицательного знака пытаются выразить свое отношение к излагаемой в статье проблеме или происшествию. В свою очередь в английских газетных заголовках отдается предпочтение постановке вопросительного знака, с помощью которого происходит обращение к читательской аудитории и призыв задуматься над описываемой проблемой или событием. Процент директивных грамматических конструкций газетных заголовков английского языка составляет 5%, арабских – 3%. Примечательно, что в арабских газетных заголовках директивные конструкции выражаются в виде просьбы (метафорический приказ), в то время как для английских газетных заголовков характерно применение непосредственных инструкций с прямым указанием на совершение или несвершение определенного действия. Полученные результаты являются ограниченными ввиду невозможности охватить все газетные заголовки арабского и английского языков, однако в целом они отражают тенденцию использования изученных синтаксических конструкций, поэтому могут быть обобщены и рассмотрены в качестве типичных функциональных типов, характерных для газетных заголовков арабской и англоязычной прессы. В дальнейшем считаем необходимым увеличить количество исследуемых газетных заголовков для того, чтобы проследить сохраняется ли отмеченная в этом исследовании тенденция.

Список литературы

1. Arnold G.T. *Media Writers Handbook*. Boston: Times Mirror Higher Education Group, 1996. 100 p.
2. Crystal D.A *Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2003(a), 555 p.
3. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003b, 506 p.
4. Khodabandeh F. *The Linguistics Journal*. Vol. 2. No 1, 2007, pp. 91-127.
5. Praskova E. *Grammar in Newspaper Headlines*. Bachelor paper. University of Pardubice, 2009, 53 p.
6. Richardson, J. *Analyzing Newspapers*. London: Palgrave Macmillan, 2007, 261 p.
7. اللبان، شريف. فن الإخراج الصحفي. القاهرة: العربي للنشر والتوزيع 1995، 299 ص
8. عبد العزيز، محمد حسن. دي سوسير رائد علم اللغة الحديث. القاهرة: دار الفكر العربي، 1989، 180 ص
9. عزت، محمد فريد. دراسات في التحرير الصحفي في ضوء معالم قرآنية. جدة: دار الشروق، 1984، 472 ص
10. مروة، أديب. الصحافة العربية نشأتها وتطورها. بيروت: دار مكتبة الحياة، ط1، 1961، 264 ص
11. وافي، علي عبد الواحد، د.ت. علم اللغة. القاهرة: دار نهضة، ط9، 1985، 301 ص.
12. يوسف، جمعة سيد. سلسلة عالم المعرفة، عدد 45، 1990. ص. 59

Электронные ресурсы

13. Режим доступа URL: <https://www.informatiquecem.com/form/index.php?threads/%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%85%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A8%D8%B1%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%85%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%86%D8%B4%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%BA%D8%B1%D8%A7%D8%B6-%D8%B4%D8%B1%D8%AD.495/> (дата обращения: 24.12.2019)

References

1. Arnold G.T. *Media Writers Handbook*. Boston: Times Mirror Higher Education Group, 1996. 100 p.

2. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2003(a), 555 p.
3. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003b, 506 p.
4. Khodabandeh F. *The Linguistics Journal*. Vol. 2. No 1, 2007, pp. 91-127.
5. Praskova E. *Grammar in Newspaper Headlines*. Bachelor paper. University of Pardubice, 2009, 53 p.
6. Richardson, J. *Analyzing Newspapers*. London: Palgrave Macmillan, 2007, 261 p.
7. Al-Liban, Sh. *Fannul Ikhraj Assuhufiy* [The Art of Press Production]. Cairo: Al-Arabiyy li-Nnashr wa-Ttawzee' Publ., 1995, 299 p.
8. Abdul-Aziiz, M.H. *Di-Suusiiir Raidu` ilmi Lluugha Alhadiif* [De Saussure Pioneer of Linguistics]. Cairo: Daarul Fikril Arabiy Publ., 1989, 180 p.
9. `izzat, M.F. *Diraasaat fi-Ttahriir As-Suhufiy fi Duui Ma`aalim Kuraan-iyya* [Surveys on Press Editing in the light of the Quranic Milestones]. Jidda: Daarul Shuruuk Publ., 1984, 472 p.
10. Marwa. A. *As-Sihaafal Arabiya Nashatuha wa Tatawwuruha* [Arabic Journalism Its Genesis and Development]. Beirut: Daarul Maktabatil Hayyat Publ., T1, 1961, 264 p.
11. Waafi, A.Ab-W. D. T. *`ilmu Lluugha* [Linguistics]. Cairo: Daarul Nnahda Publ., T9, 1985, 301 p.
12. Yusuf, J.S. *Silsilatu` alamil Ma`rifa* [Series of World Knowledge]. no 45, (1980): 59.

Electronic references

13. Muntada bi Asaatizal Ma`luumaatiya [Teachers of Informatics` Forum]. Retrieved December 24, 2019 from <https://www.informatiquecm.com/form/index.php?threads/%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%85%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%A8%D8%B1%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%85%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%86%D8%B4%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%BA%D8%B1%D8%A7%D8%B6-%D8%B4%D8%B1%D8%AD.495/>

*Перевод названий арабских источников выполнен автором статьи / Translated by author of the article

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Набиуллина Василя Ринатовна, преподаватель кафедры филологии и страноведения
Российский исламский институт
ул. Газовая, 19, г. Казань, 420049, Российская Федерация
vasilya_zuhra@hotmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nabiullina Vasilya Rinatovna, lecturer of the Department of Philology and Regional Geography
Russian Islamic Institute
19, Gazovaya str., Kazan, 420079, Russian Federation)
vasilya_zuhra@hotmail.com
SPIN-code: 7240-9715
ORCID: 0000-0002-4894-5025
Researcher ID: 551566

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-181-190

УДК 811.112

СТАНОВЛЕНИЕ СУБСУФФИКСА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА *-SUCHT*

*Нарыкова Н.А., Хатагова С.В.,
Перепелицына Ю.Р.*

*Наряду с общепринятыми моделям словообразования в немецком языке значимую роль имеет субдериация. Субаффиксы образуются из самостоятельных частей речи на основе многозначности лексических единиц. Настоящая статья посвящена рассмотрению процесса перехода в словообразовательный формант немецкого существительного *Sucht* и семантическому анализу возникающих образований. Эмпирическим материалом исследования явились веб-сайты: *Deutsche Welle*, *NetDoktor*, *Jetzt*, а также обратные словари М.Д. Степановой и Г. Мутмана.*

Основными методами проведения исследования послужили следующие: компонентный анализ, лексико-семантический анализ, трансформационный, метод определения внутренней валентности.

*По результатам исследования выявлено, что существительное *Sucht* частично утрачивает свое значение, сохраняя фонетические и семантические связи с исходным словом, приобретает функцию суффикса, все чаще используется при образовании субдериата, чем в самостоятельном употреблении.*

Материалы исследования могут быть использованы в процессе овладения немецким языком, на практических занятиях по устной речи, а также в курсах лексикологии, общей и аспектной лексикографии.

Ключевые слова: *словосложение; словообразование; композит; субсуффикс; лексическая единица; морфема; существительное; де-семантизация.*

FORMATION OF A GERMAN SUBSUFFIX *-SUCHT*

*Narykova N.A., Khatagova S.V.,
Perepelitsyna Y.R.*

Along with the conventional word-formation models in the German language, subderivation is becoming increasingly significant. Subaffixes are formed from the content word on the basis of lexemes polysemy. The present article is devoted to the consideration of process of transition of a German noun Sucht into a derivational morpheme and to the semantic analysis of arising formations. The empirical materials of research have been obtained from Deutsche Welle, NetDoktor, Jetzt web sites, as well as from the M.D. Stepanova and G. Mutman dictionaries.

The basic methods of the research work are the following: the component analysis, the lexical-semantic analysis, transformational, a method of determination of internal valence.

The result of research is the identification of fact that the noun Sucht partially loses its meaning while retaining keeping phonetic and semantic links with the initial word; it gets suffix function; it is even more often used at formation of subderivatives than in the independent use.

The materials of the research work can be used in the course of learning German language, at the practical training in oral speech, and also in the course of lexicology, general and aspect lexicography.

Keywords: *composition; word-formation; composite; subsuffix; lexeme; morpheme; noun; desemantization.*

Наличие композитов в немецком языке является очень распространенным явлением. Композит – это сложное слово, которое образовано путем сложения двух или более основ. М.Д. Степанова считает, что этот способ словосложения существовал и играл значительную роль в немецком языке с древнейших, исторически засвидетельствованных периодов его существования [6, с. 359]. Тенденция к словосложению является древней и не исчерпывает своих возможностей и в современном немецком языке. Некоторые компоненты сложных слов могут вступать в бесчисленное количество образований на ос-

нове своего основного или переносного значения, тем самым расширяя границы своего значения и сферу употребления. Особого внимания заслуживают сегодня существительные, которые переходят из разряда самостоятельных частей речи в служебные. В лингвистике они носят различные названия: полуаффиксы, аффиксоиды, относительные аффиксы, относительно связанные морфемы, субдериваты. Термин «субдериват», «субсуффикс» наиболее полно отражает сущность данного явления в языке, так как приставка «суб» выражает промежуточное состояние, его переходный тип [4].

Субдериваты, субаффиксы активно исследуются различными учеными, в первую очередь, с точки зрения словообразования. Актуальность исследования состоит в рассмотрении перехода существительного *die Sucht* в словообразовательную морфему *-sucht*, имеющую промежуточное положение, изучении семантического диапазона этой морфемы, причин ее появления и условий высокой продуктивности. Эмпирическим материалом исследования послужили веб-сайты: Deutsche Welle [14], NetDoktor [18], Jetzt [16], а также обратные словари М.Д. Степановой и Г. Мутмана [7; 13].

Теоретической базой исследования явились работы отечественных и зарубежных ученых в области словообразования, дискуссионного вопроса полуаффиксации, лексического анализа (Е.С. Кубряковой, М.Д. Степановой, И.И. Чернышовой, В. Фляйшера, А.Н. Зуева, И.Д. Молчановой, Р.З. Мурясова).

Субаффиксы появились из самостоятельных лексических единиц, сохранив свой фонетический состав. Переход из самостоятельной части речи в служебную происходит на основе многозначности лексической единицы. Наличие омонима свободно коррелирующему слову является основной особенностью субаффиксов. Лексическое значение субаффикса не полностью совпадает со значением самостоятельного слова. Чем меньше связь субсуффикса с его исходной лексической единицей, тем ближе он к словообразовательному форманту.

В отличие от аффиксов, состав которых сравнительно постоянен, субаффиксы в силу своего переходного состояния образуют открытую группу с размытыми границами.

В ходе изучения данной группы единиц словообразовательного характера был рассмотрен субсуффикс *-sucht*, десемантизация исходной единицы и предпосылки образования безграничных рядов. В немецком языке *Sucht* все чаще появляется не в самостоятельном употреблении, а в составе производного слова. Многие существительные с *-sucht* вошли в современные словари немецкого языка.

Как показывает компонентный анализ, существительные, содержащиеся в составе *-sucht*, имеют общую сему душевного состояния или черт характера человека, например: *Arbeitssucht, Eifersucht, Ehrsucht, Mäkelsucht, Scheelsucht, Titelsucht, Tobsucht*.

Существительное *Sucht* изначально имело значение «болезнь». С этим значением субсуффикс употребляется в таких соединениях, как *Gelbsucht, Lungensucht, Fallsucht, Fettsucht, Gallensucht, Gehirnwassersucht, Gelenkwassersucht*. В значении «мания», «неудержимое влечение», «страсть» *die Sucht* встречается в таких выражениях, как: *die Sucht nach Vergnügen, die Sucht nach Geld, die Sucht nach Zigarétten*, и в таких субдеривах, как *Ichsucht, Geldsucht, Geltungssucht, Genussucht, Gewinnsucht, Grossmannssucht, Hadersucht, Verschwendungssucht, Unterhaltungssucht, Kaufsucht*.

Анализ морфологических структур производных с *-sucht* показывает, что в качестве первого компонента употребляются основы существительных, глаголов, прилагательных, местоимения. Например: *Schönheits-, See-, Opium-, Reisesucht; Lebens-, Verhaltens-, Fall-, Schwatz-, Reisesucht; Mager-, Eigen-, Weißsucht; Ichsucht*.

На современном этапе развития языка образования с *-sucht* обозначают зависимость и пополняют свои ряды в сфере информационных технологий: *Internetsucht, Spielsucht, Computersucht, Handysucht, Onlinesucht, Videospislsucht*:

Die Internet-Sucht ist eine Verhaltenssucht, die zunehmend häufiger wird [18].

В приведенном примере кроме *Internet-Sucht* встречается *Verhaltenssucht* – поведенческая зависимость, в котором *-sucht* еще сильнее расширяет свое значение, переходя в разряд словообразовательных формантов.

Необходимо выделить ряд существительных с *-sucht*, которые имеют оттенок положительной привязанности или, по крайней мере, могут нести положительную коннотацию в определенном контексте: *Deutschlandssucht*, *Lebenssucht*, *Schönheitssucht*, *Seesucht*, *Reisesucht*, *Auslandssucht*, *Sprachspielsucht*, *Naschsucht*, *Belehrungssucht*, *Rekordsucht*. Все эти существительные имеют сему «преклонение» перед тем, что указано в первой части образования.

В обратном словаре М.Д. Степановой зарегистрировано 29 производных на *-sucht*, но число образований с данным субсуффиксом может быть гораздо больше. Это обусловлено исходным лексическим значением существительного, а также способностью *-sucht* легко присоединяться к основам разных частей речи, что, в свою очередь, ведет к десемантизации исходного компонента. Расширение рядов производных с субсуффиксами происходит, прежде всего, в тех стилях речи, которые наиболее подвержены изменениям, преобразованиям, впитыванию новых слов с конструкций: в разговорной речи и публицистической литературе.

Deine Reisesucht macht dich zu einem echten Weltbürger; denn du fühlst dich auf der ganzen Welt zuhause [15].

Da könnte etwas dran sein. Ich vermute übrigens, dass die Social Media-Sucht ein weibliches Phänomen sein könnte [16].

Die unbezwingbare Sucht nach immer neuen Texten. Unverkennbare Anzeichen der Textsucht sind: Unaufhörliches Lesen, tagelanges Schreiben, auf der ständigen Suche nach dem eigenen Textstil sein, sich in Wortkombinationen und Satzkonstruktionen verlieren. Auch: Sprachspielsucht [17].

Gegen die Putzsucht der Frauen [12].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что производные с *-sucht* обнаруживают как свойства сложных слов, так и субдериватов. Композиты на *-sucht* могут быть преобразованы в словосочетания, например: *Media-Sucht – Sucht nach Medien*, *Reisesucht – Sucht nach Reisen*, *Textsucht – Sucht nach immer neuen Texten*, что подтверждает их соотнесенность с сложными словами. Другим же образованиям, таким как: *Verhaltenssucht*, *Eifersucht*,

Putzsucht, не находятся соответствующие словосочетания. Семантический анализ субдериватов с *-sucht* показывает, что данный субсуффикс наделен общими семами «душевное состояние», «состояние здоровья», «черта характера». Это значение объемнее, чем значение второго компонента сложного слова. Кроме того, основной смысл деривата заключен в первом компоненте, в то время как в сложном слове значение раскрывается вторым компонентом, а первый его уточняет.

Возможность существования субсуффикса *-sucht* обусловлено значением соответствующего существительного (например, «болезнь», «зависимость», «мания»), требующими объяснения, точного указания или конкретизации, осуществляемой в первом компоненте образования.

Итак, в ходе исследования сделаны следующие выводы: в результате десемантизации существительное *Sucht* приобретает характеристики суффикса, не меняя своего фонетического облика; субсуффикс *-sucht* придает дериватам оценочную сему не только отрицательного, но и положительного признака; в самостоятельном употреблении *Sucht* встречается реже, чем в составе субдериватов.

Список литературы

1. Бартков Б.И. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. 152 с.
2. Кубрякова Е.С. К определению аффикса: сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. 1975. Вып. 91. С. 32–36.
3. Мурясов, Р.З. Словообразовательная система современного немецкого языка. Уфа: Изд-во БашГУ, 1980. 82 с.
4. Нарыкова Н.А. Субсуффиксальное словообразование в немецком языке. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 180 с.
5. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М: Высшая школа, 1968. 200 с.
6. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 375 с.

7. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др.; Под рук. М.Д. Степановой. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 536 с.
8. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
9. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Академия, 2005. 252 с.
10. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliogr. Inst., 1974. 361 S.
11. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Tübingen: Niemeyer, 1965. 314 S.
12. Knecht A. Gregor von Nazianz: Gegen die Putzsucht der Frauen. Heidelberg: Winter, 1972. 147 S.
13. Muthmann G. Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 1991. 999 S.
14. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.de> (дата обращения: 03.12.2019).
15. Off the path. URL: <https://www.off-the-path.com/de/reisesucht/> (дата обращения: 15.11.2019).
16. Jetzt. Partner von Süddeutscher Zeitung. URL: <https://www.jetzt.de/internet/internetsucht-ein-neues-portal-soll-betroffenen-helfen> (дата обращения: 15.11.2019).
17. Textil.nat. Digitale Sprachdegustation. URL: <https://texstil.net/index/> (дата обращения: 11.11.2019).
18. Netdokter. URL: <https://www.netdokter.de/krankheiten/internetsucht/> (дата обращения: 11.11.2019).

References

1. Bartkov B.I. *Anglijskie suffiksoidy, polusuffiksy, suffiksy i slovar' 100 slovoobrazovatel'nyh formantov sovremennogo anglijskogo yazyka* [English suffixoids, semisuffixes, suffixes and the dictionary of 100 word-formation units of modern English language]. Vladivostok: DVNC AN SSSR, 1980. 152 p.
2. Kubryakova E.S. *K opredeleniyu affiksa* [On affix defining]. *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYa im. M. Toreza* [Collection of scientific papers MGPII named after M. Toreza]. 1975. no. 91, pp. 32–36.

3. Muryasov, R.Z. *Slovoobrazovatel'naya sistema sovremennogo nemeckogo yazyka* [Word-formation system of the modern German language]. Ufa: publ. BashGu, 1980. 82 p.
4. Narykova N.A. *Subsuffiksals'noe slovoobrazovanie v nemeckom yazyke* [Subsuffixal word-formation in the German language]. dissert. ... cand. filol. sciences. Pyatigorsk, 2006. 180 p.
5. Stepanova M.D. *Metody sinhronnogo analiza leksiki* [Methods of the synchronous analysis of lexicon]. M.: Vysshaya shkola, 1968. 200 p.
6. Stepanova M.D. *Slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka* [Word-formation of the modern German language]. M.: publ. of literature in foreign languages, 1953. 375 p.
7. *Slovar' slovoobrazovatel'nyh elementov nemeckogo yazyka* / A.N. Zuev, I.D. Molchanova, R.Z. Muryasov i dr.; Pod ruk. M.D Stepanovoj [The dictionary of word-formation elements of the German language]. M.: Russkij yazyk, 2000. 536 p.
8. Stepanova M.D. Flyajsher V. *Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemeckom yazyke* [Theoretical bases of word-formation in the German language]. M.: Vysshaya shkola, 1984. 264 p.
9. Stepanova M.D., Chernysheva I.I. *Leksikologiya sovremennogo nemeckogo yazyka* [Lexicology of the modern German language]. M.: Academia, 2005. 252 p.
10. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliogr. Inst., 1974. 361 S.
11. Henzen W. *Deutsche Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer, 1965. 314 S.
12. Knecht A. *Gregor von Nazianz: Gegen die Putzsucht der Frauen*. Heidelberg: Winter, 1972. 147 S.
13. Muthmann G. *Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer, 1991. 999 S.
14. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.de> (accessed December 03, 2019).
15. Off the path. URL: <https://www.off-the-path.com/de/reisesucht/> (accessed November 15, 2019).
16. Jetzt. Partner von Süddeutscher Zeitung. URL: <https://www.jetzt.de/internet/internetsucht-ein-neues-portal-soll-betroffenen-helfen> (accessed

November 15, 2019).

17. Textil.nat. Degitale Sprachdegustation. URL: <https://texstil.net/index/> (accessed November 11, 2019).
18. Netdokter [Netdoctor]. URL: <https://www.netdokter.de/krankheiten/internetsucht?/> (accessed November 11, 2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Нарыкова Наталья Алексеевна, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация
narnata@rambler.ru

Хатагова Светлана Викторовна, преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат педагогических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация
khatagova.swetlana@yandex.ru

Перепелицына Юлия Ростиславовна, преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Narykova Natalija Alekseevna, senior lecturer of chair of social and economic and humanitarian disciplines, Cand.Phil.Sci.

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
43, Kulakova pr., Stavropol, 355000, Russian Federation
narnata@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8187-0734

Khatagova Svetlana Viktorovna, teacher of chair of social and economic and humanitarian disciplines, the candidate of pedagogical sciences
Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
43, Kulakova pr., Stavropol, 355000, Russian Federation
khatagova.swetlana@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9691-1914

Perepelitsyna Yuliya Rostislavovna, teacher of chair of social and economic and humanitarian disciplines, the candidate of pedagogical sciences
Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
43, Kulakova pr., Stavropol, 355000, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7391-9892

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-191-206

УДК 82.09.08

**ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА НАЧАЛА XX В.:
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
СТАТЕЙ Л. АНДРЕЕВА В СБОРНИКЕ
«В СЕЙ ГРОЗНЫЙ ЧАС» (1914–1916)**

Нестерова Т.А., Нестерова А.А.

Цель. Актуальность исследования связана с рассмотрением малоизученной в филологической науке публицистики Л. Андреева, которая является стилистическим образцом военной публицистики периода первой мировой войны. Цель исследования: лингвистический анализ статей сборника «В сей грозный час» (1914–1916) на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Уделяется внимание языковой характеристике статей с точки зрения выражения патриотической идеи.

Метод или методология проведения работы:

1. Контекстуальный метод анализа элементов текста с точки зрения содержательной нагрузки.
2. Стилистический метод анализа языковых средств с учётом сфер функционирования.

Результаты исследования:

1. Языковые уровни публицистического текста Л. Андреева формируют патриотические идеи, выражающие комплексное понимание военных событий автором.
2. Выразительные средства художественной речи, используемые Л. Андреевым в сборнике «В сей грозный час», передают пафос военной публицистики.
3. В сборнике «В сей грозный час» Л. Андреев высказывает собственную религиозно-философскую, гражданскую позицию, формирует общественное мнение по вопросу мировой войны.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сравнительно-исторических литературоведческих исследованиях.

Ключевые слова: публицистика; Л. Андреев; сборник «В сей грозный час»; мировая война; патриотический пафос; языковой анализ; статья.

**MILITARY JOURNALISM
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY:
LINGUISTIC FEATURES OF L. ANDREEV'S JOURNALISTIC
ARTICLES IN AT THIS TERRIBLE HOUR (1914–1916)**

Nesterova T.A., Nesterova A.A.

Purpose. *The relevance of the given study is connected with studying L. Andreev's social and political essays and prose that can be characterized as an excellent stylistic example of military journalism during the First World War. The purpose of the study is to analyze the language features of L. Andreev's journalistic articles in the collection At this terrible hour (1914–1916) on the lexical, morphological, and syntactic levels. The authors pay attention to the language characteristics of the articles in terms of expressing the patriotic ideas.*

Methodology and research methods. *The authors use the following research methods: the contextual method of text elements analysis in terms of the contents, stylistic method of language means analysis taking into account the spheres of functioning.*

The results of the study.

1. *The language levels of L. Andreev's journalistic texts form patriotic ideas that express the author's comprehensive understanding of the military events.*
2. *The expressive means used by L. Andreev in the collection At this terrible hour convey the pathos of the military journalism.*
3. *The collection At this terrible hour by L. Andreev has its own religious, philosophical, civil position and forms the public opinion on the world war.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in comparative-historical literary studies.*

Keywords: *journalism; L. Andreev; collection “At this terrible hour”; world war; patriotic pathos; language analysis; article.*

Открытие публицистики Л. Андреева Первой мировой войны для литературоведения произошло после выхода сборника «S.O.S.», куда вошли публицистические статьи, письма и интервью писателя [1]. Л.А. Иезуитова выделяет следующие периоды публицистического творчества Андреева: ученический период работы в газете «Курьер» (1897–1904) и военная публицистика (1914–1917) [8, с. 187].

Статьи из сборника Л. Андреева «В сей грозный час» (1914–1916) были впервые опубликована в газете «Биржевые ведомости» в Петербурге С.М. Проппером. Данная ежедневная газета освещала важные события политической жизни, бытовые новости, литературную жизнь России начала века. В ней печатали свои художественные и публицистические произведения А. Куприн, В. Короленко, Е. Чириков. «Главной журналистской площадкой для писателей были «Биржевые ведомости», отдельные статьи печатались в газетах «Русские ведомости», «Утро России», «Даль» [11]. Легальные и нелегальные газеты, так называемые бульварные, повышали языковой уровень населения: вводили новые понятия современной действительности и обучали «нового» читателя из простого, необразованного народа. Публицистические статьи Л. Андреева в газете «Биржевые ведомости» стали центральными в оценке роли русского народа в первой мировой войне.

Андреев-публицист не оставался безучастным свидетелем военных событий. Он был организатором и участников комитетов и акций в поддержку добровольцев русской армии. Страстные призывы Л. Андреева вести мировую войну до полной победы над Германией исследователь С.Ю. Ясенский считает сиюминутными, утопическими порывами [18, с. 251]. Андреев видел две стороны войны: первая – исторические факты, вторая – «показания очевидцев», письма, стихи, настроения общества. Это вторая и есть «настоящая, доподлинная история человечества» [13, с. 113].

Н.Н. Смоголь оценивает публицистические статьи Л. Андреева как автобиографичные, отличающиеся сугубо личностной оценкой [14, с. 9]. Брат Андреева был призван и отправлен в действующую армию, поэтому писатель искренне называл всех русских солдат «родными братьями», «детьми родной и любимой матери-России». «Андреев-публицист требовал, чтобы все «вовлекались» в войну, если не с оружием в руках, то эмоционально, нравственно и интеллектуально. Нельзя оставаться лишь «свидетелем» [16, с. 5].

Актуальность исследования связана рассмотрением малоизученной в филологической науке публицистики Л. Андреева, которая является стилистическим образцом военной публицистики периода первой мировой войны. Выполнен лингвистический анализ статей сборника «В сей грозный час» на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Уделяется внимание языковой характеристике статей с точки зрения выражения патриотической идеи.

Цель исследования: проанализировать языковые особенности статей Л. Андреева в сборнике «В сей грозный час» (1914–1916) как образца военной публицистики начала XX в.

Объект исследования: языковые уровни публицистических статей сборника «В сей грозный час» Л. Андреева.

Методы исследования:

1. Контекстуальный метод анализа элементов текста с точки зрения содержательной нагрузки.
2. Стилистический метод анализа языковых средств с учётом сфер функционирования.

Лексический уровень

В статьях сборника «В сей грозный час» Андреев использует единицы книжной лексики философской: «культурного могущества», «хранители её вневременной и державной сущности», «Россию мыслимую, желаемую и возможную», «эмпирическую и сущую Россию» («В сей грозный час»), экономической: «собственники России», «Россия и сыновья» – вот сущность той фирмы», «материальные богатства», «добросовестные управители её богатствами», «сущность той фирмы, у которой каждый из нас имеет самый крохотный свой пай»

(«В сей грозный час») [2, с. 5], «торгашеский голос» (от *торгаши* (разг. пренебр.) [4, с. 747]); общественно-политической: «состояние войны России», «могущественная Германия», «борясь за Россию», «перед эпохой самой мрачной реакции в Европе» («В сей грозный час») [2, с. 5], «член партии», «дипломат», «вожди» («Любите солдат, граждане!») [Там же, с. 31], «империализм и милитаризм» («Крестоносцы») [Там же, с. 72]; религиозной сферы: «святотатственны эти колебания», «чашу роковую весов», «нашими духовными вождями», «характер суетной эфемерности» (статья «В сей грозный час») [Там же, с. 9], «пророк», «Божий суд» («Бельгийцам») [Там же, с. 51], «благословение», «терновый венец» («О Бельгии») [Там же, с. 56], «новые крестоносцы», «с крестом в сердце» («Крестоносцы») [Там же, с. 65, 70].

Лексический состав сборника «В сей грозный час» разнообразен в связи с активной позицией Андреева накануне первой мировой войны. Под влиянием М. Горького публицист увлекался деятельностью политических партий, его привлекала активная революционная борьба [9, с. 333]. Адресатами статей сборника выступают люди разных слоёв и интересов. Промышленный подъём, революционная политика в стране привели к возникновению «русской идеи» в религиозно-философской литературе и публицистике. Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, а вместе с ними Л. Андреев, активно участвовали в политической жизни и дали обоснование русской идеи в мировой войне: «осуществление единства всемирной культуры в многообразии национальных выражений, – вот тот идеал, к которому мы должны стремиться» [17, с. 507]. Андреев разделял взгляды русских религиозных философов на «богоизбранность и богоносность России», которые возможны при условии «мужественного, активного и творящего пути духа», «с раскрытием Христа внутри человека и народа» [3, с. 61]. В связи с этим Андреев использует религиозную лексику для поддержания патриотического подъема в народе.

Морфологический уровень

Повествование в сборнике «В сей грозный час» ведётся от 1 лица единственного числа: «Я заснул», «Я приподнялся» («Наши»)

[2, с. 23], «Я не политик, не дипломат» («Торгушим в храме») [Там же, с. 31] и множественного числа: «Мы приняли войну как необходимость – и мы приняли её без колебаний», «Мы, данный состав «России 1914 года», её народ и правительство» («В сей грозный час») [Там же, с. 5], «Правда, мы не слышим оттуда ни жалоб, ни громких криков» («Слово о Сербии») [Там же, с. 37] для выражения общей с народом позиции, формируя общественное сознание масс. Уже с первой статьи «В сей грозный час» часто используется существительное «время» и производные прилагательные «временные», «вневременной», тем самым создается смысловое поле всей статьи «час», «время», «настоящее», «будущее», «десятилетие», что связано с основной функцией публицистики – дать своевременный отклик на происходящие события, «на злобу дня». Р. Дэвис писал о публицистическом стиле Андреева: «Его особый дар состоял в том, что он выражал настроение кризисных десятилетий, разрешившихся первой мировой войной и революцией 1917 г.» [5, с. 379].

Андреев использует в статьях сборника «В сей грозный час» выразительные приемы художественного стиля, чтобы передать патриотический пафос. «Художественное начало обогащает образное освоение действительности, давая произведению свою окраску, свою энергию» [17, с. 14].

В статье «В сей грозный» преобладают прилагательные и причастия, которые заявлены как ключевые в отражении авторской позиции в названии: «грозный час». Оценочные прилагательные передают отношение Андреева к войне 1914 г.: «могущественной Германии», «мрачной реакции», «ужасающее одичание» и т.д. Семантика существительного «Россия» уточняется существительными «народ» и «правительство», которая характеризуется как «мыслимая», «желаемая», с «молодой культурой» и «духовными вожжами».

В одной из заключительных статей «Восхождение» появляются прилагательные превосходной степени «светлейшие», «прозрачнейшие», «драгоценнейшие» («Восхождение»)[2, с. 85], которые подчеркивают наивысшую степень надежды Андреева на отрезвление русского народа от пьянства. Выбор стилистических приемов в статьях передаёт отношения автора к поставленным проблемам.

Преобладание прилагательных и причастий в статьях связано выбором публицистом формы речи описания внутренней и внешней политики России. «У Л. Андреева нет описания конкретных событий, столь интересных дел для историков войны, т.е. увиденного очевидцами. В его творчестве переданы чувства художника военного времени» [7, с. 172].

На основе использования повелительного наклонения глагола как выражения волеизъявления публициста (просьбы, приказа, совета) построена статья «Любите солдат, граждане!». Андреев в небольшой статье-листочке употребляет 12 глаголов в повелительном наклонении (например, «любите», «жалейте», «верьте», «напрягайте», «думайте»)[2, с. 26–27]) для привлечения внимания читателей. Автор часто подчёркивает глаголы повелительного наклонения риторическими восклицаниями: «Напрягайте, напрягайте волю к победе!», «Думайте о солдате!» ([Там же, с. 27]). Статьи сборника «В сей грозный час!» были призваны побуждать к действиям в военное время: к участию в освобождении стран, к духовной поддержке солдат.

Синтаксический уровень

Публицистический стиль отличается простотой и ясностью построения предложений, что обусловлено социальными потребностями и осмыслением происходящих исторических событий обычными гражданами. Андреев, напротив, использует все возможности синтаксиса русского языка в его художественной форме.

С первой статьи сборника «В сей грозный час» Андреев строит повествование на преобладании сложных предложений, которые имеют три и более грамматические основы, с сочинительным способом связи с помощью союзов «и», «но», «а». Использование присоединительных и парцелированных конструкций создаёт иллюзию свободной, непринуждённой беседы с читателем. Прием парцелляции задаёт ритм публичного выступления: «Мы, данный состав, мы лишь преходящие, мы временные жильцы...» [Там же, с. 5], придаёт смысловое единство, интонационное оформление.

В аналитических статьях «Освобождение» и «Восхождение» Андреев использует сложноподчиненные предложения с повторяющимися союзами «либо, либо», «и, и»: «либо сам пил, либо отец, либо дети, кто-нибудь из близких, из друзей; проклятый круг, ужасающая безысходность!» [Там же, с. 86], что интонационно подчеркивает мысль публициста, придавая ей выразительность и уверенность. В данных статьях появляются вводные слова «конечно», «действительно», «к сожалению», «правда», которые дают оценку событий войны Андреевым.

В небольших по объему статьях-листочках динамичность действия Андреев передает с помощью нераспространенных и одноставных предложений: «Нет, это песня. Идут солдаты... Солдаты» («Наши») [Там же, с. 23].

Публицист часто использует следующее композиционное построение статей: тезис, художественное объяснение тезиса, вывод, послесловие.

Ёмкое и точное название статьи «В сей грозный час» перекликается с главным тезисом: «Мы приняли войну как необходимость - и мы приняли её без колебаний», который помещен в первой строчке и раскрывается на протяжении всей статьи.

Л. Андреев нагнетает экспрессию своего выступления с помощью повторов и анафорического повествования: «Мы приняли войну как необходимость – и мы приняли её без колебаний», часто нарушает нормы объективного порядка слов, то есть используя художественный прием инверсии: «Россию эмпирическую и сущую...» [Там же, с. 10].

В статье «Слово о Сербии» во вступлении Андреев формулирует тезис: «Тяжёлое занятие – распределять нужду по рангам, голодных размещать по классам, для несчастей и страданий устанавливать степени и порядки» [Там же, с. 36]. В основной части статьи дан рассказ о зверствах немцев в Бельгии, которой необходимо сочувствие и помощь русского народа. Андреев создаёт художественный образ страны, превратившейся в сплошной «красный эшафот» от смерти и страданий. В заключении вывод для каждого читателя:

«Множьте любовь! Если другие народы борются за мировое господство, за куски земли и моря, то нам ещё надо завоевывать уважение – множьте любовь, множьте щедрость! Множьте великодушие ваше!» [Там же, с. 43]. В послесловии как авторском дополнении по теме статьи Андреев пишет: «Помогите сербу, который молча истекает кровью» [Там же, с.43]. Автор статьи уже не пафосно призывает сограждан к действиям, а оценивает военную политику.

В каждой статье сборника «В сей грозный час» Андреев употребляет бессоюзные сложные предложения, в которых второе предложения имеет пояснительную интонацию: «Не заботьтесь о почте и адресате: сам ангел любви будет вашим посланцем и бережно донесёт до далёкого каждый ваш вздох и слёзы» («Любите солдат, граждане!») [Там же, с. 26], «В войне есть хоть какие-нибудь правила, маленькие поблажки, хоть внешняя корректность: народ в стороне, войска дерутся с войсками – и это война» («Слово о Сербии») [Там же, с. 39].

На примере синтаксиса военных статей сборника Андреева мы проследили, как в публицистике использует приёмы художественного стиля. Андреев допускает в публицистической статье повторы слов, морфологических и синтаксических конструкций, создавая тем самым единое смысловое поле. «Важная функция публицистики – информационная, уступает место агитационно-пропагандистской, воздействующей» [12, с. 9]. С помощью изобразительно-выразительных средств художественного стиля Андреев заставляет читателей образно представить военные события.

Изобразительно-выразительные средства языка в публицистике Л. Андреева

Важную стилеобразующую функцию в публицистических текстах задаёт заголовок, который выполняет агитационную, рекламную функцию. Название статьи «В сей грозный час» имеет призывную интонацию, а метафора «грозный час» определяет её связь с художественным стилем. Статьи «Наши», «Освобождение», «Восхождение» в названии несут дополнительную оценочную коннотацию, важную для создания патриотического настроения сограждан.

Среди изобразительно-выразительных средств языка публицист использует тропы художественного стиля: эпитеты «культурное могущество» «вневременной и державной сущности», «мрачная реакция», «добросовестные управителями» (статья «В сей грозный час»), «серые голоса», «печальный день» (статья «Наши»), «бедная Сербия», «горячая кровь», «братская кровь» (статья «Торгующим во храме»), «маленький, героический народ», «сытый мещанин» (статья «Слово о Сербии»); метафоры «железная маска Гогенцоллеров» («(иноск.) – о человеке таинственном, неразгаданном, сделавшемся предметом догадок и разговоров; намёк на железную маску человека под этим именем» [10], «духовные вожди» («вожди» в значении идейные руководители), «чашу роковую» (из религиозного фразеологизма «испить чашу до дна» преобразовано в «чашу роковую» в значении перенесенных страданий и испытаний, выпавших на долю России). Обращение Андреева к религиозным мотивам связано с противопоставлением вневременных категорий: Бог войны, покровительствующий Германии, «надменен, безумен, бесчестен и зол», представлен Хароном («Эти страшные грохочущие во тьме поезда мертвецов, управляемые Хароном»), и христианский Бог, голос которого звучит в Библии (Андреев приводит цитаты из Исх.: гл. 17) и толкуется Моисеем. «В этом образе Моисея, воздевшего руки горе – образ всего народа нашего: пока подняты молитвенно руки, мы побеждаем», – пишет Андреев.

Метафоры «поезда мертвецов» (статья «В сей грозный час»), «театр войны» (статья «Торгующим во храме»), «красный эшафот» (статья «Слово о Сербии»), «факел брани» (статья «Бельгия») и олицетворения «мрачный Берлин» (статья «Бельгийцам»), «весёлые города» (статья «Крестоносцы») образно передают скрытый смысл военных действий.

Андреев использует в статьях принцип противопоставления военного могущества Германии и духовного начала молодой России, художественный прием антитезы поддерживается публицистом на протяжении всего текста: «Не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную поднял оружие

русский народ» («В сей грозный час») [2, с. 5]; «мрачного», «жестокое» лица германца и «светлого лика бельгийца»: «У войны два лица: тусклое и мрачное лицо германца, отверженного Богом, – и светлый лик бельгийца» («О Бельгии») [Там же, с. 55]).

В статьях сборника «В сей грозный час» преобладают следующие синтаксические фигуры: сравнительные обороты – «Как барышники молодые, так вы засматриваете в зубы победе» («Торгующим во храме») [Там же, с. 32], «румяны, как лоскут кумача в тумане» («Наши»)[Там же, с. 23]; риторические восклицания «Верьте, верьте в силу любви!» («Любите солдат граждане»)[Там же, с. 26]), «Напрягайте, напрягайте волю к победе!» («Любите солдат, граждане!»)[Там же, с. 30]); риторические вопросы – «Что же делало ваше славянское сердце, пока немецкие мозги и руки везли через вашу страну орудия и бомбы для турок?» («Торгующим во храме»)[Там же, с. 31]), «кто осмелится сравнить, чья горе глубже, чей голод страшнее и нестерпимей: еврея, бельгийца, серба?» («Слово о Сербии»)[Там же, с. 36]); риторические обращения – «Что вы сделали и что вы продолжаете делать, болгары?» («Торгующим во храме»)[Там же, с. 31]), «Любите солдат, граждане!» (обращение в названии статьи)[Там же, с. 26]). Данные выразительные приемы использованы Андреевым для привлечения внимания читателей военных статей.

Заключение

1. Языковые уровни публицистического текста Л. Андреева формируют патриотические идеи, выражающие комплексное понимание военных событий автором. Сборник Л. Андреева «В сей грозный час» определил общую стилистическую направленность публицистических сборников Л. Андреева военного времени. Первый сборник передавал патриотический пафос публицистики. Повествование от 1 лица единственного и множественного числа позволило публицисту обратиться к описанию первых дней войны от «лица народа»: Россия приняла войну с Германией «как необходимость, – и мы приняли её без колебаний»; «наши» солдаты уходят

на фронт, а мирное население поддерживает солдат. Андреев передаёт ритм публичного патриотического выступления с помощью синтаксического построения текста статей, изобразительно-выразительных средств художественной речи: эпитетов, метафор, олицетворений, антитезы, риторических обращений, риторических восклицаний, риторических вопросов.

2. Выразительные средства художественной речи, используемые Л. Андреевым в сборнике «В сей грозный час», передают пафос военной публицистики. В сборнике «В сей грозный час» Андреев использовал образные приемы художественного стиля. Информативная функция публицистики уходит на второй план, изобразительно-выразительные средства художественного стиля (эпитеты, метафоры, антитезы) выполняют воздействующую, агитационно-пропагандистскую направленность. Андреев определяет общую задачу литературы военного времени: мобилизация воли и духа каждого гражданина России для военной и духовной победы в войне.

3. В сборнике «В сей грозный час» Л. Андреев высказывает собственную религиозно-философскую, гражданскую позицию, формирует общественное мнение по вопросу мировой войны. Основной тезис статьи сборника определяет её композицию: тезис, художественное объяснение тезиса, вывод, послесловие. Абзац за абзацем публицист выдвигает доказательства истинности выдвинутого им тезиса. По мысли Андреева, будущий путь государства возможен через «войну во спасение». В публицистике Андреев использует философскую, общественно-политическую, религиозную лексику не столько для объективного оценивания военных событий и политики стран, сколько для философско-религиозного осознания положения: мировая война становится ступенью для возрождения России.

Список литературы

1. Андреев Л. С.О.С.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919). СПб.: Феникс, 1994, 598 с.

2. Андреев Л.Н. В сей грозный час. Петроград: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. 110 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 205 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
5. Дэвис Р. Л. Андреев (1871–1919). История русской литературы XX в.: Серебряный век. М.: Прогресс, 1995. 704 с.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 1233 с.
7. Иванов А.И. Первая мировая война в публицистике и прозе Леонида Андреева / Русская публицистика и периодика Первой мировой войны: Политика и поэтика. М.: ИМЛИ РАН. 2013. 600 с.
8. Иезуитова Л.А. Творчество Л. Андреева. Л.: Ленинградский ун-т, 1976. 240 с.
9. Литературное наследство. Горький и Леонид Андреев. М.: Наука, 1965. Т. 72. 630 с.
10. Михельсон А.Д. Большой толково-фразеологический словарь. М.: ETS Publishing house, 2004. 2208 с.
11. Павлова М.М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Русская публицистика и периодика Первой мировой войны: Политика и поэтика. М.: ИМЛИ РАН. 2013. 600 с.
12. Розенталь Д.Э. Стилистика газетных жанров. М.: МГУ, 1996. 249 с.
13. Сергеев О. Л.Н. Андреев о психологии войны // Север. 1989. № 10. С. 112–120.
14. Смоголь Н.Н. Кризис сознания и его отражение в русской публицистике 1917–1919 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Орел, 2000. 150 с.
15. Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М.: Республика, 1994. 432с.
16. Хеллман Б. Леонид Андреев. В сей грозный час. Предисловие // Перед задачами времени! Политические статьи 1917–1919 годов. Вермонт: Chalidze publications, 1985. 206 с.
17. Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. М.: Мысль, 1973. 191 с.

18. Ясенский С.Ю. Л. Андреев: от февраля к октябрю. (Публицистика 1917–1919). // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб.: Алетейя, 1992. С. 120–129.

References

1. Andreev L. S.O.S.: *Dnevnik (1914–1919); Pis'ma (1917–1919); Stat'i i interv'yu (1919); Vospominaniya sovremennikov (1918–1919)* [S.O.S.: Diary (1914–1919); Letters (1917–1919); Articles and Interviews (1919); Memoirs of contemporaries (1918–1919)]. St. Petersburg: Fenix, 1994. 598 p.
2. Andreev L.N. *V sej groznyj chas* [At this terrible hour]. Petrograd: Prometheus By N. N. Mikhailov, 1915. 110 p.
3. Berdyayev N.A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii vojny i nacional'nosti* [The fate of Russia. Experiments in the psychology of war and nationality]. Moscow: Izdanie G.A. Lemana i S.I. Saharova, 1918. 205 p.
4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Dom Slavjanskoj kn., 2008. 959 p.
5. Davis R.L. *Andreev (1871–1919), Istoriya russkoj literatury XXv.: Serebryanyj vek* [Andreev (1871–1919). The history of Russian literature of the XX century: the Silver Age]. Moscow: Progress, 1995. 704 p.
6. Efremova T.F. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Drofa, 2000. 1233 p.
7. Ivanov A.I. *Pervaya mirovaya vojna v publicistike i proze Leonida Andreeva / Russkaya publicistika i periodika Pervoj mirovoj vojny: Politika i poetika*. [The First World War in Journalism and Prose by Leonid Andreyev / Russian Journalism and Periodicals of the First World War: Politics and Poetics]. Moscow: IMLI RAN, 2013. 600 p.
8. Jesuitova L.A. *Tvorchestvo L. Andreeva* [Works by L. Andreev]. Leningrad: Leningrad University, 1976. 240 p.
9. *Literaturnoe nasledstvo. Gor'kij i Leonid Andreev* [Literary heritage. Gorky and Leonid Andreev]. Moscow: Nauka, 1965. T. 72. 630 p.
10. Michelson A.D. *Bol'shoj tolkovo-frazeologicheskij slovar'* [Unabridged explanatory and phraseological dictionary]. Moscow: ETS Publishing house, 2004. 2208 p.

11. Pavlova M.M. *Pervaya mirovaya vojna v publicistike Fedora Sologuba* [The First World War in Journalism of Fedor Sologub] Russkaya publicistika i periodika Pervoj mirovoj vojny: Politika i poetika. Moscow: IMLI RAS, 2013. 600 p.
12. Rosenthal D.E. *Stilistika gazetnyh zhanrov* [The style of newspaper genres]. Moscow: Moscow State University, 1996. 249 p.
13. Sergeev O. L.N. Andreev o psihologii vojny [L.N. Andreev on the psychology of war]. *North*. 1989. No.10, pp. 112–120.
14. Smogol N.N. *Krizis soznaniya i ego otrazhenie v russkoj publicistike 1917–1919 gg.* [The crisis of consciousness and its reflection in Russian journalism of 1917–1919]: dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2000. 150 p.
15. Trubetskoy E.N. *Smysl vojny* [The meaning of war]. Moscow: Republic, 1994. 432 p.
16. Hellman B. Leonid Andreev. V sej groznyj chas. Predislovie [Leonid Andreev. At this terrible hour. Foreword]. *Pered zadachami vremeni! Politicheskie stat'i 1917–1919 godov* [Setting on the tasks of the time! Political articles of 1917–1919]. Vermont: Chalidze publications, 1985. 204 p.
17. Cherepakhov M.S. *Problemy teorii publicistiki* [Problems of the theory of journalism]. Moscow: Mysl'. 1973. 191 p.
18. Yasensky S.Yu. L. Andreev: ot fevralya k oktyabryu. (Publicistika 1917–1919) [L. Andreev: from February to October. (Journalism 1917–1919)]. *Literatura i istoriya (Istoricheskij process v tvorcheskom soznanii russkikh pisatelej XVIII–XXvv.)* [Literature and history (The historical process in the creative mind of Russian writers of the 18th–20th centuries)]. St. Petersburg: Aletheia, 1992, pp. 120–129.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Нестерова Татьяна Александровна, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания, кандидат филологических наук
Ишимский педагогический института им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская обл., 627750, Российская Федерация
tatyanka-nesterova@bk.ru

Нестерова Ангелина Алексеевна, студентка социально-гуманитарного факультета

*Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская обл., 627750, Российская Федерация
gelya.bogdanova.2019@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nesterova Tatyana Aleksandrovna, associate professor of the department of Russian and foreign philology, cultural studies and methods of teaching, candidate of philological sciences

*Ishim Pedagogical Institute (branch) of the Tyumen State University
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
tatyanka-nesterova@bk.ru*

Nesterova Angelina Alekseevna, student of the social and humanitarian faculty

*Ishim Pedagogical Institute (branch) of the Tyumen State University
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
gelya.bogdanova.2019@list.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-207-217

УДК 811.111

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Осетрова М.О.

Цель. Данная статья посвящена изучению языковых средств реализации различных коммуникативных интенций говорящего в рамках современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы, что обуславливает актуальность данного исследования. Автор ставит целью изучить реализацию стратегии убеждения через синтаксические средства в персуазивной коммуникации судебного дискурса на примере заключительных выступлений американских адвокатов в суде.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляет метод прагма-семантического анализа текста, контекстуальный анализ, метод статистического и синтаксического анализа.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, риторические вопросы как косвенные речевые акты могут оказывать необходимый для говорящего перлокутивный эффект в конкретной коммуникативной ситуации. В рамках судебного дискурса риторические вопросы являются эффективными языковыми средствами реализации стратегии убеждения.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в области лингвистических исследований речевого воздействия в рамках конкретного дискурса, а также в профессиональной деятельности юристов с целью повышения их профессиональной компетенции.

Ключевые слова: судебная речь; персуазивная коммуникация; стратегия убеждения; косвенный речевой акт; риторический вопрос.

RHETORICAL QUESTIONS AS A WAY OF REALIZING PERSUASIVE STRATEGY IN COURT DISCOURSE

Osetrova M.O.

Purpose. *The article is devoted to the study of linguistic means in realizing communicative intentions within cognitive and discourse paradigm that explains importance of this research. The author aims to study the realization of persuasive strategy with the help of syntactic means in persuasive communication within court discourse by the example of closing arguments for defense in the court.*

Methodology. *The research is based on the method of pragmatic and semantic text analysis, using methods of contextual and statistical analyses.*

Results. *The results of the study are that rhetorical questions as indirect speech acts may do necessary perlocutionary effect in particular communicative situation. The author supposes rhetorical questions to be effective linguistic means in realizing persuasive strategy.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of linguistic studies of speech persuasion, and in professional activity of lawyers in order to improve professional speech competence.*

Keywords: *court speech; strategy of persuasion; indirect speech act; rhetorical question.*

Среди всего многообразия жанров судебного дискурса особый интерес представляет публичные выступления участников судебного процесса, в частности адвокатов. В качестве основной цели судебной речи можно выделить формирование внутреннего убеждения судей, убедительное и аргументированное воздействие на народных и присяжных заседателей, присутствующих в зале суда граждан [1, с. 364]. Объектом нашего исследования являются заключительные публичные выступления американских адвокатов в суде (Closing Arguments for Defense), которые мы рассматриваем с точки зрения персуазивной коммуникации. Предметом данного исследования выступает специфика реализации стратегии убеждения

через разнообразные языковые средства в персуазивной коммуникации судебного процесса. В рамках современной прагматической лингвистики многие зарубежные авторы уже давно занимаются изучением теории персуазивности (теории убеждения) и особенностями ее реализации в разных дискурсах [8; 9; 10; 11]. Отечественные авторы также заинтересовались изучением персуазивности и особенностями ее реализации в разных коммуникативных ситуациях. Вслед за В.Е. Чернявской под персуазивностью мы понимаем воздействие автора устного или письменного сообщения с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия [7, с. 25]. Таким образом, сам коммуникативный персуазивный процесс может быть представлен такими ситуациями, в которых говорящие сознательно продуцируют сообщения, нацеленные на то, чтобы вызвать определенную реакцию у реципиента или повлиять на его точку зрения.

В рамках современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы особый интерес исследователей проявляется именно к изучению языковых средств реализации различных коммуникативных интенций говорящего, что обуславливает актуальность данного исследования. В персуазивной коммуникации судебного процесса адвокат воздействует на суд присяжных с целью осуществления необходимого для него решения (вынесение оправдательного приговора), через реализацию стратегии убеждения и использования разнообразных языковых средств речевого воздействия на сознание адресата (суда присяжных). Контекстуальный анализ более 100 англоязычных публичных выступлений адвокатов в суде показал широкое использование вопросов, поэтому целесообразно будет более подробно рассмотреть особенности реализации стратегии убеждения через использование вопросительных предложений в судебном дискурсе.

Следует отметить, что с позиции теории речевых актов косвенный (иллокутивный) потенциал вопросительных предложений оказывается достаточно широким. Если принять за основу классификацию, предложенную Дж. Серлем, можно говорить о том, что

вопросительные предложения могут выступать не только в качестве квестива (прямого иллюкутивного акта), но также выполнять другие коммуникативные задачи с целью убеждения реципиента [6, с. 181]. Хотя внешняя локутивная форма такого речевого акта остается в рамках формальных признаков вопроса, то целевая иллюкутивная направленность говорящего может иметь совершенного другие коммуникативные интенции. Вслед за Е.В. Падучевой мы рассматриваем следующие виды вопросительных предложений с нестандартной семантикой: риторические вопросы, вопросы-просьбы, вопросы-предложения, вопросы-осуждения, переспросы, рефлексивные вопросы, вопросы-удивления и другие [5, с. 233].

Большая часть вопросительных предложений, используемых в рамках судебных выступлений адвокатов, можно отнести к риторическим. В стилистике риторический вопрос рассматривается как особый стилистический прием, который по своему содержанию является утверждением, но в вопросительной форме становится более эмоциональным, эмфатичным, и направлен на привлечение внимания, усиление впечатления, что позволяет вовлечь адресата в рассуждение, делая его более активным [2, с. 274]. С позиции теории речевых актов, риторический вопрос выступает как речевой действие, включающее в себя акт локуции, иллюкуции и перлокуции. С учетом используемых языковых средств риторический вопрос можно рассматривать как локутивный акт, при выполнении той или иной коммуникативной функции вопросительное предложение выступает как иллюкутивный акт, а в отношении к результату речевого воздействия, успешности его совершения – как перлокутивный. Таким образом, коммуникативной целью риторических вопросов, эксплицитно представляющих собой вопрос, является не запрос информации и побуждение к ответу, а привлечение внимания аудитории к наиболее важным аргументам, которые заложены в самом вопросе. Иными словами, риторический вопрос является реализацией другого речевого акта, например, репрезентатива, директива или персуазива. Сознательно используя риторические вопросы как экспрессивное и эффективное средство для реализации

стратегии убеждения, адвокат имплицитно вызывает у собеседника необходимую для него реакцию. По словам И.М. Кобозевой, основное назначение риторического вопроса – ввести в поле зрения коммуникантов «ответ», заведомо известный, или к которому, по мнению говорящего, слушающий неминуемо должен прийти, исходя из того, что ему стало известно [4, с. 42]. Они синонимичны повествовательным предложениям, т.к. имеют значение сообщения, утверждения. Вопросительные конструкции используются, как правило, не для запроса информации, а для обозначения тех аспектов обсуждаемой проблемы, которые требуют дополнительного рассмотрения с целью привлечения к ним пристального внимания аудитории. В момент постановки вопроса ритор обычно имеет собственный вариант ответа, который он и предлагает аудитории в качестве возможного решения проблемы. Таким образом, большинство вопросов, включенных в состав судебного дискурса, в полной мере могут быть называться риторическими и актуализировать стратегию убеждения:

Are the conclusions he asked you to draw reasonable conclusions? And most importantly, are they based on evidence as opposed to merely argument? Are they based on evidence, and are they reasonable conclusions to draw from the evidence to the exclusion of other conclusions? [13].

Данные вопросительные высказывания представляют собой имплицитное отрицание [= *The conclusions aren't reasonable*], где форма и содержание противопоставляются с точки зрения выражения отрицания/утверждения. В данном случае риторический вопрос, являясь косвенным речевым актом по сути, имплицитно суждение, противоположное пропозиции в высказывании.

С помощью риторических вопросов оратор помогает суду сделать правильные выводы, квалифицировать тот или иной факт, руководствуясь принципами справедливости. Вопрос от лица адресата, заданный так, как это сделал бы потенциальный получатель информации, помогает в реализации приема диалогизации и интимизации изложения [6, с. 31]. Задача судебных защитников склонить скептически настроенную аудиторию на свою сторону. В 20%

процентах случаях адвокаты напрямую обращаются к аудитории с вопросами, используя личные местоимения (you, we). При этом судебный оратор постоянно акцентирует внимание на исключительной роли присяжных в решении судебного процесса:

And the question you have before is very simple. Do you believe the Arvizos beyond a reasonable doubt, or not? If you don't, Mr. Jackson must go free [15].

В приведенном примере адвокат предлагает присяжным свободу выбора в виде альтернативного вопроса, но склоняет их к вынесению оправдательного приговора (must go free).

Анализ защитительных речей показал, что адвокаты довольно часто используют параллельные вопросительные конструкции, благодаря чему усиливается впечатление от речи, заостряется внимание на отдельных, наиболее важных сторонах обсуждаемого дела. Судебный оратор не только формулирует то, о чем он будет говорить дальше, но и уточняет, детализирует предмет разговора, используя не одно, а несколько вопросительных предложений:

Why do you think he sends her to Larry Feldman? Why do you think he has a profit-sharing arrangement with Larry Feldman? Doesn't it suggest everybody's looking for a big payday against Michael Jackson? There's only one thing they need. A conviction by you [15].

В данном случае адвокат Майкла Джексона спрашивает мнение аудитории по поводу представленных обвинением доказательств, ставя их тем самым под сомнения, реализуя это через вопросительные предложения с отрицанием. Таким образом, представленный вопрос *Doesn't it suggest everybody's looking for a big payday against Michael Jackson?* равнозначен утверждению: *It suggests everybody's looking for a big payday against Michael Jackson.*

Помимо собственно-риторических вопросов можно также выделить несобственно-риторические, в рамках которого говорящий задает вопрос не для получения ответа, а сам дает ответ с целью привлечения внимания аудитории к своему сообщению [3, с. 79]:

How? Because the evidence will show that Moussaoui wasn't part of the plot and was ignorant of its details [14].

And who are we? We're a nation that's governed by laws and the Constitution. We try to provide equal justice to everyone. Our Constitution guarantees to all defendants the right to a jury trial [12, p. 257].

В отличие от собственно-риторического вопроса адвокат почти полностью исключает необходимость для самостоятельного поиска ответа у аудитории. Заведомо сообщая ответ, адвокат убеждает суд присяжных в том, что приводимые им аргументы максимально убедительные, реализуя, тем самым, иллюкутивную цель вопросительного высказывания.

Кроме общих и специальных вопросов в устных судебных выступлениях адвокатов можно встретить разделительные вопросы, которые также заслуживают особого внимания в плане соотношения формально-вопросительных признаков с протописческими контекстами их употребления. Формально являясь риторическим, разделительный вопрос может встречаться в монологе выступающего, который прибегает к нему с целью выделения важной информации, фокусируя внимание собеседника на значимых моментах предоставляемой информации. Эксплицируя общий фонд знаний, говорящий привлекает внимание адресата к уже известной ему информации. Пропозициональное содержание, помещенное в структуру разделительного вопроса, функционирует в качестве аргументации в более широкой коммуникативной ситуации убеждения:

She doesn't quite look like that in any other photograph you've seen in this case, does she? [16].

Использование вопросительных конструкций с присоединительной (апеллятивной) частью для подкрепления речевой стратегии убеждения можно объяснить выражением в ней прагматической интенции говорящего, ориентированной на адресата. С одной стороны, вопросительная часть является своеобразным сигналом апелляции к его знанию или мнению, учитывая «фактор адресата», приобретающий особую значимость в контексте убеждения. С другой стороны, вопросительная часть является маркером кооперативности со стороны говорящего, тем самым, апеллируя к ментальному фонду слушающего, адресант показывает вовлеченность его в дискурс.

Стоит также отметить, что для судебных выступлений адвокатов, как разновидности устного типа речи, характерно употребление вопросов в синтаксической форме утвердительного предложения, опуская при этом вспомогательные глаголы (do/does, have/has):

Remember that testimony? He didn't handle that divorce--the filing of that divorce too well now, did he? <...> You recall that testimony? [14].

В данном случае эксплицитно выражается первичная цель вопроса – запрос информации, но при этом выявляется другая прагматическая цель – активизация внимания аудитории, вовлечение ее в дискуссию.

Таким образом, анализ материалов судебных выступлений англоговорящих адвокатов показывает, что вопросительные предложения реализуют акты, подкрепляющие дискурсивную стратегию говорящего (убеждение, привлечение адресата на свою сторону) за счет экспликации предварительных условий ее реализации. Речевое событие убеждения, в рамках которого в качестве подкрепляющих выступают речевые акты, оформленные в качестве вопросов, имеют общую дискурсивную направленность осуществления некоторого давления на адресата, удержания общения в выгодном говорящему фокусе. Функции вопросительных конструкций определяются их местом в композиции защитительной речи и коммуникативной задачей. Вопросительные высказывания являются одним из основных синтаксических приемов убеждения: привлекают внимание судей, включают их в активную мыслительную деятельность и подчеркивают важность предоставляемых доказательств.

Список литературы

1. Веденская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учебное пособие. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 568 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: ИЛИЯ, 1958. 460 с.
3. Кильмухаметова Е.Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) // Вестник ТПГУ, 2006. Выпуск 4 (55). Серия: гуманитарные науки (филология). С. 77–82.

4. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1988. С. 39–46.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с.
6. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.
7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
8. Bettinghaus, E. P. *Persuasive Communication*. New York, Chicago, San Francisco et. al.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 272 p.
9. Fotheringham, W.C. *Perspectives on Persuasion*. Boston: Allyn & Bacon Inc., 1966. 278 p.
10. Larson, Ch. *Persuasion: Reception and Responsibility*. Belmont: Wadsworth, 1979. 292 p.
11. Smith, M.J. *Persuasion and Human Action*. Belmont: Wadsworth, 1982. 384 p.
12. Lief M. S., Caldwell H.M., Bycel B. *Ladies and Gentlemen of the Jury: Greatest Closing Arguments in Modern Law*. New York; London; Toronto; Sydney, 2000. 400 p.
13. Closing Argument by Mr. Fuller for the Defense [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/hinckley/hinckleytranscript.htm#Fuller> (Дата обращения: 22.01.2020).
14. Mr. Watkins Summation for the Defense in the Mississipi Burning Trial [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/price&bowers/watkinsclos.html> (Дата обращения: 15.10.2019).
15. Famous trials [Электронный ресурс]. URL: <http://law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/ftrials.htm>.
16. Closing Argument of Johnnie Cochran in the O.J. Simpson Case [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials?Simpson/cjchranclose.html> (Дата обращения: 12.10.2019).

References

1. Vedenskaya L.F., Pavlova L.G. *Ritorika dlya juristov* [Rhetoric for lawyers]. Rostov-on-Don: Feniks, 2008. 568p.
2. Galperin I.R. *Oчерki po stilistike anglyiskogo yazyka* [Essays on the English language stylistics]. Moscow: Izd-vo lit-ry na inostr.jazykah, 1958. 460 p.
3. Kilmuchametova E.U. Ritoricheskie voprosi kak kosvenie rechevie akti (na materiale francuzskogo yazika) [Rhetorical issues as indirect speech acts (based on the French language)]. *Vestnik TPGU*, 2006. №4 (55). Serija: gumanitarnye nauki (filologija), pp. 77–82.
4. Kobozeva I.M. O pervichnih b vtorichnih funkciyah voprositel'nyh predlozhenij [On the primary and secondary functions of interrogative sentences]. *Tekst v rechevoj dejatel'nosti (perevod i lingvisticheskij analiz)* [Text in speech activity (translation and linguistic analysis)]. Moscow: IYAZ, 1988, pp. 39–46.
5. Paducheva E.V. *Viskazyvanije i ego sootnesennost' s deistvitel'nostju (referencial'nye aspekti semantiki mestimenij)* [Statement and its correlation with reality (referential aspects of semantics of pronouns)]. Moscow: Izd-vo LKI, 2008. 296 p.
6. Serl' J.R. *Klassifikacija illokutivnyh aktov* [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow, 1986. Vyp.17: Teorija rechevyh aktyov* [New in foreign linguistics. Vol. 17: Theory of speech acts], pp. 170–194.
7. Chernjabskaja V.E. *Diskurs vlasti I vlast' diskursa: problem rechevogo vozdeystvija* [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech exposure]. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 136 p.
8. Bettinghaus E. P. *Persuasive Communication*. New York, Chicago, San Francisco et. al.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 272 p.
9. Fotheringham W.C. *Perspectives on Persuasion*. Boston: Allyn & Bacon Inc., 1966. 278 p.
10. Larson Ch. *Persuasion: Reception and Responsibility*. Belmont: Wadsworth, 1979. 292 p.
11. Smith M.J. *Persuasion and Human Action*. Belmont: Wadsworth, 1982. 384 p.

12. Lief M.S., Caldwell H.M. Ladies and Gentlemen of the Jury: Greatest Closing Arguments in Modern Law / Michael S. Lief, H.M. Caldwell. New York; London; Toronto; Sydney, 2000. 400 p.
13. Closing Argument by Mr. Fuller for the Defense. URL: <http://www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/hinckley/hinckleytranscript.htm#Fuller>
14. Mr. Watkins Summation for the Defense in the Mississippi Burning Trial. URL: <http://www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/price&bowers/watkinsclos.html>
15. Famous trials. URL: <http://law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/ftrials.htm>
16. Closing Argument of Johnnie Cochran in the O.J. Simpson Case. URL: <http://www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials?Simpson/cjchran-close.html>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Осетрова Марина Олеговна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
*Оренбургский Государственный Медицинский Университет
ул. Советская, 6, г. Оренбург, Оренбургская область, 460000,
Российская Федерация
mrs.osetrova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Osetrova Marina Olegovna, Senior Teacher, Department of Foreign languages
*Orenburg State Medical University
6, Sovetskaya Str., Orenburg, Orenburg Region, 460000, Russian Federation
mrs.osetrova@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-218-231

УДК 802. 0 – 561. 8

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА

Песина С.А., Баклыкова Т.Ю.

Статья посвящена актуальным проблемам перевода аудиовизуальных текстов и особенностям языковых средств выражения кинодискурса как формы и источника социально-культурного знания. Критически рассматривается типология кинодискурсов, определяется специфика аудиовизуального текста в целом и мультипликационного текста, в частности. Даются определения таким понятиям, как «культурная адаптация», «лакуна», «аудиовизуальный перевод» и ряду других, определяются приемы и способы культурной адаптации кинодискурса. Поднимается проблема эффективного обучения студентов переводу различных типов аудиовизуальных текстов. В этой связи выявляются наиболее значимые компетенции, обуславливающие формирование основных навыков перевода кинодискурса: общелингвистические, включающие учет особенностей фонетики, грамматики и стилистики исходного языка, литературно-сценарные, предопределяющие знание особенностей построения сценария, владение основными сюжетными линиями произведения, кинематографические, интертекстуальные и культурно-социальные знания, включающие знание истории кинематографа, его жанров, значимых кинопроизведений.

Методология исследования. *Результаты проведенного исследования показывают, что информационно и сюжетно значимые интертекстуальные элементы содержат национальные фоновые знания, поэтому необходима культурно и лингвистически обусловленная адаптация. В связи с этим анализируются виды, а также лингвистические и экстралингвистические факторы культурной адаптации. Показано, что в адаптации нуждаются интертекстуальные элементы, которые несут в себе национальные фоновые знания. В результатах исследо-*

вания отмечается, что проблемы перевода аудиовизуальных текстов до сих пор не стали предметом каких-либо масштабных специальных исследований в отечественной и западной лингвистике.

Ключевые слова: дискурс; аудиовизуальный текст; киноперевод; адекватный перевод; культурная адаптация; лакуна.

PECULIARITIES OF AUDIOVISUAL TEXT TRANSLATION

Pesina S.A., Baklykova T.Yu.

The article is devoted to urgent problems of the audiovisual texts translation and the distinctive peculiarities of film discourse as a form and source of social and cultural knowledge. The specificity of the audiovisual text as a whole and the animated text, in particular, is determined in the article. Such concepts as “cultural adaptation”, “lacuna”, “audiovisual translation”, and others have been analysed and methods of cinema discourse investigation have been determined. Effective methods of different types of audiovisual texts translation have been introduced. In this regard, the most significant competencies have been identified. The latter focus on the formation of the cinema discourse translation skills, which include general linguistic skills (characteristics of phonetics, grammar and stylistics of the source language), knowledge of the peculiarities of the script construction (possession of the main storylines of the script), intertextual, cultural and social knowledge (knowledge of the history of cinema, its genres, peculiarities of visual film effects, etc.). We hold that the information and plot-relevant intertextual elements contain national background knowledge, therefore culturally and linguistically conditioned adaptation is necessary. In this regard, species, as well as linguistic and extralinguistic factors of cultural adaptation are analyzed.

The results of the study proved that intertextual elements that carry national background knowledge also need adaptation. It has been indicated that the problems of the audiovisual texts translation have not yet become the subject of any large-scale special studies in linguistics.

Keywords: discourse; audiovisual text; movie translation; adequate translation; cultural adaptation; lacuna.

Введение

Общеизвестно, что адекватный перевод должен максимально полно отражать как ту коммуникативную цель, которая изначально заложена в оригинальном тексте, так и прагматический аспект, который также является доминирующим при переводе различного рода дискурсов. В данной статье *дискурс* понимается как речевой поток, вбирающий в себя все многообразие индивидуальных и социальных особенностей коммуниканта и ситуации общения. Дискурс отображает менталитет и соответствующую языковую картину мира, как национальную, всеобщую, так и индивидуальную, частную. Выделяются такие типы дискурса, как социолингвистический (научный, религиозный, медицинский, бытийный, педагогический, политический, а также институциональный), прагмалингвистический (юмористический, ритуальный) [4].

В ряду существующих художественных дискурсов *кинематографический* дискурс представляет собой довольно сложное образование, в котором ядерную позицию занимает звучащий диалогический текст. Порождаемый в ходе игры актеров данный вид дискурса, диалогический по форме, состоит из эмоционально-насыщенных реплик-стимулов и реплик-реакций, маркированных положительными и негативными эмоциями. Создается впечатление, что кинематографический продукт, вызывающий всеобщий интерес, т.е. всеми нами любимые фильмы наделены синергетикой, они саморазвиваются и генерируют собственные смыслы, переходя из одного промежуточного актуализированного варианта в другой, расширяя наше сознание [1; 8; 7].

Киноиндустрия в целом – это виртуальная реальность и форма социального знания, творящие реальность посредством привычных нам ситуаций даже если кино- или мультфильм переносит индивида в виртуальный мир компьютерных симуляций, мир прошлого или будущего, предлагая самим создавать новое. Технологии многомерного звука и изображения, законы семантики создают эффект присутствия. Активизируя зеркальные нейроны, зритель соучаствует, соотносит себя с героями фильмов, осваивая области других про-

странств, недостижимые в повседневной жизни. Постигаемые социокультурные типажи, стили общения, наблюдаемые в кинофильме, становятся не менее реальны, чем сама жизнь. С одной стороны, происходит подмена реального общения, с другой – кинодискурс сегодня становится источником знаний (социального, психологического, религиозного, научно-популярного и т.д.).

На сегодняшний день имеют место два базовых способа перевода аудиовизуальных текстов (АТ): с помощью переозвучивания или использования субтитров. Переозвучивание включает дублирование, закадровый перевод и комментирование. Киноперевод также делится на две разновидности – форенизацию и доместикацию, исходя из культурных особенностей страны-производителя. Форенизация (перевод АТ посредством субтитров) предполагает максимально возможное сохранение самобытности иной культуры, между тем, как доместикация (дублирование АТ) – это адаптация оригинала к своим культуре и быту [15].

Существуют и иные классификации. Так, принято выделять четыре типа перевода АТ: синхронный и закадровый перевод, субтитры и дубляж. Если последнее основывается на полной замене перевода, то закадровый перевод предполагает наложение громких голосов актеров на исходный приглушенный звуко-трек фильма. Фокусируясь далее на способах и особенностях адекватного закадрового перевода АТ, остановимся на понятии «культурная адаптация АТ».

Культурная адаптация аудиовизуальных текстов в процессе перевода

Чаще всего термин «адаптация» используется в значении «способ достижения коммуникативного паритета между исходным и переводным текстом». Культурная адаптация трактуется как приспособление АТ к предельно адекватному переводу, соответствующему восприятию носителем иной культуры [8]. В.Н. Тимко уточняет, что культурная адаптация требует непременно приспособление исходного текста, как носителя объективной и социальной действительности, к культурным и социальным условиям общественной

действительности народа-переводчика [16]. Т.е., необходимо равенство коммуникативного эффекта между двумя АТ. Возможно в этом плане субтитры наиболее приемлемы, т.к. они в наименьшей степени искажают смысл исходного АТ. Справедливости ради следует отметить, что у культурной адаптации есть и отрицательное свойство: она пренебрегает межкультурными различиями, лишая текст национальной специфики [3; 13]. Но думается, что при удачном дубляже АТ этого можно избежать.

В процессе ознакомления с основными аспектами перевода АТ, студентам-переводчикам, например, предоставляется информация о том, что на качество дубляжа сериалов влияют несколько факторов: культурный, возрастной и идеологический. Важно также понимание психической и эмоциональной составляющей АТ, знание основ семиотики, включающие умение трактовать «невербалику»: мимику, взгляды, жесты, позы.

Основываясь на вышесказанном, в рамках семиотики АТ можно выделить такие структурные элементы, как вербалику (речь героев, названия, титры), звуко-музыкальную семиотическую знаковую систему, визуально-изобразительную знаковую систему (включая экстралингвистику).

В качестве примера анализа качества дубляжа студентам можно представить мультсериал «Gravity Falls», в котором рассказывается история о современных детских летних каникулах. Авторы сериала старались идентифицировать события сериала и повседневную жизнь американского подростка. Одним из таких способов стали аллюзии на современные реалии жителей США. Так, в третьей серии первого сезона дети близнецы и дядя Стэн попадают в музей восковых фигур. Дядя Стэн хочет показать им статую легендарного президента Авраама Линкольна, но вдруг с ужасом замечает, что она расплавилась, поскольку кто-то оставил жалюзи открытыми. В анализируемом эпизоде дядя Стэн поворачивается к другой восковой фигуре и произносит реплику:

– Wax John Wilkes Booth, I'm looking in your directions (русскоязычный перевод: Восковой Джон Уилкс Бут, мне кажется, это был ты).

Дж.У. Бут – это, как хорошо известно в американской культуре, убийца президента Линкольна. В США два имени – Авраам Лин-

кольн и Джон Бут – накрепко связаны и дети знакомы с историей жизни и смерти выдающегося президента. Поскольку в Российской действительности только имя президента Линкольна на слуху, данная аллюзия была удачно передана «Кириллицей» (студия дубляжа) и шутка, связанная с данной аллюзией, становится понятной.

Следует также отметить, что в мультсериалах особую важность приобрела артикуляция. Адаптированный текст должен звучать естественно, иначе у зрителя может возникнуть дискомфорт. При адаптации зарубежных сериалов важно обращать внимание на то, как будут восприниматься персонажи представителями разных культур. Так, один их самых известных русских сказочных героев Иванушка Дурочок, чьи действия всегда противоречат здравому смыслу, для представителей американской культуры представляется избыточно ленив, необразован и «дик». Американскому зрителю кажется, как минимум, странным отказ Иванушки от богатств ради щенка или котенка.

Лакуны или «белые пятна» на семантической карте языка

Лакуны являются одной из самых сложных и важных проблем, если речь заходит о культурной адаптации зарубежных книг, фильмов и сериалов. Остановимся на данном понятии более подробно. Впервые данный термин был использован Ю.С. Степановым, который под лакунами он понимал пробелы или «белые пятна» на семантической карте языка [14]. Более конкретное определение лакун сформулировано в работе В.П. Беянина, который пишет, что в психолингвистике лакуны являются базовыми компонентами национальной специфики определенной лингвокультурной общности, которые затрудняют понимание некоторых текстовых фрагментов для инокультурных реципиентов [2, с. 48].

Собственно лингвистические лакуны Ю.С. Степанов делит на *абсолютные* и *относительные*. По мнению исследователя, абсолютные лакуны осознаются в основном при составлении переводческих словарей, так как появляются слова, эквиваленты которых просто не существует в данном языке. К относительным лакунам

относят слова, у которых есть некие соответствия в чужом языке, однако, данные соответствия нельзя назвать адекватными; данные слова употребляются крайне редко [14, с 95].

Особняком стоит классификация В.Л. Муравьева, который разделил лингвистические лакуны на *векторные* и *стилистические* [6]. Что касается *этнографических* лакун, то большинство лингвистов считают, что они являются разновидностью культурологических лакун, которые обусловлены отсутствием реалий, существующих в одной культуре, в другой культуре. Этнографические лакуны являются некими своеобразными лексическими «пробелами», напрямую связанным с экстралингвистической национальной реальностью, этнолингвистическими и национально-культурными различиями.

Действительно, различающаяся экстралингвистическая реальность двух культур является отправной точкой для существования *этнографических* лакун. Их присутствие указывает на наличие или отсутствие данного предмета, вещи или явления в повседневной жизни народа, говорящего на данном языке. Так же как и лингвистические, этнографические лакуны делятся на абсолютные и относительные. В отличие от лингвистических, для этнографических лакун недостаточно просто констатировать отсутствие слова или фразеологизма для выражения понятия в одном из языков: мы должны привлекать этнографические критерии, постоянно пытаться выявить, существует ли та или иная вещь (явление) в быту народа.

В качестве примеров абсолютных этнографических лакун можно привести названия английских блюд, аналогов которых не существует в русской культуре: spotted dog (дословно: пятнистая собака) – вареный пудинг с изюмом, eggnog (дословно: яичный гвоздь) – вино со взбитыми желтками и специями. Относительные этнографические лакуны непосредственно связаны с фактами цивилизации, отличающимися от национальных, поэтому они сразу же бросаются в глаза иностранцу: такие слова, как kefir, smetana можно считать этнографическими лакунами в английской культуре.

Таким образом, с помощью речевых лакун можно установить соотношение текстов оригинала и перевода. Вместе с тем, лакуны

являются одним из самых сложных элементов культуры, с которыми сталкиваются переводчики в процессе адаптации АТ.

Задачи культурной адаптации при переводе мультсериалов

Для того чтобы первоначальный АТ был адекватно понят и интерпретирован переводчиком, он в начале подвергается тщательному переводческому анализу. Далее составляется вторичный АТ или метатекст, который впоследствии заменит оригинальный. В теории перевода выделяются четыре основных вида прагматических адаптаций:

1. адаптация, ориентированная на конкретного рецептора и определенную ситуацию общения (текст исходного сообщения изменяется);
2. адаптация как замена отдельных элементов текста оригинала с целью сохранить прагматический потенциал текста в целом (используется, если названия культурных реалий не понятны в исходном АТ);
3. экспликация, когда переводчик вводит в текст перевода дополнительную информацию, чтобы восполнить отсутствующие у реципиента фоновые знания или языковые лакуны (эффективен при переводе безэквивалентных лексических единиц обоих языков);
4. для решения «экстрапереводческой сверхзадачи» (например, максимально сгладить «острые углы» этического характера).
При этом точный перевод не обязателен [12].

Среди распространенных экстралингвистических проблем можно выделить следующие: звуковое сопровождение может мешать головному, темп речи американцев и англичан выше темпа речи россиян, кроме того, русские слова почти в два раза длиннее, поэтому русскоязычный АТ на выходе гораздо длиннее оригинального. Помимо этого, в английском содержится множество аббревиатур, аналогов которых нет в русском языке (TGIF – thanks God it's Friday, ASAP – as soon as possible и др.), поэтому переводчики вынуждены либо пропускать эти аббревиатуры, либо жертвовать какими-либо другими частями

АТ. Поскольку адаптированный АТ должен звучать естественно (в противном случае возникает дискомфорт), артикуляция чрезвычайно важна в процессе озвучивания детских мультсериалов. Обычно подбором схожих по артикуляции слов в русском языке занимаются, как автор синхронного текста (укладчик), так и сам переводчик.

Следует также отметить, что при адаптации зарубежных сериалов важно обращать внимание на то, как будут восприниматься персонажи представителями разных культур, т.е. насколько они политкорректны. В этой связи в кинотексте могут существовать несколько вариантов оценки персонажей:

- инвариантная (указывает на одинаково положительное или отрицательное отношение зрителей на основе общей мотивировки);
- контрастивная (разные группы респондентов – представители разных культур – в разном объеме оценочности относятся к определенному персонажу);
- лакунарная (представители другой культуры не имеют четкого мнения относительно персонажа, так как он может выступать представителем «чужого» концепта).

Наиболее интересным студентам в процессе перевода оказалась адаптация одного из фразеологизмов, использованного в мультсериале «Gravity Falls» в одной из серий первого сезона:

– Well, time to spill the beans!

В Кэмбриджском словаре данная идиома имеет значение to tell people secret information. На русский язык эта фразеологическая единица студентами была переведена также устойчивым выражением «пришло время раскрыть карты», со значением «перестать скрывать свои намерения». На первый взгляд, перевод кажется довольно успешным, однако, не учтен момент, что, когда героиня произносит эту фразу, она держит в руках банку с бобами. Так, фразема *spill the beans* используется в этом эпизоде, как в прямом, так и в переносном смысле. При этом, комический эффект в ситуации достигается за счет этой двусмысленности в оригинальном варианте, а в русской версии комический эффект отсутствует. Поэтому, предложенный студентами более адекватный вариант перевода может быть следующим: «Пришло время открыть бобы и карты!»

Итак, адаптация исходного текста необходима, когда буквальное воспроизведение оригинала не обеспечивает адекватной передачи смысла и не сохраняет прагматику оригинала. Можно помочь студентам в процессе перевода сохранить идиоматичность фраз и эквивалентно передавать каламбуры.

Заключение

В заключение важно отметить, что в связи с невероятной популярностью киноиндустрии, все больше лингвистов в настоящее время сосредотачивает внимание не только на собственно языковом аспекте перевода, но и на прагматическом [12; 9; 11]. Появляются работы, посвященные переводу табуированной лексики, сленга, юмора и т.п. Сегодня кинодискурс становится объектом исследования таких наук, как психология, семиотика, переводоведение, а сам кинематограф рассматривается как носитель лингвокультурных особенностей. Данная сфера исследований постепенно становится одной из самых актуальных и в отечественной лингвистике [5].

Вместе с тем культурно-социальные знания переводчика предполагают, что он должен быть знаком с базовыми аспектами реальной или вымышленной культуры англоговорящей страны, понимать их ценность, а также владеть методами передачи данных лингвистических и экстралингвистических аспектов при переводе. Поскольку информационно и сюжетно значимые интертекстуальные элементы содержат национальные фоновые знания, необходима культурно и лингвистически обусловленная адаптация данного типа дискурсов. Те немногочисленные исследования, которые были осуществлены на материале англоязычных мультфильмов, показывают, что до сих пор существуют трудности на пути эффективного перевода данного вида кинопродукции.

Список литературы

1. Акашева Т.В., Песина С.А., Рахимова Н.М., Землянухина Е.В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.

2. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
3. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века: на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык: Наука. М., 2011. 168 с
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 1992. 330 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 424 с.
6. Муравьев В.Л. Лексические лакуны: на материале лексики французского и русского языков. Владимирский гос. педагог. ин-т, 1975. 97 с.
7. Назарова О.Л., Песина С.А. Социальный характер языка как совокупность коллективных типизированных знаковых ситуаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 134–140.
8. Никонов В.М. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте // Проблемы культурной адаптации текста: Тезисы докладов междунар. науч. конф. Воронеж: Русская словесность, 1999. С. 73–74.
9. Песина С.А. Когнитивные механизмы профилирования профессионального знания: формирование понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ЧелГУ Выпуск 57: Филология и искусствоведение №24 (239), 2011. С. 43–45.
10. Песина С.А. Сознание и языковой организм // И вновь продолжается бой...: науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 201–206.
11. Песина С.А., Юсупова, Л.Г., Морозов, Е.А. Языковая компетенция современного специалиста // Языки, литература и культура в полилингвальном пространстве: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 68–74.
12. Песина. С.А. Репрезентация слов в лексиконе // Международный конгресс: сб. мат-лов; М-во обр. и науки РФ, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Тамб. гос. Ун-т, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2010. С. 121–123.
13. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

14. Степанов Ю.С. Структура французского языка. Издательство Либроком, 2013. 181 с.
15. Тандон П., Песина С.А., Пулеха И.Р. Особенности осмысления тематического дискурса английского языка // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 91–97.
16. Тимко Н.В. Культурный компонент лингвоэтнического барьера // Ученые записки, серия Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Курск, 1999. Вып. 2. С. 37–48.

References

1. Akasheva T.V., Pesina S.A., Rahimova N., M. Zemljanuhina E.V. Kognitivnye strategii interpretacii intertekstual'nyh vkljuchenij v hudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedenij Je. Elinek) [Cognitive strategies for interpreting intertextual inclusions in artistic discourse (based on the works of E. Jelinek)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016. № 2 (47), pp. 5–10.
2. Beljanin V.P. *Osnovy psiholingvističeskoj diagnostiki. (Modeli mira v literature)* [Fundamentals of psycholinguistic diagnosis. (Models of the world in literature)]. M.: Trivola, 2000. 248 p.
3. Ignatovich M.V. *Kul'turnaja adaptacija intertekstual'nyh vkljuchenij pri perevode proizvedenij anglijskoj literatury XX veka: na materiale romanov T. Pratchetta i ih perevodov na russkij jazyk* [Cultural adaptation of intertextual inclusions in the translation of works of English literature of the XX century: based on the novels of T. Pratchett and their translations into Russian]: Nauka. M., 2011. 168 p.
4. Karasik V.I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. M.: Gnozis, 1992. 330 p.
5. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. M.: R. Valent, 2011. 424 p.
6. Murav'ev V.L. *Leksicheskie lakuny: na materiale leksiki francuzskogo i russkogo jazykov* [Lexical gaps: on the material of vocabulary of the French and Russian languages]. *Vladimirskij gos. pedagog. in-t*, 1975. 97 p.
7. Nazarova O.L., Pesina S.A. Social'nyj harakter jazyka kak sovokupnost' kollektivnyh tipizirovannyh znakovyh situacij [The social character of

- language as a set of collective typified symbolic situations]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016. № 3, pp. 134–140.
8. Nikonov V.M. Socio- i lingvokul'turologicheskie problemy adaptacii konnotativnyh edinic jazyka v tekste [Socio-and linguoculturological problems of adaptation of connotative language units in the text]. *Problemy kul'turnoj adaptacii teksta: Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of cultural adaptation of the text: Abstracts of international reports. scientific conf.]. Voronezh: Russkaja slovesnost', 1999, pp. 73–74.
 9. Pesina S.A. Kognitivnye mehanizmy profilirovanija professional'nogo znanija: formirovanie ponjatij [Cognitive mechanisms of profiling professional knowledge: the formation of concepts]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Cheljabinsk: ChelGU Vypusk 57: Filologija i iskusstvovedenie*. № 24 (239), 2011, pp. 43–45.
 10. Pesina S.A. Soznanie i jazykovej organizm [Consciousness and linguistic organism]. *I vnov' prodolzhaetsja boj...* [The battle continues again]: nauch. st., posvjashhennyj jubileju d-ra filol. nauk, prof. S.G. Shulezhkovej. Magnitogorsk : MaGU, 2010, pp. 201–206.
 11. Pesina S.A., Jusupova, L.G., Morozov E.A. Jazykovaja kompetencija sovremennogo specialista [Linguistic competence of a modern specialist]. *Jazyki, literatura i kul'tura v polilingval'nom prostranstve: Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Languages, literature and culture in a multilingual space: Sat. materials of the International scientific-practical conference]. Ufa : RIC BashGU, 2013, pp. 68–74.
 12. Pesina. S.A. *Reprezentacija slov v leksikone* [Representation of words in a lexicon]. Mezhdunarodnyj kongress: sb. mat-lov; M-vo obr. i nauki RF, In-t jazykoznanija Ros. Akademii nauk, Tamb. gos. Un-t, Rossijskaja asociacija lingvistov-kognitologov. Tambov: Izdatel'skij dom TGU, 2010, pp. 121–123.
 13. Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologičeskogo analiza)* [Cinema text (experience of linguocultural analysis)]. M.: Vodolej Publishers, 2004. 153 p.
 14. Stepanov Ju.S. *Struktura francuzskogo jazyka* [The French language structure]. publishing house Librocom, 1965. 181 p.
 15. Tandon P., Pesina S.A., Puleha I.R. Osobennosti osmyslenija tematicheskogo diskursa anglijskogo jazyka [Peculiarities of understanding of

thematic discourse of the English language]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija*. 2019. V. 3. № 1, pp. 91–97.

16. Timko N.V. *Kul'turnyj komponent lingvojetnicheskogo bar'era* [The cultural component of the linguistic-ethnic barrier]. *Uchenye zapiski, serija Lingvistika. Mezkul'turnaja kommunikacija. Perevod*. Kursk, 1999. Issue 2, pp. 37–48.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
spesina@bk.ru

Баклыкова Татьяна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Pesina Svetlana Andreevna, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosova
38, Lenin Ave., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
spesina@bk.ru
Researcher ID: R-7353-2016
Scopus ID: 56642709800
ORCID: 0000-0002-3728-2561

Baklykova Tatyana Yuryevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosova
38, Lenin Ave., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-232-251

УДК 81'33

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАИМЕНОВАНИЯМИ НАСЕКОМЫХ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Полякова Е.А.

Цель. Провести подробный сравнительный анализ фразеологизмов с наименованиями насекомых в английском и русском языках, чтобы выявить качества и характеристики человека, маркируемых этими наименованиями в английской и русской лингвокультурах.

Актуальность. Исследование фразеологии позволяет выявить различия в картинах мира разных народов, в частности представления о значимых качествах и характеристиках человека, в данном случае представителей русской и английской лингвокультур.

Материалы и методы. Основные методы исследования – сравнительный анализ фразеологизмов в английском и русском языках и метод компонентного анализа единиц языка. Исследование проводится на материале фразеологических и толковых словарей русского и английского языков, а также прецедентных текстов.

Результаты. В результате проведенного анализа фразеологизмов с наименованиями насекомых и исследования семантической структуры этих наименований в русском и английском языках был составлен список качеств и характеристик человека, связанных со внешнестью, характером и поведением, и значимых в рамках рассматриваемых лингвокультур.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при составлении словарных статей, содержащих наименования насекомых, в толковых и фразеологических словарях русского и английского языка, как одноязычных, так и двуязычных. Кроме этого, материалы исследования могут быть использованы в разработке курсов по фразеологии, лексикологии, лингвокультурологии и переводоведению.

Ключевые слова: фразеологизм; идиома; национальная картина мира; лингвокультура; лингвокультурология; наименования насекомых; прецедентный текст.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NAMES OF INSECTS IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

Polyakova E.A.

Purpose. *To carry out a detailed comparative analysis of phraseological units with names of insects in the English and Russian languages in order to discover human qualities and characteristics marked by these units in English and Russian linguocultures.*

Relevance of the study. *It helps reveal the differences and discrepancies in the visions of the world concerning meaningful human qualities and characteristics as presented in English and Russian linguocultures.*

Materials and methods. *The main method of research is the comparative analysis of phraseological units combined with the component analysis of language units, namely names of insects in English and Russian. The conducted research is based on English and Russian thesauri, explanatory and phraseological dictionaries as well as precedent texts.*

Results. *The performed analysis has yielded a list of human qualities and characteristics connected with appearances, character and behaviour; which are considered significant in a given linguoculture.*

Practical implications. *The results of the study can contribute to compiling dictionary entries with names of insects in English and Russian thesauri, explanatory and phraseological dictionaries, both monolingual and bilingual. The research materials can also be used in designing the courses in phraseology, lexicology, linguaculturology and translation studies.*

Keywords: *phraseological unit; idiom; national picture of the world, linguoculture; linguoculturology; names of insects; precedent texts.*

Фразеологизмы, или фразеологические единицы – это устойчивые словосочетания, знаки языка, обладающие особой природой и выполняющие особую функцию в языке и речи [13, с. 55]. Фразеологизмы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы [8, с. 82]. В последнее время национально-культурная специфика фразеологического состава языка активно исследуется в рамках лингвокультурологии, междисциплинарной области гуманитарных исследований, в центре которой находятся язык и культура. Именно фразеология наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры [13, с. 67], и во многих современных лингвистических работах фразеология рассматривается в контексте культуры.

В данной статье рассматривается национально-культурная специфика некоторых русских и английских фразеологизмов с наименованиями насекомых, представленных во фразеологических и толковых словарях русского и английского языков, а также в некоторых прецедентных текстах, представленных в базах данных [4], [9]. В ходе данного исследования было проанализировано 12 наименований насекомых в английском языке (*ant, bedbug, bee, butterfly, cockroach, dragonfly, drone, flea, fly, hornet, moth, wasp*) и соответствующие русские существительные (*муравей, клоп, пчела, бабочка, таракан, стрекоза, трутень, блоха, муха, шершень, мотылек, оса*). Основной список насекомых был составлен на основе Англо-русского учебного словаря «Мы и мир вокруг нас» [2]. Выбор словаря обусловлен тем, что он отражает лексику современного английского языка, представленную в определенных тематических разделах: раздел «The world around us» включает тему «Insects» [Там же, с. 692–709], которая содержит глоссарий и фразеологизмы с наименованиями насекомых. В работе анализируются те наименования, которые помимо прямого значения имеют еще и переносное, указывающее на то или иное качество, предсказуемое человеку, и входят в состав фразеологических единиц. В данном исследовании используется методика, предложенная в работе Ф.И. Карташковой,

И.В. Куражовой, А.В. Егоровой «Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре» [5]. Как известно, в разных языках названия животных ассоциируются с разными качествами и употребляются в качестве зооморфной характеристики человека. Авторы утверждают, что анализ семантической структуры подобных наименований позволяет выявить некоторые ценностные ориентиры английской культуры и сравнить их с ценностной картиной русского этноса [Там же, с. 3–4]. Данная работа продолжает это исследование на материале наименований насекомых в английских и русских фразеологизмах, зафиксированных во фразеологических и толковых словарях, а также некоторых прецедентных текстах. Кроме этого, схожий подход представлен в лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство»: по мнению авторов словаря, наименования животных, птиц и насекомых могут выполнять в дискурсе различные функции, в частности использоваться для характеристики человека [11, с. 42].

В результате проведенного компонентного анализа было выяснено, что в семантическую структуру английских и русских имен насекомых могут входить положительные и/или отрицательные семы, фиксирующие те или иные качества человека. Компонентный анализ переносных значений имен насекомых, а также сравнительный анализ фразеологизмов с данными именами имел целью определить положительные и отрицательные качества и характеристики, предцизируемые человеку и значимые в рамках той или иной лингвокультуры.

ANT (МУРАВЕЙ). 1) Английский фразеологизм **have ants in one's pants** означает «to be fidgety or restless» [27, с. 7], то есть «нервничать, дергаться», поэтому в нем можно выделить сему *беспокойный*. Русский фразеологизм **мурашки бегают по спине**, в состав которого входит русское имя насекомого **муравей**, означает «ощущать озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения» [18, с. 255–256] и так же маркирует качество *беспокойный*, предцизируемое человеку. Однако в значениях английского и русского фразеологизмов есть различие: англичане испытывают

чувство, описываемое с помощью фразеологизма **have ants in one's pants**, чаще всего перед каким-либо ответственным мероприятием, например, экзаменом: e.g. *I always get ants in my pants before a test* [29]. В русской лингвокультуре состояние сильного волнения или испуга описывается выражениями «сосет под ложечкой» или «коленки дрожат» [17, с. 221]. Кроме этого, в словарях с английским фразеологизмом встречается помета *humorous* [20], [22] и примечание, что фразеологизм **have ants in one's pants** чаще относится к детям: *It had been raining all day, and the kids had ants in their pants* [24, с. 6]. Английская фразеологическая единица **feel antsy** означает «be very nervous, worried, or unpleasantly excited» (например, в предложении *I always get antsy about meeting my husband's boss* [20]), вероятно, произошла от выражения **have ants in one's pants** [22] и так же передает состояние нервозности; в русском языке подобное выражение с существительным «муравей» отсутствует. 2) Кроме того, семантическая структура русского существительного «муравей» включает семантический признак *трудолюбивый*, отражающийся во фразеологизмах, например, **муравьиная работа** о кропотливой, трудоемкой работе [19, с. 613]. Согласно лингвокультурологическому словарю, русские используют слово **муравей** для характеристики трудолюбивого и, как правило, скромного человека (или группы лиц) [11, с. 122]. Интересно отметить, что данное представление о муравье как о трудолюбивом насекомом нашло отражение в басне Крылова «Стрекоза и муравей» (как известно, этот сюжет был заимствован Крыловым у Лафонтена, который в свою очередь заимствовал его у Эзопа). Отметим, что в английской лингвокультуре не зафиксировано фразеологизмов с лексемой **ant**, в которых выражалось бы значение *трудолюбивый*.

ВЕЕ (ПЧЕЛА). 1) Анализ рассмотренных словарей позволяет выделить ряд отрицательных и положительных качеств человека, транслируемых через фразеологизмы с английским насекомым «bee». Фразеологизм **a bee in one's bonnet** означает «причуда, навязчивая идея, мания; заскок, конек, «пунктик» [7, с. 74]. Для иллюстрации этого значения в словарях английского языка даются такие

примеры: *They think I've got a bee in my bonnet about road safety* [24, с. 22]; *Dad's got a bee in his bonnet about saving electricity* [23, с. 116]. Фразеологизм **have bees in the head/brain** означает «быть сумасшедшим или чудаком» («someone regarded as crazy or eccentric» [27, с. 20]) и, таким образом, также преддицирует человеку качества *не в своем уме, странный, эксцентричный*. 2) Кроме этого, английские фразеологизмы **queen bee** («a woman who behaves as though she is the most important person in a group», например, *Serena is the former queen bee of her elite private school* [20]) и **the bee's knees** («someone or something very good, attractive» [24, с. 188], «to think you are very clever and important» [25], «лучший из лучших» [1, с. 25]) отмечают *важность и исключительность* человека, хотя и имеют при этом иронический оттенок. Согласно Оксфордскому словарю идиом, изначально выражение **the bee's knees** обозначало что-то мелкое и незначительное, однако через короткое время приобрело противоположное значение [27, с. 20], а в настоящее время имеет помету *old-fashioned* (устар.) [20], [23, с. 116]. В русской лингвокультуре подобных фразеологизмов не выявлено. 3) Однако и в английской, и в русской лингвокультурах есть выражения, сходные по своему значению: **(as) brisk/busy as a bee** / «хлопотливая, как пчелка» (о проворном трудолюбивом человеке) включают в свою семантическую структуру положительное качество *трудолюбивый* [7, с. 74], [2, с. 695], например: *He was as busy as a bee helping the men round about the farm* [20]. Кроме этого, в русском языке трудолюбивого человека сравнивают с пчелой посредством таких фразеологизмов, как например, **трудиться как пчелка; работаща, как пчела** [3]. Согласно лингвокультурологическому словарю, эта лексема может использоваться для характеристики человека, и русские могут называть **пчелкой** трудолюбивого человека (как правило женщину), который, работая без отдыха, внешне легко справляется с многочисленными делами [11, с. 142].

BUTTERFLY (БАБОЧКА). 1) Английский фразеологизм **have (get) butterflies in one's stomach** широко представлен в английских фразеологических словарях и описывает человека, испытывающего

беспокойство, волнение, тревогу, страх: «to feel very nervous before doing something», например, *I always get butterflies before an exam* [23, с. 190] или *I'm meeting her parents tonight, and I have a bad case of butterflies in my stomach* [20] или *Do you get butterflies when you have to talk to lots of people?* [25]. Этот фразеологизм в некоторой степени синонимичен описанному выше выражению **have ants in one's pants**, но не обладает присущим последнему юмористическим оттенком. В русском языке для перевода фразеологизма **have (get) butterflies in one's stomach** используется фразеологизм «сосет под ложечкой» [7, с. 117]. 2) Выражение **break a butterfly on a wheel** («to use far more force than is necessary to do something» [21]) маркирует качество *слабый, беззащитный*, предидируемое человеку, подавленному жизненными невзгодами, например: *The conviction of this young man for possession of drugs seems to be a case of breaking a butterfly on a wheel* [24, с. 49]. На русский язык этот фразеологизм предлагается переводить с помощью выражения «палить из пушек по воробьям» [2, с. 696]. Также в словарях встречаются примеры с существительным «butterfly», в которых маркируется такое качество, как *хрупкость*: *These people can take many blows, but I, I am fragile as a butterfly* [22]. 3) В русском языке в прецедентных текстах встречается образ бабочки, олицетворяющей красивую и беззаботную девушку, например: *Но, вопреки этому виду бабочки, только что уцепившейся за травку и готовой, вот-вот вспорхнув, развернуть радужные крылья, страшное отчаяние щемило ей сердце.* (Л.Н. Толстой, «Анна Каренина») [4]. О *разодетом, расфанчеванном* человеке в английской лингвокультуре говорят **gaudy as a butterfly**: *I wasn't planning on wearing a dress with such a bold pattern – I don't want to look as gaudy as a butterfly* [29]. 4) Фразеологизм **a social butterfly** «пустая светская красавица, пустая девица» [7, с. 118] содержит в своей семантической структуре качество *легкомысленный*, порицаемое англичанами, и в словаре этот фразеологизм дается с пометой *disapproving*: «a person who is not responsible or serious, and who is likely to change activities easily or only be interested in pleasure», например: *She's such a social butterfly*

[20]. Однако русских аналогов данных фразеологизмов со словом «бабочка» нет, хотя в обоих языках есть выражения, которые манифестируют отрицательное качество *легкомысленный*: русский фразеологизм **порхать как бабочка/мотылек** означает «весело, беззаботно бегать и прыгать, жить легкомысленно, бездумно» [16, с. 1], как, например, в предложении: *Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка* (А.Н. Островский, «Гроза») [4] и **ночная бабочка** (о женщине легкого поведения) [10]. Эти фразеологизмы маркируют такое же качество, как и английский фразеологизм **(as) light as a butterfly**, который употребляется по отношению к бездумному, легкомысленному человеку [7, с. 117].

МОТН (МОЛЬ, МОТЫЛЕК). Выражение **like a moth to the flame/candle** означает неодолимое и потенциально опасное влечение к чему-то или кому-то: «used about someone who feels that someone or something is very attractive, and wants to be near them, even though they may cause trouble», например: *Randall's power and wealth drew women to him like moths to the flame* [24, с. 235]; *The bright lights of west London drew Kharin like a moth to a flame* [21]. Подобный фразеологизм не зафиксирован в русских толковых и фразеологических словарях, однако в русской лингвокультуре также присутствует образ **мотылька** или **бабочки**, стремящихся к огню и гибнущих в нем, как, например, в знаменитом романсе Андрея Петрова «Я, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо...», что символизирует опасную притягательность огня, беззащитность бабочки и ее обреченность. В словарях также присутствуют подобные примеры из произведений русских-писателей классиков: *И понесло меня на огонь, как мотыля легкокрылого* [19, с. 608]; *Варвара Павловна привлекала гостей, как огонь бабочек* (И.С. Тургенев, «Дворянское гнездо») [4].

СОСКРОАШ (ТАРАКАН). 1) В американском варианте английского языка существительное **cockroach** может маркировать качество *занятой*: фразеологизм **(as) busy as a cockroach on a hot stove** «очень занятой человек» является синонимичным выражению **(as) busy as a bee**, однако, вероятно, обладает иронической окра-

ской и больше всего соответствует русскому фразеологизму «как белка в колесе» [12]. Что касается фразеологизмов со словом **таракан** в русском, то в словаре их обнаружено не было. 2) В русском языке используется разговорное выражение **тараканы в голове** для обозначения причуд и странностей человека [10], хотя данный фразеологизм не встречается во академических фразеологических словарях русского языка. В английской лингвокультуре подобный фразеологизм отсутствует, и, вероятно, ближе всего по значению будут выражения с лексемой «bee»: **have a bee in one's bonnet** «иметь причуду, навязчивую идею, манию; заскок, «пунктик» [7, с. 74] и **have bees in the head** «быть сумасшедшим или чудаком» [27, с. 20] (см. выше).

DRAGONFLY (СТРЕКОЗА). В английском языке в словарях не зафиксировано фразеологизмов с существительным **dragonfly**. Однако в русской лингвокультуре семантическая структура переносного значения имени насекомого **стрекоза** включает признаки *суетливый* и *легкомысленный*. В русской классике встречаются цитаты, в которых стрекоза ассоциируется с легкомысленностью и беспечностью (женской): *А ты, Аня, вовсе не изменилась... Ты и в шестьдесят лет... будешь такая же стрекоза-егоза* (А.И. Куприн «Гранатовый браслет») [9]. Не случайно именно стрекоза фигурирует в басне Крылова «Стрекоза и муравей», олицетворяя данные качества (заметим, что в английском варианте басни на месте стрекозы оказывается кузнечик (*The Ant and the Grasshopper*), а в самом русском варианте стрекоза занимает место цикады из французской басни Лафонтена и оригинальной басни Эзопа). Стоит отметить, что в английском языке есть выражение **have a grasshopper mind** («с ветром в голове, вертопрах») [12], предидицирующее человеку качеству *легкомысленный*. В русском языке «стрекоза» также употребляется для шутливой характеристики суетливой, живой, подвижной, часто также легкомысленной девочки или женщины [10]. Однако мы не находим этому никаких параллелей в английской лингвокультуре.

DRONE (ТРУТЕНЬ). Семантическая структура английского имени насекомого «drone» включает в себя семантический признак

ленивый: «someone who has a good life but does not work to earn it or give anything back to society» [22]. Эта лексема сопровождается в словаре пометой *disapproval* (неодобрит.) Аналогично в русском социуме «трутнями» называют лентяя, ленивого, беспечного человека, живущего за чужой счет [14]. Следует отметить, что в английской лингвокультуре существует презрительное выражение, в состав которого входит имя насекомого «drone»: **alimony drone** «a woman who lives on alimony payments and makes no attempt to support herself», то есть «паразитка, живущая на алименты; алиментщица-тунеядка» [12].

FLEA (БЛОХА). 1) Во фразеологизме **(as) fit as a flea** лексема **flea** связывается с качествами *бодрый, здоровый, в отличной форме*: «in good physical condition; very healthy and strong», например: *I feel (as) fit as a flea this morning* [26]; иногда дается с пометой *шутл.* [7, с. 284]. Значение этого фразеологизма объясняется такими отличительными особенностями этого насекомого, как подвижность и проворство: *The phrase makes reference to a flea's agility* [27, с. 110]. Подобный фразеологизм в русском языке в словарях не зафиксирован, но в текстах художественных произведений обнаруживаются сравнения героя с этим насекомым: *Он крепенький, как блоха* (А.Н. Толстой «Хождение по мукам») [9]. В текстах писателей также встречается образ **прыгать/скакать, как блоха**, что подчеркивает такие качества, как *юркость* и *подвижность* человека или предмета: *Не стоит на этой машине ехать. Она все время прыгает, как блоха, того и гляди, перевернется* (Носов Н. «Незнайка в Солнечном городе»); «... с Максом что-то происходит. Часто стал исчезать, к телефону прыгает, как блоха. Влюблен?» (В.П. Аксенов «Коллеги») [9]. 2) Русское существительное «блоха», помимо прямого значения наименования насекомого, имеет переносное значение «ничтожный, презренный человек» (с пометой *пренебр.*), в котором это слово синонимично таким существительным, как «вошь» и «тля» [10]. В английском языке лексема **flea** имеет похожее переносное значение, однако по отношению к не человеку, а к предмету: «a thing of no significance» (с пометой *derogatory*) [30] и входит

в состав сложного слова **fleabag** «a shabby or unattractive person or thing» [28, с. 529]. Кроме этого, **flea** является частью композитов **flea-bitten** (в значении «shabby») и **flea-pit** («a dingy little place») [Там же, с. 529]. Последнее будет соответствовать русскому существительному **клоповник** – «старое, грязное, запущенное место; чаще всего, о помещении» [11, с. 84]. Интересно, что и в русском, и в английском языках есть словосочетание **flea market / блошинный рынок** («a street market selling second-hand goods») [28, с. 529]. Согласно словарям, в обоих языках это выражение является калькой с французского «marché aux puces, a market in Paris» [26], [10]. 3) Кроме этого, в русском языке сознанию блохи ассоциируются с чем-то неприятным, надоедливым, от чего трудно избавиться, как видно по следующей цитате: *Ты зачем, Кондратий, здесь мне место назначил? Проходной двор какой-то. Облепили меня монахи да юродивые, как блохи. Говорил я: лучше в лесу, спокойнее.* (Л.Н. Андреев «Савва») [9].

BEDBUG (КЛОП). 1) В русском языке существуют устойчивое выражение **раздавить, как клопа**, что означает «с легкостью расправиться с человеком, безжалостно его уничтожить» [11, с. 84], что маркирует такое качество, как *слабый*. Кроме этого, согласно лингвокультурологическому словарю, лексема **клоп** в современном русском языке может использоваться для наименования ребенка или взрослого очень маленького роста [Там же, с. 84]. 2) В английском есть выражение **(as) crazy/barmy as a bedbug**, предсказывающее человеку качество *сумасшедший, спятивший*: «not at all sensible or practical», например, в предложении: *If you think we're going to have a deputy camped out by a charco all weekend long, you're crazy as a bedbug* [21] или *She's barmy as a bedbug* [22].

FLY (МУХА). В английском языке лексема **fly** входит в большое количество фразеологизмов. 1) Выражение **I'd like to be a fly on the wall** описывает любопытного человека, который подслушивает и шпионит за другими: «used to say that you are very interested in what people will say to each other at a private meeting», например, *I'd like to be a fly on the wall when Linda tells Barker she wants a pay rise*

[24, с. 126]. 2) Очень занятого человека, который создает иллюзию бурной деятельности, но при этом не достигает особых результатов, описывает в английском языке стилистический сниженный, довольно грубый разговорный фразеологизм **buzz/run about like a blue-assed fly** (помета в словаре *slightly rude*): *I've been running around like a blue-arsed fly, seeing to the meals, and the dogs, and the shopping, and I'm exhausted* [Там же]. **В какой-то степени это выражение синонимично фразеологизмам as busy as a bee и (as) busy as a cockroach on a hot stove**, которые были описаны выше. Однако аналоги данных выражений в русском языке отсутствуют.

3) **Ленивого, праздного человека, проводящего время в барах, называют barfly** «someone who spends a lot of time in bars» [22], что в некоторой степени может переключаться с русским выражением (как) **сонная муха** (разг., шутил.) «делать что-то медленно, вяло, неторопливо» [16, с. 320], в котором актуализируется сема *вялый*.

4) Значение «помеха, недостаток, досадная мелочь, которая может испортить всё» в английском языке передается с помощью фразеологизма **a fly in the ointment** «a single thing or person that is spoiling a situation that could have been very positive or enjoyable», например: *I'm looking forward to Sunday, the only fly in the ointment being the fact that I'll have to sit next to my mother-in-law* [20]. Фразеологизм **a fly on the (coach-)wheel** используется для обозначения человека, сильно преувеличивающего свое значение, влияние или участие в каком-то деле, и в его основе лежит аллюзия на басню Эзопа [7, с. 288]. В русском языке подобных фразеологизмы отсутствуют; они переводятся без существительного «муха»: **a fly in the ointment** - **ложка дегтя в бочке меда**; **a fly on the (coach-)wheel** переводится нефразеологическим способом: «слишком много о себе возомнить» [Там же].

5) Интересно, что с добавлением глагола (**crush/break a fly upon the wheel**) этот фразеологизм выражает иную идею – как легко раздавить, уничтожить маленькое насекомое – и является вариантом фразеологизма **break a butterfly on a wheel**, который был представлена выше. В обоих языках также есть фразеологизмы, передающие через сравнение с мухами значение *слабый* и *бо-*

лезненный: **мрут как мухи** [15, с. 322], **be dying/dropping etc like flies** (с пометой *informal*) «used to say that a lot of people are dying or becoming ill», например: *The men were dying like flies, of fever* [22]. Идея *беззащитности* и *слабости* также выражается в русском выражении **прихлопнуть/раздавить кого-то как муху** – «убить кого-то, не затрачивая на это много усилий, считая, что жизнь жертвы не имеет никакой ценности» [15, с. 322]. Когда в русской лингвокультуре человека сравнивают с **мухой**, то он воспринимается как мелкое, ничтожное существо [11, с. 125]. Интересно, что и в английской, и в русской лингвокультурах присутствует фразеологизм **one wouldn't hurt/harm a fly** [27, с. 113] – **он и мухи не обидит** [18, с. 290]. 6) Заметим, что в русском языке также есть ряд фразеологизмов, не имеющих параллелей в английском: **липнуть как муха** «неотвязно приставать, лнуть к кому-то» [16, с. 320] и **отмахнуться как от (назойливой/надоедливой) мухи** [6, с. 36] – в этих двух фразеологизмах выражается значение *надоедливый*. Согласно лингвокультурологическому словарю, лексема **муха** может использоваться для характеристики навязчивого, очень надоевшего человека [11, с. 125], что, в частности, актуализируется в выражении **прожужжать все уши**, то есть «надоесть постоянными разговорами о чем-либо, назойливо повторять одно и то же» [Там же, с. 128]. 7) Фразеологизм **(быть/находиться) под мухой** (разг., шутол.) означает «быть в нетрезвом состоянии, навеселе, в состоянии опьянения» [16, с. 321]; [11, с. 128]. Однако связь с алкоголем прослеживается и в английском выражении **drink with the flies**, преимущественно используемое в австралийском английском и означающем «пить одному, выпивать в одиночку» [7, с. 288], «drink alone» (Australian and New Zealand informal) [27, с. 112]: *Come on, meet up with me at the bar! As it is, I'm just drinking with the flies, and it's depressing* [29].

HORNET (ШЕРШЕНЬ). В английском языке для описания *раздраженного, взбешённого* человека существует выражение **mad as a hornet/madder than a hornet** (помета *old-fashioned*), например: *She tried to hit one woman and missed her, and then she got madder than a hornet* [24, с. 174]. Когда речь идет об усугублении проблемы

или неприятной ситуации, англичане используют выражения **stir up a hornets' nest** [23, с. 740], русским аналогом которого можно в некотором смысле считать выражение **потревожить/разворошить осиное гнездо** («жилище, скопище общественно вредных, опасных людей») [19, с. 737], [2, с. 700].

WASP (OCA). 1) Выражение **sting like a wasp** «больно задевать, жалить как **оса**» [7, с. 797] и образованное от **wasp** прилагательное **waspish** «желчный, колкий» (с пометой *disapproving*) приписывают человеку качество *язвительный*, что очевидно в таких примерах, как: *She had a waspish tongue which could hurt* [20]; *A waspish remark or sense of humour is sharp and critical* [21]. 2) Сходными в английском и русском являются фразеологизмы **wasp waist** [29] – **осиная талия**, предидирующие человеку внешний признак *стройный* [19, с. 737].

Итак, в ходе исследования было проанализировано 12 наименований насекомых в английском языке и соответствующие русские существительные. Результаты, полученные в ходе сравнительного лингвокультурологического анализа имен насекомых и фразеологизмов, в состав которых они входят, дают нам определенную информацию о некоторых ценностных ориентирах английского и русского социумов и позволяют определить национально-культурную специфику данной группы фразеологизмов. Представляется возможным выделить некоторые признаки, предидируемые человеку, связанные с внешностью (красивый, яркий; стройный; слабый, маленький; бодрый, здоровый, в отличной форме, подвижный) и характером и особенностями поведения (беспокойный, тревожный; трудолюбивый; чудной, странный, эксцентричный, сумасшедший; важный, исключительный; трудолюбивый, хлопотливый, работающий; слабый, беззащитный; беззаботный, легкомысленный; ленивый; ничтожный, незначительный; неприятный, надоедливый; любопытный; нетрезвый; раздраженный, взбешенный, опасный; язвительный). Результаты сравнительного анализа значений наименований насекомых и фразеологизмов с ними в русском и английском языках представлены в таблице.

Качества, придицируемые человеку	Английское наименование насекомого	Русское наименование насекомого
	ant	муравей
1) беспокойный, тревожный	+	+
2) трудолюбивый	-	+
	bee	пчела
1) чудной, странный, эксцентричный, сумасшедший	+	-
2) важный, исключительный	+	-
3) трудолюбивый, хлопотливый, работающий	+	+
	butterfly	бабочка
1) беспокойный, тревожный	+	-
2) слабый, беззащитный	+	-
3) красивый, яркий	+	+
4) беззаботный, легкомысленный	+	+
	moth	мотылек
беззащитный, обреченный на гибель	+	+
	cockroach	таракан
1) занятой	+	-
2) чудной, странный	-	+
	dragonfly	стрекоза
суетливый, легкомысленный	-	+
	drone	трутень
ленивый	+	+
	flea	блоха
1) бодрый, здоровый, в отличной форме, подвижный	+	+
2) ничтожный, незначительный	+	+
3) неприятный, надоедливый	-	+
	bedbug	клоп
1) слабый, маленький	-	+
2) сумасшедший, спятивший	+	-
	fly	муха
1) любопытный	+	-
2) занятой	+	-
3) вялый	+	+
4) помеха, недостаток	+	-
5) слабый, болезненный	+	+
6) досадный, надоедливый	-	+
7) нетрезвый	+	+
	hornet	шершень
раздраженный, взбешенный, опасный	+	-
	wasp	оса
1) вредный, опасный	-	+
2) язвительный	+	-
3) стройный	+	+

Как видно из таблицы, в русской и английской лингвокультуре совпадают некоторые качества, предцируемые человеку, выраженные в переносных значениях названий насекомых и фразеологизмам с ними, например, пчела ассоциируется с трудолюбием, бабочка – с красотой и беззаботностью, муха – с надоедливой помехой, а трутень – с ленью. Отдельные качества не совпадают, и это различие свидетельствует об уникальности картины мира, представленной в английском и русской лингвокультурах.

Список литературы

1. Англо-русский словарь идиом. 5500 наиболее употребительных устойчивых словосочетаний с примерами. М.: «Мартин», 2009. 352 с.
2. Англо-русский учебный словарь: Мы и мир вокруг нас / С.С. Хидекель, М.Р. Кауль. М.: АСТ: Астрель, 2008. 1151 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. URL: <https://dal.slovaronline.com> (дата обращения: 10.12.2019).
4. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 12.12.2019).
5. Карташкова Ф.И., Куражова И.В., Егорова А.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 152 с.
6. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. М.: Флинта: Наука, 2001. 776 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2006. 944 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 12.12.2019).
10. Русский Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 10.12.2019).
11. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.

12. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
13. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический анализ. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 10.12.2019).
15. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский и др.; под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / Сост. М.И. Степанова. Издание 2-е., испр. и доп. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2016. 608 с.
17. Фразеологический словарь русского языка / Сост. И.В. Федосов, А.Н. Лапицкий М.: «ЮНВЕС», 2003. 608 с.
18. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Сост. Л.А. Войнова, В. П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молокова. 4-е изд., стереотип. М.: «Русский язык», 1986. 543 с.
19. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 20014. 832 с.
20. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.12.2019).
21. Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 18.12.2019).
22. Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (дата обращения: 15.12.2019).
23. Longman Exams Dictionary. Harlow: Pearson Educated Limited, 2006. 1834 p.
24. Longman Idioms Dictionary. Harlow: Pearson Educated Limited, 1998. 398 p.
25. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary> (дата обращения: 8.12.2019).

26. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 14.12.2019).
27. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
28. The Oxford English Reference Dictionary / Ed. by J. Pearsall and B. Trumble. Oxford: Oxford University Press, 1996. 1782 p.
29. TheFreeDictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 11.12.2019).
30. Wiktionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 10.12.2019).

References

1. *Anglo-russkiy slovar' idiom. 5500 naiboleye upotrebitel'nykh ustoychivyykh slovosochetaniy s primerami* [English-Russian Dictionary of Idioms. 5500 Most Common Set Expressions with Examples]. М.: «Martin», 2009. 352 p.
2. *Anglo-russkiy uchebnyy slovar': My i mir vokrug nas* [English-Russian Learner's Dictionary: Us and the World around Us]. М.: AST: Astrel', 2008. 1151 p.
3. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. URL: <https://dal.slovaronline.com> (date of access: 10.12.2019).
4. *Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka* [The Map of Words and Expressions of the Russian Language]. URL: <https://kartaslov.ru> (date of access: 12.12.2019).
5. Kartashkova F.I., Kurazhova I.V., Egorova A.V. *Imena zivotnykh kak otrazheniye tsennostnoy kartiny mira v angliyskoy lingvokul'ture* [The Names of Animals as a Reflection of the Value Picture of the World in English Linguoculture]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2009. 152 p.
6. Kuz'min S.S. *Russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar' pe-revodchika* [The Russian-English Phraseological Translator's Dictionary]. М.: Flinta: Nauka, 2001. 776 p.
7. Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [The Russian-English Phraseological Dictionary]. М.: Rus. yaz., 2006. 944 p.

8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguocultural Studies]. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2004. 208 p.
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (date of access: 12.12.2019).
10. *Russkiy Vikislovar'* [The Russian Wikidictionary]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (date of access: 10.12.2019).
11. *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian Cultural Space: Linguocultural Dictionary]: Issue 1. M.: «Gnozis», 2004. 318 p.
12. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and Encyclopedias on Academic]. URL: <https://translate.academic.ru> (date of access: 20.12.2019).
13. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy analiz* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Analysis]. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 288 p.
14. *Tolkovyy slovar' Ushakova onlayn* [The Online Ushakov Explanatory Dictionary]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (date of access: 10.12.2019).
15. *Frazeologicheskiy ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Explanatory Dictionary of the Russian Language]. M.: Eksmo, 2009. 704 p.
16. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian Language]. SPb.: OOO «Viktoriya plus», 2016. 608 p.
17. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian Language]. M.: «YUNVES», 2003. 608 p.
18. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Syvshe 4000 slovar-nykh statey* [The Phraseological Dictionary of the Russian Language: Over 4000 articles]. M.: «Russkiy yazyk», 1986. 543 p.
19. *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Spravochnoye izdaniye: V 2 t. T. 1. M.: Flinta: Nauka, 20014. 832 p.
20. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 15.12.2019).

21. Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 18.12.2019).
22. Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (date of access: 15.12.2019).
23. Longman Exams Dictionary. Harlow: Pearson Educated Limited, 2006. 1834 p.
24. Longman Idioms Dictionary. Harlow: Pearson Educated Limited, 1998. 398 p.
25. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary> (date of access: 8.12.2019).
26. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 14.12.2019).
27. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
28. The Oxford English Reference Dictionary / Ed. by J. Pearsall and B. Trumble. Oxford: Oxford University Press, 1996. 1782 p.
29. TheFreeDictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (date of access: 11.12.2019).
30. Wiktionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki> (date of access: 10.12.2019).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Полякова Елена Александровна, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
karpova_elena@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Polyakova Elena Aleksandrovna, Associate Professor of the English Philology Department
Ivanovo State University
39, Ermak Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
karpova_elena@mail.ru
SPIN-code: 9593-8465

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-252-264

УДК 81'04

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ СОЧЕТАНИЯ «BE + PARTICIPLE I» В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Соколова А.Ю.

Цель. Статья посвящена одному из самых спорных вопросов грамматики английского языка – грамматикализации сочетания «be + Participle I». Лингвисты сходятся во мнениях относительно периода грамматикализации и аспектуальных функций данной конструкции, однако расходятся по вопросу составных элементов, которые участвуют в процессе грамматикализации. Автор ставит целью обнаружить истоки данной конструкции.

Методы. В работе используется вся совокупность методов языковых исследований, включая сопоставительный анализ, контекстуальный анализ семантики, категоризацию, исследование лексико-семантического поля.

Результаты. В статье рассматриваются несколько возможных вариантов. Первый относит начало процесса грамматикализации сочетания (от словосочетания с лексическим локативным значением (*X be at / on V-ing*)) к среднеанглийскому периоду. Второй говорит о наличии предшественника данной конструкции в древнеанглийском языке, который представлял собой сочетание древнеанглийского причастия на *-end* с глаголом «быть». Автор указывает на недостаток каждого подхода и предлагает свои доказательства, основанные на проведенных ранее исследованиях. В статье отмечается, что древнеанглийское причастие на *-end*, утрачивая глагольные функции в среднеанглийский период, не могло стать компонентом будущего грамматикализованного сочетания со значением длительного действия. В глагольную парадигму вместо причастия вписывается отглагольное существительное на *-ng*. Оно

значительно расширяет свои функции в среднеанглийский период и полностью вытесняет древнеанглийское причастие.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания английского языка, в теоретических курсах по грамматике, лексикологии и истории английского языка.

Ключевые слова: грамматикализации; глагольная парадигма; причастие I; история английского языка.

TO THE QUESTION OF THE “BE + PARTICIPLE I” CONSTRUCTION GRAMMATICALIZATION IN THE HISTORY OF THE ENGLISH LANGUAGE

Sokolova A. Yu.

Purpose. The article is devoted to one of the most controversial issues of English grammar – grammaticalization of the combination «be + Participle I». Linguists agree on the period of grammaticalization and aspectual functions of this construction, but disagree on the issue of the constituent elements that are involved in the process of grammaticalization. The author aims to discover the origins of this development.

Methodology. All methods of language research, including the comparative analysis, contextual analysis of semantics, categorization, as well as the study of the lexical-semantic field are used.

Results. The article discusses several possible options. The first relates the beginning of the process of grammaticalization of a combination (from a phrase with a lexical locative meaning (X be at / on V-ing)) to the Middle English period. The second one speaks of the presence of a predecessor of this construction in the Old English language, which was a combination of the Old English participle in -end with the verb “to be”. The author points out the shortcoming of each approach, offering the evidence based on previous studies.

The article notes that the Old English participle in -end, losing verb functions in the Middle English period, could not become a component

of the future grammatical combination with the meaning of continuous action. Instead of the participle, the verbal noun in -ng fits into the verbal paradigm. It significantly expands its functions in the Middle English period and completely supplants the Old English participle.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the practice of teaching English, in theoretical courses in grammar, lexicology and the history of the English language.*

Keywords: *grammaticalization; verbal paradigm; Participle I; history of the English language.*

Введение

Процесс грамматикализации конструкции «be + PRS.PART» в истории английского языка широко исследован [2; 8; 4; 16; 17; 18]. Общая точка зрения заключалась в том, что конструкция получила широкое распространение только в XVII в., до этого времени она использовалась несистематически [13, p. 429].

Не берясь спорить о степени грамматикализации данной конструкции в среднеанглийском языке, стоит отметить, что в среднеанглийский период намечаются основные тенденции этого явления. Причастие I достаточно часто используется с глаголом «быть» именно в предикативном употреблении, обозначая действие, непрерывно продолжающееся длительное время:

- (1) It befel upon a Fryday on Mydsomyr Evyn in rygth hot wedyr, as this creatur was komynge fro Yorkeward beryng a botel
It befell upon a Friday on Midsummer Even in right hot weather, as this creature be.PST.SG coming.PRS.PART from Yorkward bearing.PRS.PART a bottle
“It befell upon a Friday on Midsummer Even in right hot weather, as this creature was coming from Yorkward bearing a bottle” (The Book of Margery Kempe).

Однако, как показало исследование, причастие не всегда употребляется непосредственно сразу после глагола «быть» (наличие позиционной изменчивости), к тому же в одинаковых синтаксических конструкциях (обозначение ограниченного периода времени)

могут использоваться и другие формы глагола. В текстах, например, можно увидеть абсолютно равнозначные предложения, но уже с личной формой глагола:

(2) On a nygth, as this creatur lay in hir bedde wyth hir husband, sche herd a sownd of melodye

On a night, as this creature lie.PST.SG in her bed with her husband, she heard a sound of melody

“On a night, as this creature lay in her bed with her husband, she heard a sound of melody” (The Book of Margery Kempe).

Основы процесса грамматикализации сочетания «be + Participle I» бесспорно закладываются именно в среднеанглийский период. Однако до сих пор не решенным является вопрос о том, что легло в основу данной конструкции.

Обсуждение

В современной лингвистике существует два основных подхода, которые описывают истоки грамматикализации данного сочетания. Первый относит начало процесса грамматикализации конструкции (от словосочетания с лексическим локативным значением (X be at / on V-ing)) к среднеанглийскому периоду. Второй говорит о наличии предшественника данной конструкции в древнеанглийском языке.

Сторонники первого подхода опираются на одну из шести возможных кросслингвистических моделей становления длительных форм, предложенных Б. Хайне: 1) the Location Schema (“X is at Y”); 2) the Action Schema (“X does Y”); 3) the Equation Schema (“X is a Y”); 4) the Manner Schema (“X stays in a Y manner”); 5) the Accompaniment Schema (“X is with Y?”); 5) the Sequence Schema (“X V1 X V2”) [8, p. 269]. Именно первая схема, по мнению самого автора, выражающая отношение к расположению объекта в пространстве, послужила метафорой для передачи временных состояний, неопределенных ситуаций и длительности.

Согласно сторонникам первого подхода развитие конструкции «be + Participle I» можно описать следующей схемой: сочетание глагола «быть» с предлогом и отглагольным существительным “Не

was at/on/in hunting” превращается в “He was a-hunting” и затем в “He was hunting”. Подобное преобразование трудно считать доказательным ввиду малочисленности подобных конструкций в древнеанглийском [11, p. 244; 4, p. 387; 15, p. 1994]. Они действительно получают свое распространение в среднеанглийский период, но уже в измененном виде. Дж. Байби утверждает, что первоначально конструкция указывала на нахождение субъекта в центре деятельности в определенное время. Позднее в процессе развития локутивность переходит в аспектуальность, так как, по мнению Дж. Байби, «быть вовлеченным пространственно в действие, значит вовлекаться в него во времени» [2, p. 136–137].

Однако современное аспектуальное значение конструкции «be + Participle I» подразумевает указание не просто на нахождение субъекта в процессе действия, но и на активное действие субъекта. Б. Стренг в своем исследовании на материале романов XVIII века отмечает, что конструкция «be+V-ing» не встречается после неодушевленных субъектов действия, что говорит об агентивности сочетания [13, p. 443].

Ряд ученых опровергает и возможность редуцирования предлогов на основании 1) большей распространенности предлога «in», который вряд ли мог редуцироваться до «a-»; 2) сосуществовании форм «in» и «a-» вплоть до начала XX века [4; 10; 15; 3].

К тому же пространственное расположение, отмечаемое Дж. Байби, выражает состояние субъекта (как постоянное, так и временное) и теоретически требует, чтобы глагол, от которого было образовано существительное, использующееся в данной конструкции, был глаголом состояния. Однако глаголы действия преобладали в данной конструкции. Ф. Виссер в своей работе демонстрирует распределение *ing*-форм по переходности / непереходности и статичности / событийности [15, p. 1998]. Согласно его данным, предложная конструкция с *ing*-формой чаще всего образуется от непереходных глаголов, называющих действие.

На основании подобных доводов Д. Зигелер делает вывод, что сочетание «be + Participle I», имея глагольный характер и выра-

женную агентивность, этимологически не приравнивается к конструкции «be + on V-ing > be + a-V-ing». Под агентивностью она понимает, основываясь на работах Д. Доути и И. Шлезингера, разновидность аспектуальности, в основе которой лежат такие понятия, как проявление воли, причинности, способности ощущать, движения, изменения [5; 12; 19].

Аспектуальное значение сочетания глагола «быть» с причастием настоящего времени не оспаривается лингвистами, однако его происхождение от словосочетания с лексическим локативным значением (X be at / on V-ing), а причастия от имени, затрудняет трактовку данной аналитической формы, как аспектуальной.

Сторонники второго подхода прослеживают происхождение современных длительных форм еще в древнеанглийском периоде, отмечая появление формы «be + V-ende» задолго до распространения предложной конструкции с локальным значением «be + on V-ing > be + a-V-ing» [4; 9; 10; 11; 14; 16]. В этом случае не ясно, какие исходные элементы подвергаются грамматикализации.

Э. Траггт отмечает три возможных источника длительной формы: be + (a) атрибутивное причастие; (b) аппозитивное причастие; (c) субстантивированное причастие:

- (a) превращение атрибутивного причастия в предикативное: формы, такие как *hie wæron blissiende* “they were happy”, встречаются наряду с такими формами как *hie wæron bliðe*;
- (b) в результате изменения порядка слов аппозитивное причастие в конструкции типа *he wæs on temple lærende his discipulas* превращается в предикативное причастие *he on temple wæs lærende his discipulas* “he was in the temple, teaching his pupils”;
- (c) субстантивированное причастие *hie wæron ehtende cristenra monna* “they were persecutors of Christianmen” превратилось в предикативное причастие “they were persecuting Christian men” [14, p. 188].

Действительно, в древнеанглийском языке причастие использовалось в этих функциях. Агентивность причастия прослеживается в примере (c); в примере (a) отмечается значение признака; значе-

ние процессуальности имеет причастие в примере (с). Но, как отмечалось выше, процессуальность причастия имеет атрибутивный характер и представляет собой лишь указание на свойство субъекта.

Рассмотрим каждый компонент значения формы длительного действия (агентивность и длительность).

По материалам исследования, агентивности причастие практически лишилось еще в древнеанглийский период. Если в поэтических текстах причастие использовалось достаточно широко в субстантивной функции, то в прозаических памятниках это явление значительно сокращается. Так, в тексте поэмы *Beowulf* можно увидеть достаточно большое количество субстантивированных причастий на *-end* со значением «деятель»: *hettend* “*hater*” от глагола *hatian* “*hate*”, *sceotend* “*archer, warrior*” от глагола *sceotan* “*shoot*” и др.

В тексте *Ælfric Homilies* зафиксировано только 4 субстантивированных причастия на *-end*: *Hælend* “*Saviour*”, *Scyppend* “*Creator*”, *Leohtberend* “*Lucifer, light-bearer*”, *Eorþbugigend* “*earth-dweller*”. А значение деятеля передается другими формами, например: *lareow* “*teacher*”, *wyrhta* “*worker*”, *writere* “*writer*”, *melda* “*informer, betrayer*”, *gefylsta* “*aider, helper*”.

Значение агентивности могло этимологически присутствовать в семантике причастия, которое по своему происхождению являлось отглагольным прилагательным. Но, как показало исследование, в древнеанглийский период причастие образовывалось от глаголов активности, которые являются неопредельными, и не подразумевают агентивности, например: *biernan* “*burn*”, *flitan* “*contend, compete*”, *geotan* “*pour, flow*”, *libban* “*live*”, *habban* “*have*”, *nipan* “*darken, grow dark*”, *secgan* “*say, utter*”, *slaepan* “*sleep*” и др.

Д. Денисон также подтверждает в своем исследовании, что причастие не образовывалось от глаголов, имеющих префиксы *a-*, *be-*, *for-*, *ofer-*, *of-*, *on-*, *or to-* [6, p. 399]. Функция этих префиксов, по Л. Бринтону, – выражение предельности, которая обычно ассоциируется с событийными глаголами (глаголами действий) [3, S. 202].

Второй необходимый компонент будущей конструкции со значением длительности – значение процессуальности – присутство-

вало в древнеанглийский период. Оно, хотя и было атрибутивного характера, могло бы, вероятно, преобразоваться в длительность:

- (3) He forlet þæt hus ut wæs gongende to neata sciepena
he leave.PST.SG his house out be.PST.SG going.PRS.PART to
cattle-shed
“he abandoned his house and went to cattle-shed” (The Old English Version of Bede’s Ecclesiastical History).

Но в начале среднеанглийского периода причастие на -nd утрачивает данную функцию. Оно употребляется редко и в основном атрибутивно, указывая на признак субъекта. Так, например, в полном тексте *Ormulum* (около 19000 строк) зафиксировано всего 4 причастия. Причем все они используются в атрибутивной функции:

- (4) wiþþ bærennde lufu “with burning love”
þurh dwallkennde lare “through misleading teaching”
glowennde gledess “burning coals”
þatt stinnckennde lic “that stinking body”.

Таким образом, причастие на -nd в начале среднеанглийского периода сокращает свои функции до номинативных, предикативные функции выполняются в большинстве случаев личным глаголом. Глагольное значение, которое могло быть выражено причастием, чаще передается придаточными предложениями:

- (5) And yit to Cauntyrbery he wan, / Longe or evensong began; / He
rod mylys fyffty
“and yet to Canterbury he won long ere evensong, riding fifty
miles” (Athelston).

Следовательно, древнеанглийское причастие на -end не могло стать компонентом будущего грамматикализованного сочетания со значением длительного действия.

Идеальным образом в данной ситуации по ряду причин в глагольную парадигму вместо утратившего свои глагольные функции причастия вписывается отглагольное существительное на -ng.

Стоит отметить значительный рост количества отглагольных существительных уже в древнеанглийский период. В поэтических текстах зафиксировано всего одно отглагольное существитель-

ное на -ing gemeting – “meeting” (Beowulf). В прозаических памятниках ситуация меняется. Например, в тексте Ælfric Homilies отмечено более 50 существительных на -ing: **leorninga** “learning, study, meditation”, **wilnung** “desire”, geendung “ending”, costnung “temptation”, heorcnung “hearing”, boclung “preaching” и т.д.

Отглагольное существительное в древнеанглийском обозначает либо результат действия (соблазн, желание), либо непрерывный процесс (окончание, слушание, мольба). Обозначение действия непосредственно подразумевает и его участников. Агентивность отглагольного существительного не подлежит сомнению.

Существительное на -ng значительно расширяет свои функции в среднеанглийский период. Помимо только субстантивных функций в древнеанглийском, оно получает атрибутивные, а, в дальнейшем, и предикативные.

В тексте The Book of Margery Kempe (конец 1430-х гг.) с 1 по 20 главу было зафиксировано более 150 примеров употребления причастия. Однако их численное распределение по функциям весьма неоднородно: отмечено значительное преобладание предикативных функций. Зафиксирован лишь один пример, где причастие I выполняет непредикативно-атрибутивную функцию: *brennung lowys* “burning flames”. Более чем в 80% примеров причастие I употребляется в обстоятельственной функции после личных глаголов. При выполнении этой функции причастие имеет явное значение континуальности, обозначая активное непрерывное действие субъекта, на фоне которого происходит основное действие:

(6) *Than the good preyste cam to hir, seying*

Then the good priest come.PST.SG to her, saying.PRS.PART
“Then the good priest came to her, saying”.

Многочисленны также примеры, в которых причастие употребляется после глагола «быть», указывая на агентивность субъекта и континуальность основного действия:

(7) *For, whan the ale was as fayr standyng undyr berm as any man mygth se*

For, when the ale be.PST.SG as fair standing.PRS.PART under berm as any man might see

“For, when the ale was as fair standing under berm as any man might see”.

Впоследствии форма на -ng полностью вытесняет причастие. И именно ing-форма, достаточно часто употребляющаяся с глаголом «быть» в поздних среднеанглийских текстах и не имеющая в этой функции в отличие от причастия на -end значения признака или свойства, грамматикализуется в длительную форму английского глагола.

Подобный процесс преобразования вписывается в схему эволюции частей речи, предложенную Т. Гивоном. Он рассматривает исторический процесс преобразования «существительное – прилагательное – глагол» как переход от сущности к действию: существительные описывают наиболее устойчивые во времени сущности, глаголы – наиболее неустойчивые сущности, способные к быстрым изменениям – действия и события. Между ними располагаются прилагательные [6, p. 320–322].

Именно по этому пути и проходит развитие отглагольное существительное в среднеанглийский период. М. Хаспельмат также отмечает, что причастия (имеется в виду -ng формы) и прилагательные современного английского языка могут рассматриваться как занимающие промежуточные позиции по шкале непрерывного развития частеречных категорий [9, p. 171].

Таким образом, мы видим постепенное развитие функций причастия от существительного через атрибутивность и процессуальность как свойство субъекта непрерывно и последовательно изменяться во времени к длительности как продолжению существования (действия) во времени.

Выводы

В процессе грамматикализации сочетания «be + Participle I» в ранние периоды развития английского языка происходит значительное преобразование причастной формы. Исследование показало, что сочетание грамматикализуется не из конструкции глагола «быть» с предлогом и отглагольным существительным, а именно из сочетания причастия с глаголом. Но в качестве причастия выступает не форма

на -end, широко распространённая в древнеанглийский период, а форма отглагольного существительного, которая постепенно в среднеанглийский период приобретает глагольные функции и вытесняет старую причастную форму. При этом причастие проходит определенный путь развития от номинативности к глагольности. Именно благодаря своим лексическим аспектуальным значениям агентивности и длительности, унаследованным от отглагольного имени и явно проявляющимся в древнеанглийский период, причастие вписывается в новую преобразующуюся грамматическую систему английского глагола.

Источники языкового материала

1. Athelston // Middle English Verse Romances / ed. by Donald B. Sands. University of Exeter, 198, pp. 130–153.
2. Beowulf / ed. by W.J. Sedgefield. Manchester: The University Press, 1910. 344 p.
3. The Book of Margery Kempe / ed. by Lynn Staley. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1996. 262 p.
4. The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by Miller Thomas. Part 1. London: N. Trübner & Co., 1890. 284 p.
5. The Ormulum with the notes and glossary of Dr. R. M. White // ed. by Rev. Robert Holt, Vol. I, II. Oxford: Clarendon Press, 1878.
6. Thorpe B. The Homilies of Ælfric: Vol. I, II. London: Ælfric Society, 1844.

Список литературы / References

1. Brinton L.J. The Development of English Aspectual Systems. Cambridge: CUP, 1988. 319 p.
2. Bybee J., Pagliuca W., Perkins R.D. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
3. Dal I. Zur Entstehung des englischen Participium Praesentis auf -ing // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap 16 / ed. by Carl Johan Sverdrup Marstrander. Uppsala-Wiesbaden: Universitets forlaget, 1952, S. 5–116.

4. Denison D. *English Historical Syntax: Verbal Constructions*. London: Longman, 1993. 545 p.
5. Dowty D.R. On the semantic content of the notion of “thematic role” // *Properties, Types and Meaning Vol. III. Semantic Issues* / ed. by Gennaro Chierchia, Barbara H. Partee, Raymond Turner. Dordrecht: Kluwer, 1989, pp. 69–129.
6. Givon T. *On Understanding Grammar*. New York: Academic Press, 1979. 393 p.
7. Haspelmath M. Passive participles across languages // *Voice. Form and Function* / ed. by Fox Barbara, Hopper Paul J. Amsterdam / Phil.: Benjamins, 1994, pp. 151–177.
8. Heine B. Grammaticalization as an explanatory parameter // *Perspectives on Grammaticalization* / ed. by William Pagliuca. Amsterdam/Phil.: Benjamins, 1994, pp. 255–287.
9. Mitchell B. *An Old English Syntax*, Vol. I. Oxford: Clarendon, 1985. 820 p.
10. Nehls D. On the development of the grammatical category of aspect in English // *Essays on the English Language and Applied Linguistics on the Occasion of Gerhard Nickel’s 60th Birthday* / ed. by Josef Klegraf and Dietrich Nehls. Heidelberg: Julius Groos, 1988, pp. 173–198.
11. Scheffer J. *The Progressive in English*. Amsterdam: North Holland Publishing Co., 1975. 397 p.
12. Schlesinger I.M. *Cognitive Space and Linguistic Case. Semantic and Syntactic Categories in English*. Cambridge: University Press, 1995. 253 p.
13. Strang B. Some aspects of the history of the be + ing construction // *Language Form and Linguistic Variation. Papers dedicated to Angus McIntosh* / ed. by John Anderson. Amsterdam: Benjamins, 1982, pp. 427–474.
14. Traugott E.C. *Syntax* // *The Cambridge History of the English Language*. Vol. 1 // ed. by R. Hogg. Cambridge: University Press, 1992, pp. 168–289.
15. Visser F. Th. *An Historical Syntax of the English Language*. Leiden: Brill, 2002. 2636 p.

16. Warner A.R. English Auxiliaries. Structure and History. Cambridge: University Press, 1993. 307 p.
17. Warner A.R. Extending the paradigm: an interpretation of the historical development of auxiliary sequences in English // English Studies 2, 1997, pp. 162–189.
18. Warner A. R. Predicting the progressive passive: parametric change within a lexicalist framework // Language 71/3, 1995, pp. 533–557.
19. Ziegeler D. Agentivity and the history of the English progressive // Transactions of the Philological Society Volume 97:1. Oxford – Malden: The Blackwell Publishers, 1999, pp. 51–101.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соколова Алина Юрьевна, докторант, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и латинского языков

*Тверской государственный медицинский университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, Тверская область, 170100, Российская Федерация
alinasokolova.tver@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Alina Yurevna, doctoral candidate, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the Department of Foreign and Latin Languages

*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
alinasokolova.tver@yandex.ru
SPIN-code: 5761-8540
ORCID: 0000-0001-5981-2386
ResearcherID: G-6330-2019*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-265-273

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИФОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РИКА РАЙОРДАНА

Темкина В.Л., Мухамедвалиева А.Ш.

Цель. *Статья посвящена средствам отражения античного мира в современной англоязычной художественной прозе. Цель исследования заключается в анализе особенностей использования художественного мифологизма в серии книг Рика Райордана «Percy Jackson and the Olympians».*

Методы исследования *включают в себя анализ научной литературы, метод сплошной выборки материала, метод лингвистического описания данных с элементами экстралингвистической интерпретации фактов языка и контекстуального анализа.*

Результаты. *Изучив исследования значения художественного мифологизма и рассмотрев особенности его использования в произведениях Рика Райордана, мы пришли к выводу, что для лучшего выражения своих идей автор сочетает разные типы художественного мифологизма, которые дополняют друг друга.*

Область применения результатов. *Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены в курсах литературоведения, стилистики, интерпретации художественного текста.*

Ключевые слова: *античная мифология; художественный мифологизм; художественная проза; демифологизация; мифологизация.*

PECULIARITIES OF MYTHOLOGISM IN RICK RIORDAN'S WORKS

Temkina V.L., Muhamedvalieva A.S.

Purpose. *The article is devoted to the means of reflecting the ancient world in the modern English-language fiction. The research objective is*

to analyze the features of mythologism in a series of books Percy Jackson and the Olympians by Rick Riordan.

*The main **methods of the research** are based on the analysis of scientific literature, the continuous sampling method and the method of linguistic description of data with the elements of extra-linguistic interpretation of language facts and contextual analysis.*

***Results.** Having analyzed the existing definitions of mythologism and its use in the works by Rick Riordan, we came to the conclusion that the author combines different types of mythologisms, complementing each other, to better express the author's ideas.*

***Practical implications.** The received results can be used in the courses of stylistics, interpretation of the text.*

***Keywords:** ancient mythology; mythologism; fiction; demythologizing; mythologizing.*

В современной художественной прозе сегодня наблюдается все возрастающий интерес авторов к античной мифологии. Мифы Древней Греции, отражающие «борьбу новых и старых поколений, пластическую красоту, гармонию и порядок олимпийского мира» являются нескончаемым источником вдохновения многих писателей, создавая совершенно иную проекцию их интерпретации [9, с. 74]. Обращение писателей к мифологическим элементам можно отметить на протяжении всей истории мировой литературы, начиная с античных времен.

Изучением мифов в разные периоды времени занимались такие ученые, как греческий философ Эвгемер, Дж. Вико, Ф. Шеллинг, Дж. Фрэнсер, Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейденберг, М. Элиаде, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, Ф.М. Мюллер и другие. Они подробно изучали мифологию, исследовали роль языка в создании мифических сюжетов и происхождении мифологии в целом, создавая основу для более подробного изучения художественного мифологизма. В своих исследованиях они расширили понятия мифологии и неомифологии, уточнили значение мифологических элементов, выделили эксплицитную и имплицитную структуру художествен-

ного мифологизма, в результате чего возникло большое количество толкований и интерпретаций мифов.

Понятия, характеризующие форму мифовляний, часто отличаются неопределенностью и субъективностью, что дает возможность современному писателю использовать приемы художественного мифологизма, удивительным образом перемешивая и комбинируя их между собой. Однако в исследовании данного вопроса до сих пор существует проблема точного определения значения художественного мифологизма, т.к. теоретическая база постижения сущности мифотворчества не имеет целостности и единства. Для создания единой теории мифологии требуется решение ряда непростых научных и философских задач [8].

Упоминание различных сверхъестественных существ и героев в произведении является отличительным, но не преимущественно значимым признаком использования художественного мифологизма, поскольку в этом случае можно говорить лишь об образах и именах, а количество мотивов, которые можно будет считать мифологическими, станет слишком широким и будет невозможно определить художественный мифологизм в литературе. Именно поэтому С.С. Аверинцев считает, что более правомерна ориентация на структуру художественного мифологизма, которая отличается от мифологических мотивов наличием фантастического начала [1].

В своем исследовании мы опираемся на классификацию художественного мифологизма, представленную в работе Дж. Вайта, где он выделяет шесть его типов:

1. Создание совершенно нового мифа, наполняя его нехарактерными для мифологии смыслами и символами.
2. Передача в произведении глубины древнего мифологического мышления, раскрывающего смысл бытия, часто не поддающийся осмыслению из-за нарушения причинно-следственных связей, необычных совмещений имен и пространств или из-за двойничества, оборотничества персонажей.
3. Введение древних мифологических сюжетов в ткань современного повествования.

4. Включение мифологических персонажей в линию повествования, придавая им иной смысл и символику.
5. Обращение к тем пластам сознания человека, в которых еще живо мифологическое мировоззрение.
6. Обращение к архетипам, связанным с постоянными элементами человеческой жизни, такими как дом, дорога, очаг, детство, старость, любовь, болезнь, смерть с притчеобразными элементами [17].

Способность мифов описывать яркую и подлинную реальность стала настоящим помощником в создании современного жанра фэнтези. Многие авторы опираются на мифологию при создании своей выдуманной реальности, или, другими словами, вторичного мира [5].

Наиболее очевидно прослеживается взаимодействие мифов и вторичного мира в произведениях Дж.Р.Р. Толкина, где его собственный мир проработан настолько детально и правдиво, что созданная им реальность не ограничивается лишь его романами. Или в произведениях Дж. Роулинг мифические создания и реалии предстают перед читателями как элементы обычной жизни волшебников. Именно поэтому в нашем исследовании мы решили сконцентрировать свое внимание на творчестве современных англоязычных писателей.

В данной статье мы рассмотрим подробнее художественный мифологизм на примере произведений известного американского писателя и автора нескольких бестселлеров в жанре фэнтези Рика Райордана. В его творчестве сюжет всегда тесно переплетается с античным миром, играющим немаловажную роль в повествовании, при помощи трех основных приемов художественного мифологизма, характерных для современной художественной литературы: ремифологизация, демифологизация и мифологизация [7].

Объектами художественного мифологизма в этих произведениях являются мифологемы – мифы и их элементы, например, сюжет или персонажи, подвергшиеся различным изменениям в процессе написания. Можно разделить их на несколько категорий: мифологические эпизоды, персонажи, локации и артефакты.

Вводя в свои произведения древнегреческих богов, героев и существ в качестве персонажей, Р. Райордан их видоизменяет. Перед нами предстают довольно простые и понятные современному читателю образы:

«A red convertible Maserati Spyder. It was so awesome it glowed. Then I realized it was glowing because the metal was hot. ... The driver got out, smiling. ... This guy had the same sandy hair and outdoorsy good looks. ... The Maserati driver wore jeans and loafers and a sleeveless T-shirt» [15, p. 63].

В этом примере можно увидеть, как трансформации подвергается не только златокудрый сребролукий бог света Аполлон (в период поздней античности олицетворяющий Солнце), но и его солнечная колесница. При этом автор прибегает здесь лишь к частичной демифологизации, а именно – к сознательному уничтожению загадочного в мифе, приближая таким образом действие произведения к современной реальности [7].

Оправдание одновременного сосуществования колесницы и небесного тела объясняется словами самого Аполлона:

«This chariot is built out of human dreams about the sun, kid. It's as old as Western Civilization. ... The chariot is a manifestation of the sun's power, the way mortals perceive it» [15, p. 70].

По Райордану, даже жизнь богов в наши дни имеет право на существование, и для этого есть свои причины:

«Come now, Percy. What you call 'Western civilization.' Do you think it's just an abstract concept? No, it's a living force. A collective consciousness that has burned bright for thousands of years» [12, p. 99].

Хирон (в древнегреческой и фессалийской мифологиях – кентавр, сын Кроноса и Филиры, изначально наделённый бессмертием) объясняет Перси изменчивый и порой весьма странный характер современных западных прогрессивных идей, чтобы объяснить, отчего боги живут в современном мире. Автор раскрывает не только причины существования богов в наши дни, но и причины их трансформаций. Они предстают перед нами уже не просто как высшие существа, а скорее как отражение человеческих чувств, ощущений, желаний, мечтаний.

Р. Райордан, проводя параллели с древнегреческими мифами, показывает, как его сегодняшний герой Перси повторяет подвиги героев прошлого. Вместе с тем автор задается целью рассказать, что могло бы случиться дальше, и раскрыть завесу последующих событий. Он размышляет над темами судьбы, любви, дружбы, извечной борьбы добра и зла и неизбежного влияния на них прошлого, прибегая при этом к мифологизации.

И вот Олимп, священная гора, место пребывания богов во главе с Зевсом в древнегреческой мифологии, вместо абстрактного места превращается в шестисотый этаж Эмпайр Стейт Билдинга, небоскрёба, расположенного в Нью-Йорке на Пятой авеню. Погибшие монстры периодически возникают вновь, и туман скрывает от смертных жизнь полубогов. Главные герои при этом сражаются с Кроносом (в древнегреческой мифологии сын бога Урана и богини Геи. Первоначально – бог земледелия, позднее персонифицировал время), который отчаянно пытается возродиться.

Автор не просто осовременивает мифы, дабы сделать их более понятными, не утрачивая при этом их характерные черты, но, используя аллюзии, пишет совершенно новый, свой собственный современный миф о приключениях героя по имени Перси Джексон.

Несмотря на все изменения, сами мифологические элементы в произведениях достаточно транспарентны для читателя. У каждого явления есть свое логическое объяснение, которое максимально близко описывает современную реальность.

Р. Райордан сочетает в своих произведениях мифологизацию и демифологизацию, описывая персонажей древнегреческих мифов широко и многосторонне, хотя и не вполне и не всегда соглашаясь с оригиналом. Используя в основном именно указанные выше приемы и обращаясь к таким типам художественного мифологизма, как создание нового мифа, введение мифологических сюжетов и включение мифологических персонажей с иным значением в современную линию повествования (классификация, предложенная в работе Дж. Вайта), он не пересказывает сюжеты древнегреческих мифов на

современный лад, а создает новую мифологию, являющуюся продолжением известных мифологических сюжетов.

В дальнейшей работе мы планируем рассмотреть особенности использования мифологизмов и сравнить их в художественных произведениях современных англоязычных авторов.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Античность и современность. М.: МИКИС, 1972. 125 с.
2. Аверинцев С.С., Эпштейн М.Н. Мифы // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 351 с.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Издательство имени Сабашиных, 2004. 314 с.
4. Капишникова Е.Ю., Темкина В.Л. Миф, от истоков к авторской мифологии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика, 2017. № 2. С. 33–38.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 345 с.
6. Мелетинский Е.М. Мифология: иллюстрированный энциклопедический словарь. СПб.: НОРИНТ, 1996. 843 с.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.
8. Найдыш В. М. Мифология. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.
9. Садовская И.Г. Мифология. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с.
10. Стеблин-Каменский М. И. Миф. СПб.: Наука, 2010. 104 с.
11. Фриче В.М. Литературная энциклопедии. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. 768 с.
12. Riordan R. Percy Jackson and the Lightning Thief. New York: Scholastic Press, 2005. 400 p.
13. Riordan R. Percy Jackson and the Sea of Monsters. New York: Scholastic Press, 2005. 279 p.
14. Riordan R. Percy Jackson and the Labyrinth. Hyperion Books for Children, 2008. 361 p.
15. Riordan R. Percy Jackson and the Titan's Curse. Hyperion Books, 2007. 352 p.
16. Riordan R. Percy Jackson and the Last Olympian. Hyperion Books, 2009. 381 p.

17. White J.J. *Mythology in the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques*. Princeton: Princeton University Press, 1971. 231 p.

References

1. Averintsev S.S. *Antichnost' i sovremennost'* [Antiquity and modernity]. Moscow: MIKIS, 1972. 125 p.
2. Averintsev S.S., Ehpshcheyn M.N. *Mify* [Myths]. Moscow: Sov. jenciklopedija, 1987. 351 p.
3. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izdatelstvo imeni Sabashnikovykh, 2004. 314 p.
4. Kapishnikova, E. Yu., Temkina V.L. Mif, ot istokov k avtorskoj mifologii [Myth, from the origins to author's mythology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. Journalistica*, 2017. № 2, pp. 33–38.
5. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of the myth]. Moscow: Mysl', 2001. 345 p.
6. Meletinskiy E.M. *Mifologiya: illyustrirovannyj ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Mythology: an illustrated encyclopedic dictionary]. St. Petersburg: NORINT, 1996. 843 p.
7. Meletinskiy E.M. *Poehtika mifa* [The poetics of myth]. Moscow: Nauka, 1976. 406 p.
8. Naydysh V.M. *Mifologiya* [Mythology]. Moscow: KNORUS, 2010. 432 p.
9. Sadovskaya I.G. *Mifologiya* [Mythology]. St. Petersburg: Aleteyya, 2000. 318 p.
10. Steblin-Kamenskiy M.I. *Mif* [Myth]. St. Petersburg: Nauka, 2010. 104 p.
11. Friche V.M. *Literaturnaya ehntsiklopedii* [Literary encyclopedia]. Moscow: Izd-vo Kom. Acad., 1930. 768 p.
12. Riordan R. *Percy Jackson and the Lightning Thief*. New York: Scholastic Press, 2005. 400 p.
13. Riordan R. *Percy Jackson and the Sea of Monsters*. New York: Scholastic Press, 2005. 279 p.
14. Riordan R. *Percy Jackson and the Labyrinth*. Hyperion Books for Children, 2008. 361 p.

15. Riordan R. *Percy Jackson and the Titan's Curse*. Hyperion Books, 2007. 352 p.
16. Riordan R. *Percy Jackson and the Last Olympian*. Hyperion Books, 2009. 381 p.
17. White J.J. *Mythology in the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques*. Princeton: Princeton University Press, 1971. 231 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Темкина Вера Львовна, заведующий кафедрой английской филологии и методики преподавания английского языка, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
veratemkina@yandex.ru

Мухамедвалиева Альфина Шафхатовна, студент 4 курса факультета филологии
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
alfina55555@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Temkina Vera L'vovna, Head of the Chair of English Philology and Methods of Teaching English, Candidate of Philological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
veratemkina@yandex.ru

Muhamedvalieva Al'fina Shafhatovna, 4th-year Student of the Faculty of Philology
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
alfina55555@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-274-280

УДК 82.09

**ОСОБЕННОСТИ РАЗРУШЕНИЯ «ЧЕТВЁРТОЙ СТЕНЫ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОНАТАНА СТРАУДА***Тильки А.Ю.*

Цель. Статья посвящена исследованию понятия «четвёртой стены» в современной англоязычной художественной литературе. Цель исследования заключается в анализе особенностей использования приёма «разрушения четвёртой стены» в произведениях Джонатана Страуда “Lockwood & Co.” и “The Bartimaeus trilogy”.

Методы исследования включают в себя анализ научной литературы, метод сплошной выборки материала и метод лингвистического описания данных.

Результаты. Проанализировав понятие «четвёртой стены» и особенности её «разрушения», а также рассмотрев это явление в книгах Дж. Страуда, можно сделать вывод о том, что автор намеренно стирает границы между реальным миром и вымышленным для достижения образовательной цели и комического эффекта.

Область применения результатов. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы на курсах литературоведения, интерпретации текста.

Ключевые слова: «четвёртая стена»; художественная литература; художественный приём; читатель; герой; диалог.

**THE PECULIARITIES OF DESTRUCTION
OF “THE FOURTH WALL” IN THE WORKS
OF JONATHAN STROUD***Tilki A.Y.*

Purpose. The article is devoted to the study of the concept of “the fourth wall” in modern English-language fiction. The goal of the re-

search is to analyze the peculiarities of the use of “breaking the fourth wall” technique in the works of Jonathan Stroud Lockwood & Co. and The Bartimaeus trilogy.

Research methods *include the analysis of scientific literature, the method of continuous sampling of material and the method of linguistic description of data.*

Results. *After analyzing the definition of the term “fourth wall” and the features of its “destruction”, as well as considering this phenomenon in the books of Jonathan Stroud, we can conclude that the author deliberately blurs the boundaries between the real world and the fictional to achieve an educational goal and comic effect.*

Practical implications. *The received results can be used in the courses of literary criticism, interpretation of literary text.*

Keywords: *“the fourth wall”; fiction; literary method; reader; hero; dialogue.*

Понятие «четвёртая стена» впервые было использовано Дени Дидро в XVIII в. в связи с появлением «театрального реализма». Сам термин непосредственно связан с концепцией театра и обозначает воображаемую границу, стену между зрителем и актёром [5]. Иными словами, актёры не обращают внимания на зрителей, полностью сосредотачиваясь на драматическом мире. Такое состояние получило название «публичное уединение», то есть всё происходящее на сцене словно отделено от наблюдателей невидимой стеной. Позднее термин вышел за пределы театра, обозначая собой границы между любым вымышленным миром и его зрителями. Его употребление наблюдалось и в других видах искусства таких, как кино, литература, компьютерные игры и др.

«Четвёртая стена», как и любая другая, может быть разрушена. Чаще всего это происходит в кино. В большинстве случаев именно благодаря фильмам люди узнают о таком понятии, как «четвёртая стена». Если говорить о методах разрушения «четвёртой стены», то они бывают разными:

- 1) Обращение героя к зрителю. Заключается в том, что персонаж, глядя в камеру, вступает со зрителем в диалог, коммен-

тирует сюжет, сообщает какую-либо информацию или просто размышляет о чём-то.

- 2) Взгляд на зрителя. Используется в драматичных моментах для усиления напряжения, в качестве приглашения принять участие в жутком действии.
- 3) Отказ от условности. Предполагает открытый выход персонажей за пределы условного пространства, то есть в кадре появляются камеры, микрофоны, члены съёмочной группы, сам режиссёр. Делается это для достижения комического эффекта.
- 4) Отказ от «четвёртой стены». В данном случае действие выдаётся за реальное. Это может быть стилизация под репортаж или съёмка происходящего на любительскую камеру.

Не многие знают, что приём разрушения «четвёртой стены» употребляется и в художественной литературе. Само понятие «четвёртой стены» здесь определяется тем, что персонаж не подозревает о вымышленной природе своего мира и ведёт себя соответствующим образом. А разрушение границы между реальностью и вымыслом происходит тогда, когда литературный персонаж напрямую обращается к читателю с помощью реплики или действия. Бывают случаи, когда в мире книги появляются реальные люди, в особенности сам автор, становятся частью истории. Например, встреча персонажей цикла «Тёмная башня» со Стивеном Кингом. Считается, что такой подход даёт возможность читателю глубже погрузиться в вымышленный мир произведения, заставляет поверить, что все события происходят на самом деле [5].

В данной статье мы рассмотрим понятие «четвёртой стены» на примере произведений Джонатана Страуда, особенность творчества которого заключается в том, что его персонажи берут роль рассказчика на себя и ведут диалог непосредственно с читателем: “You might notice I’d slightly abandoned my attempts at keeping it light-hearted. That was because the thing in the study had already picked up on my agitation, and was now drifting through the door” [6, с. 35]. Здесь мы видим, как героиня объясняет, почему накричала на своего друга.

Иногда герои отвечают на немые вопросы читателей: “Why? Because, entirely unexpectedly, we had stepped out of our world and into another place. Where was this place? That’s hard to say” [8, с. 23].

Или знакомят с другими персонажами: “Have I mentioned Kipps before? He’s a team leader for the Fittes Agency’s London Division... Being diplomatic, I’d say Kipps was a slightly built young man in his early twenties, with close-cut reddish hair and a narrow, freckled face. Being undiplomatic (but more precise), I’d say he’s a pint-sized, pug-nosed, carrot-topped inadequate with a chip the size of Big Ben on his weedy shoulder. A sneer on legs. A malevolent buffoon. He’s too old to be any good with ghosts, but that doesn’t stop him wearing the blingiest rapier you’ll ever see, weighed down to the pommel with cheap paste jewels” [7, с. 21].

Особое внимание следует уделить циклу Дж. Страуда «Трилогия Бартимеуса». В данной трилогии повествование ведётся от лица трёх персонажей, но особенно сильно запоминаются главы, написанные от лица джинна Бартимеуса, так как этот герой постоянно «ломает четвертую стену». Эти главы сопровождаются примечаниями, содержащими собственные мысли и комментарии относительно сюжета и поступков других персонажей. Сам Дж. Страуд упоминал, что джинн со своим саркастичным и грубоватым характером идеально подходит на роль рассказчика, и поэтому расставлять его ехидные сноски автору было вдвойне интересно. Сноски помещаются в квадратные скобки и содержат разного рода информацию. Это могут быть забавные пояснения: “No magical alarm sounded, though I did hit my head five times on a pebble [Once each on five pebbles. Not the same pebble five times. Just want to make that clear. Sometimes you human beings are so dense]” [9, с. 23]. Данное примечание избавляет от недоразумений и показывает, что персонаж не настолько глупый, каким его могли бы считать.

Или воспоминания джинна: “That might be fun: there was bound to be a way of misinterpreting his request and upsetting him [One magician demanded I show him an image of the love of his life. I rustled up a mirror]” [9, с. 15]. Таким образом, читатель также узнаёт немного о прошлом героя.

Более того, примечания включают в себя объяснения устройства мира, в котором происходят события: “My leathery wings moved in strong, slow beats; my eyes scanned the seven planes to the horizon

[The Seven Planes: The seven accessible planes are superimposed upon each other, and each reveals certain aspects of reality. The first includes ordinary material things (trees, buildings, humans, animals, etc.), which are visible to all; the other six contain spirits of various kinds going quietly about their business...]” [10, с. 10]. Дж. Страуд убеждён, что никто не расскажет о своём мире лучше, чем сам персонаж.

Кроме того, приём «разрушения четвёртой стены» служит образовательной цели. Например, когда герой произведения упоминает исторические факты, которые переплетаются с сюжетом, но при этом не теряют своей достоверности. В книге «Кольцо Соломона» в разговоре двух джиннов встречается название города Кадеш. Это реально существовавший город, и джин Бартимеус в примечании рассказывает о битве, которая имела место на территории этого города [11, с. 237]. В произведении во время одного из диалогов также заходит речь о городе Эриду. Благодаря сноскам читатель может создать в своей голове образ этого города [11, с. 15].

Разрушение «четвёртой стены» – интересный приём, и Дж. Страуд мастерски использует его, стирая границы между реальным миром и вымышленным. Помимо этого, к этому приёму обращаются и для того, чтобы добиться юмористического эффекта. А поскольку целевая аудитория писателя – это дети и подростки, то приём «разрушения четвёртой стены» применяется также и для снятия напряжения в тех случаях, когда герои находятся в опасной ситуации.

Список литературы

1. Комаров А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста // Вестник МГИМО университета №5 (26). 2012. С. 215–220.
2. Сафонова Е.В. Формы, средства и приёмы создания комического в литературе // Молодой ученый. 2013. No 5. С. 474–478.
3. Тютелова Л.Г. Проблема «четвертой стены» в русской драме XIX века // Вестник ЮУрГГПУ. 2015. No 1. С. 286–293.
4. Федоткин С.В. К определению понятия «фиктивный зритель» в кино // Вестник славянских культур. 2017. Том 45. С. 232–240.

5. Bell E. *Theories of Performance*. Los Angeles: SAGE Publications, Inc. 2008. 320 p.
6. Stroud J. Lockwood & Co.: *The Screaming Staircase*. US: Disney-Hyperion. 2013. 416 p.
7. Stroud J. Lockwood & Co.: *The Whispering Skull*. US: Disney-Hyperion. 2014. 435 p.
8. Stroud J. Lockwood & Co.: *The Empty Grave*. US: Disney-Hyperion. 2017. 448 p.
9. Stroud J. *The Amulet of Samarkand*. US: Hyperion Books for Children. 2003. 462 p.
10. Stroud J. *The Golem's Eye*. US: Disney-Hyperion. 2006. 562 p.
11. Stroud J. *The Ring of Solomon*. US: Disney-Hyperion. 2012. 416 p.

References

1. Komarov A.S. Mezhlchnostnoe vzaimodeistvie chitatelya, avtora i personazha khudozhestvennogo teksta [Interpersonal interaction of reader, author and character of a fiction literature text]. *Vestnik MGIMO*. №5 (26). 2012, pp. 215–220.
2. Safonova E.V. Formi, sredstva i priemi sozdaniya komicheskogo v literature [Means of creating comical in literature]. *Molodoy ucheny*. 2013. No 5, pp. 474–478.
3. Tutelova L.G. Problema «chetvertoy steny» v russkoy drame XIX veka [Problem of the “fourth wall” in Russian drama of the XIX century]. *Vestnik YuUrGGPU*. 2015. No 1, pp. 286–293.
4. Fedotkin S.V. K opredeleniyu ponyatiya «fiktivnyy zritel'» v kino [Defining the fictive viewer (narratee) in cinema]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2017. Volume 45, pp. 232–240.
5. Bell E. *Theories of Performance*. Los Angeles: SAGE Publications, Inc. 2008. 320 p.
6. Stroud J. Lockwood & Co.: *The Screaming Staircase*. US: Disney-Hyperion. 2013. 416 p.
7. Stroud J. Lockwood & Co.: *The Whispering Skull*. US: Disney-Hyperion. 2014. 435 p.
8. Stroud J. Lockwood & Co.: *The Empty Grave*. US: Disney-Hyperion. 2017. 448 p.

9. Stroud J. The Amulet of Samarkand. US: Hyperion Books for Children. 2003. 462 p.
10. Stroud J. The Golem's Eye. US: Disney-Hyperion. 2006. 562 p.
11. Stroud J. The Ring of Solomon. US: Disney-Hyperion. 2012. 416 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Тильки Александра Юрьевна, студент 4 курса Института межкультурной коммуникации и международных отношений по направлению подготовки «Фундаментальная и прикладная лингвистика»

Белгородский государственный национально-исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская обл., 308015, Российская Федерация

aleksandratilki@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tilki Aleksandra Yurievna, 4th-year Student of Institute of Cross-cultural Communications and International Relations in the field of Fundamental and applied linguistics

Belgorod National Research University

85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russian Federation

aleksandratilki@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-281-300

УДК 81

КОНЦЕПТ 'ЕДА' В РАССКАЗЕ НИКОЛАЯ КОНОНОВА «ЕГЭ В ДВА ЭТАПА»

Унгуриянова Е.А.

Цель. Настоящая статья посвящена изучению языковой репрезентации художественного концепта 'Еда' в рассказе Николая Кононова «ЕГЭ в два этапа». Автор ставит целью выявить основные функции авторского концепта 'Еда'. В соответствии с поставленной целью в работе формируются и решаются следующие задачи: 1. обосновать актуальность концепта 'Еда' для современных лингвистических исследований; 2. изучить языковую репрезентацию концепта 'Еда' в тексте рассказа; 3. выявить роль концепта 'Еда' в формировании смыслового пространства рассказа.

Метод или методология проведения работы. Исследование опирается на следующие методы и приемы: сравнительно-сопоставительное описание, структурно-семантический анализ лексических единиц, анализ словарных дефиниций, историко-этимологическое комментирование.

Результаты. Исследование выявило, что большая часть сцен в рассказе так или иначе связана с едой, которая играет существенную роль в формировании структуры образа персонажей. Концепт 'Еда' участвует в формировании концепта 'Тело', который представлен на эксплицитном уровне. Концепт 'Еда' формирует основу смыслового пространства текста и участвует в формировании концептуальной оппозиции 'Душа-Тело'.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут быть полезны, в частности, при изучении когнитивных особенностей художественных текстов, в интерпретационной лингвистике, при чтении спецкурсов, посвященных современному российскому постмодернизму, а также при разработке лекционных и практических курсов по лингвистике текста.

Ключевые слова: Николай Кононов; «ЕГЭ в два этапа»; концепт 'Еда'; смысловое пространство текста; концептуальная оппозиция 'Душа – Тело'.

THE CONCEPT 'FOOD' «IN TWO-STAGE UNE» A STORY BY NIKOLAI KONONOV

Ungurianova E.A.

Purpose. *The paper is devoted to the study of the linguistic representation of the artistic concept of 'Food' in Two-Stage UNE, a story by Nikolai Kononov. The author aims to identify the main functions of the author's concept 'Food'. In accordance with the goal, the following tasks are set to be solved: 1. to substantiate the relevance of the concept 'Food' for modern linguistic research; 2. to study the language representation of the concept 'Food' in the text of the story; 3. to identify the role of the concept 'Food' in the formation of the semantic space of the story.*

Method or methodology of the work. *The study relies on the following methods and techniques: the comparative description, structural and semantic analysis of lexical units, analysis of vocabulary definitions, historical and etymological commenting.*

Results of the study. *The study revealed that most of the scenes in the story are related to food, which plays a significant role in the formation of the character image structure. The concept is involved in the formation of the concept 'Body', which is presented at an explicit level. The concept 'Food' forms the basis of the semantic space of the text and participates in the formation of the conceptual opposition 'Soul – Body'.*

Practical implications. *The results of this study can be useful, in particular, in the study of the cognitive features of literary texts, in interpretive linguistics, in reading special courses on contemporary Russian postmodernism, as well as in the development of lecture and practical courses on text linguistics.*

Keywords: *Nikolai Kononov; Two-Stage UNE; concept 'Food'; semantic space of the text; conceptual opposition 'Soul - Body'.*

Прием пищи, во всем своем многообразии, является ключевым фактором жизнедеятельности человека. Исходя из этого, становится очевидно, что процесс питания выражается при помощи совокупности различных культурных концептов, к числу которых относятся 'Еда' и 'Пища'. На наш взгляд, концепт 'Еда' является доминирующим, это обусловлено его значением. Согласно Большому толковому словарю русского языка под ред. А.С. Кузнецова, *еда* – это – «1) процесс принятия, поглощения пищи; 2) то, что едят и пьют» [10, с. 294]; *пища* – 1) «то, что едят и пьют, что служит питанием»; 2) «то, что служит источником чего-л., дает материал духовной, интеллектуальной деятельности» [Там же, с. 835]. Лексикографические дефиниции позволяют думать, что именно слово *еда* следует избрать в качестве имени соответствующего концепта. Концепт 'Еда' имеет сложную смысловую структуру, именуя как сам процесс поглощения пищи, так и то, что поглощается. Концепт 'Еда' репрезентируется лексико-семантической парадигмой, в составе которой *еда, пища, питаться, есть, пить* и т.д.

Концепт 'Еда' – один из значимых культурных элементов русского ментального мира. Отметим тесную связь заявленного концепта с другими ключевыми элементами русской концептосферы: 'Душа', 'Тело', 'Жизнь', 'Смерть'. Эта связь обусловлена особенностями мифологического мышления, где *еда* представлялась сложным знаковым комплексом, вовлеченным в ритуальную жизнь общества. Говоря о еде, О.М. Фрейденберг отмечает, что трапеза, помимо своего основного значения – утоления голода и жажды, была тесно связана с «разного рода жизненно важными отрезками человеческого существования» [26, с. 54]. Черты архаичного осмысления пищи отражены в языческих и религиозных праздниках, обранных ритуалами, сопровождающими прием пищи. Эти праздники сопряжены с «идеей о вкушении хлеба как спасении и еде как воскресении» [Там же, с. 54]. Следует отметить, что в архаичном сознании еда была тесно связана с идеей преодоления смерти и воскрешения, так как «проглатывая, человек оживляет объект еды, оживая и сам» [Там же, с. 64]. Примечательно, что для первобытно-

го мышления понятия «жертвовать» и «съесть» – идентичны, из-за чего акты еды и смерти находились в состоянии «совпадения». Жертвоприношение в архаичных представлениях осмыслялось как «съесть», т.е. спасти, сделать смерть жизнью. Интересны архаичные представления о связи пищи и души, согласно которым, душа осмыляется как «(1) уменьшенное подобие человека, его двойник, которому для поддержания жизни необходимо питание» [25, с. 210]», как «(2) аналог желудка, поглощающего пищу и питье» [15, с. 145]. Таким образом, взаимосвязь пищи с такими концептами, как ‘Жизнь’, ‘Смерть’, ‘Тело’, ‘Душа’, демонстрирует сложную смысловую структуру концепта ‘Еда’.

На сегодняшний день проблема определения структуры и содержания концепта ‘Еда’ вызывает интерес исследователей различных областей научного знания – лингвистов, культурологов, философов, психологов, психолингвистов. Отмечается возросший интерес ученых к изучению этимологических и лексических аспектов заявленного концепта в русском и других языках. Этой проблеме посвящены работы О.Г. Савельевой [19]; И.А. Курбанова, О.В. Кучкильдиной [11]; Н.С. Марушкиной [16] и др. Отметим отдельно ряд работ, посвященных изучению языковой репрезентации концепта ‘Еда’ на материале художественных текстов: Т.Н. Куренкова [12]; Э. Рудаковская-Борисова [18]; А.М. Павлов, М.А. Ладога [17], Е. Деготь [5] и др. Возросший интерес к теме еды в русской литературе обусловлен тесной связью концепта ‘Еда’ с репрезентацией художественного мира писателя. Особое место занимает тема еды в творчестве постмодернистов, в частности, Н. Кононова.

Николай Михайлович Кононов – яркая фигура современной русской литературы. Кононов дебютировал в 1981 г. как поэт, к прозе обратился позднее. Первые его прозаические произведения датированы началом 90-х гг. В 2012 г. был написан рассказ «ЕГЭ в два этапа» и включен в сборник рассказов «Саратов» (2012). Изучение языка прозы Н. Кононова началось с работы Т.Г. Кучиной [13], где исследуются структурно-семантические функции разветленной системы метафор из сферы фото- и киноискусства, на которую опира-

ется повествование кононовских романов «Похороны кузнечика» и «Нежный театр». Затем появились исследования М.А. Дмитриховской [6; 7], А.В. Скрыбиной [21], Е.А. Лазаревой [14], цель которых заключалась в реконструкции авторского метода смысло- и текстосложения, опирающегося на игровые возможности языка вплоть до использования мультязыкового анаграмматического кода и переосмысления языковых категорий.

Насколько нам известно, работ, посвященных изучению языковой репрезентации художественного концепта 'Еда' в произведениях Н. Кононова нет. Однако значимость заявленного концепта в творчестве писателя очевидна. Это обусловлено тем, что в произведениях Н. Кононова на первый план выходит материально-телесное начало жизни, включающее образы самого тела, вещей, описания процессов жизнедеятельности организма. Реализация «пищевой» темы Н. Кононова различна и многогранна: от отдельного мотива («Микеша», «Гений Евгении», «Амнезия Анастасии») до одной из центральных тем («ЕГЭ в два этапа», «Светотомия»). На примере рассказа «ЕГЭ в два этапа» изучим, как решается проблема языковой репрезентации художественного концепта 'Еда', выявим функции заявленного концепта в смысловой структуре данного художественного текста, а также проследим его связи с другими ключевыми элементами русской концептосферы.

Жизнь главного героя, достигшего подросткового возраста, описана эпизодически. Его родители, находясь в разводе, заняты поиском новых спутников жизни, поэтому никому из них нет дела до собственного сына. Воспитанием ребенка занимаются бабушки, не чающие души во внуке. Подросток, выращенный в атмосфере вседозволенности и безнаказанности, превращается в избалованного недоросля, интересы которого не выходят за границы холодильника и игровой приставки.

Родители, понимая, что по окончании школы сын не сможет успешно сдать выпускные экзамены и поступить в ВУЗ, хотят решить проблему коррупционным путем. Однако введение ЕГЭ нарушает их планы. В то же время в жизни отца главного героя появля-

ется очередная пассия; преследуя личные интересы (стать законной супругой), молодая женщина берет на себя ответственность за подготовку новоявленного пасынка к ЕГЭ. При подготовке к экзаменам между ними возникает физическая близость, которая положительно сказывается на качестве обучения: «вдохновленный» опытной наставницей, парень успешно сдает экзамены. По этому поводу накрывается стол. Во время застолья между гражданской женой отца и бабушкой главного героя (догадывавшейся о связи невестки с внуком) возникает ссора. Молодая женщина принимает решение уйти из семьи и забрать с собой «самое дорогое» (главного героя). Повествование обрывается на мифологизированных воспоминаниях бабушки о «похищенном» безгрешном внуке.

Обратим внимание на то, что герои рассказа безымянны. При характеристике главного героя вместо имени собственного используются не только нейтральные или уменьшительно-ласкательные номинации: *мальчик (6), малец, малыш, малепуленька, дитяте, деточка (2), ребенок (3), отрок, отпрыск, сиротинушка, богатырь, едок (2), голодный, парень, егэшник*, но также и прозвища, содержащие негативную авторскую оценку: *толстячок-обжорка, недо-росль, кабан, марал (8), конь*.

Отсутствие имени у главного героя не случайно. С одной стороны, автор, лишая главного героя имени, дает понять, что перед нами история не одного человека, а история современного общества потребления с происходящей в нем деградацией и подменой ценностей. Главный герой – фантом, наделенный такими негативными качествами, как невежество, ограниченность, эгоцентризм, равнодушие и т.д. Данные характеристики, в первую очередь, отражены в языке героя. Известно, что язык и мышление тесно связаны друг с другом. Эта связь интересовала исследователей различных областей научного знания. Э. Сепир и Б.Л. Уорф, разработавшие в 30-х гг. XX в. гипотезу лингвистической относительности, отмечали, что «конкретный язык как система понятий определяет своеобразие мышления носителя этого языка» [20, с. 23]. Следуя Сепиру и Уорфу, можно сказать, что любая личность проявляет себя

через коммуникацию. Язык главного героя – скуден, что говорит о его ограниченности. Сниженный стиль речи героя рассказа подчеркивается с помощью использования жаргонных слов – *родаки*, *не катит*; молодежного сленга – *отстой*, *воще* (в знач. ‘вообще’); фонетических просторечий – *хошь* (в знач. хочешь), *чё* (в знач. что), *это ж* (в знач. это же), *бабушк*; стилистически сниженной лексики, например, в следующих высказываниях: «...это тебе, бабушк, как папа говорит, *херня*...» [9, с. 118], «...вы послушайте, а...да это ж *нах* что такое...» [9, с. 119].

С другой стороны, отсутствие имени сопряжено с отсутствием «души» главного героя, который погряз в рутине бесцельности существования. Нам представляется возможным, что в рассказе находят свое отражение древнеегипетские взгляды на душу, согласно которым имя – составная сокровенная часть человека, одна из его душ – Рин. Утрата или отсутствие имени не позволяет другой душе – Ка (энергетическому двойнику человека) пребывать в земном мире и, следовательно, воссоединиться с телом после смерти человека [27]. В рассказе Кононова, в отличие от мифопоэтических воззрений Древнего Египта, главный герой, лишенный имени, теряет душу при жизни, что позволяет считать его условно мертвым. Для характеристики героя можно использовать выражение «мертвая душа». Благодаря чему, достраивается связь рассказа с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души», название которой можно толковать метафорически.

Согласно общим представлениям о связи души и тела, становится очевидно, что после того, как душа покидает тело, последнее перестает функционировать, а следовательно, нуждаться в чем-либо. В рассказе Николая Кононова все с точностью до наоборот. Несмотря на то, что тело главного героя «бездушно», смерть не наступает, физиологические процессы организма продолжают, и существование достигает высшей степени выражения, подчеркивая тем самым телесность главного героя. Одним из таких процессов является питание. По архаическим представлениям, данный процесс актуален не только для живых, но и для мертвых. В рассказе прослежи-

вается рецепция различных народных верований, согласно которым после смерти человека остается его двойник, которого необходимо постоянно кормить для поддержания жизни.

Концепт 'Еда' в рассказе представлен рядом лексических единиц. В качестве лексем, репрезентирующих концепт, в тексте функционируют *аппетит* (3), *еда* (4) и производное от него *едок* (2), *незаглоченная*, *съедобный*, *голод*, *голодный* (2), *покормить*, *попить*, *поилка*, *кормушка*, *съесть*, *сладкий*, *пищевой*; а также ряд стилистически сниженных лексических единиц: *сжирать*, *жрать* (2), *спорить*, *заглотить*, *стянуть*. Следует отметить, что глагол *жрать* и производный от него *сжирать* – лишены значения, связанного с голодом. Жрать – это «есть жадно и много» [4, т. 1, с. 600]. Использование данных глаголов подчеркивает животное-инстинктивный характер потребления пищи главного героя; на протяжении всего повествования он представлен как постоянно потребляющий пищу. Вот как описываются его трапезы: «я не однажды заставал едока выразительно перемазанным фаршем, иной раз изо рта у него торчала не заглоченная до конца колбасная бечева» [9, с. 114], «он погружал толстое лицо прямо в тарелку, миску, плошку, сковороду или вообще в кастрюлю» [Там же, с. 114], «возникает впечатление, что у мальчика день варенья, так как вся еда уже его, просто окружила самодвижно несколькими рядами юного едока» [Там же, с. 115]; «мальчик спорол весь закусон к девяти бутылкам водки на пятерых мужиков<...>даже не икал» [Там же, с. 118]; «ему ничего не стоило растолкать<...>бабушку и вытребовать несколько шмавов курочки» [Там же, с. 115]. Потребность главного героя в пище перечеркивает все, что связано с духовной работой (осмысливать что-либо, заботиться о ком-либо, любить и т.д.): «им безраздельно владел аппетит» [Там же, с. 114], «мальчику на все было глубоко наплевать» [Там же, с. 117].

Обратим внимание на то, что основной пищей в меню главного героя являются полуфабрикаты: «печка СВЧ<...>выплывала таблетки пиццы, безвкусные и бесполезные, как аспирин с томатом» [Там же, с. 117]; «иногда в электрочайнике, беснуясь и стуча, вари-

лись сосиски» [Там же, с. 117]. Такое меню в очередной раз подчеркивает родительскую заброшенность и сиротство главного героя. Постоянное потребление им пищи осмысливается как средство, помогающее заглушить личные проблемы и недостаток внимания со стороны родителей, которые утоляют только физиологические потребности ребенка, организуют досуг, заваливают дорогими гаджетами, необходимыми для «воспитания с образованием» [Там же, с. 117]. У существительного *воспитание* несколько значений. Если в первом значении под воспитанием понимается забота о вещественных и нравственных потребностях малолетнего до его совершеннолетия, то во втором – «вскармливать, возвращать (о растении), кормить и одевать до возраста» [4, т. 1, с. 312]. Именно во втором, «приземленном» значении лексема употребляется в контексте рассказа, что сужает ее валентность и приближает к лексеме «питание». Такое приближение в очередной раз подчеркивает преобладание телесного начала в характеристике героя рассказа.

На протяжении всего повествования многократно всплывает тема голода: «им *безраздельно владел аппетит*, и он, когда опознавал объекты съедобными, принимался их сжирать» [9, с. 114]; «бабушка кидалась, в чем была, к глубоко спящей плите, чтобы ублажить *голодного*» [Там же, с. 115]. Примечательно, что *голод*, *голодный* и семантически близкие лексические единицы выполняют в тексте также неизосемическую функцию: обозначают не только процесс потребления пищи, но также употребляются в метафорическом значении. Например: «с *голодным* азартом они [главный герой и игровая приставка] смотрели друг на друга, не утоляя ни азарта<...>ни *голода*...» [Там же, с. 117]; «гнившая в глубокой тоске мать *алкала* (в знач. испытывала голод [4, т. 1, с. 65]) романтических чувств» [Там же, с. 116]. Голод, в данном случае, приобретает символическое значение, подчеркивающее внутреннюю пустоту, потерю души. Главный герой бессознательно маскирует эту потерю восполнением тела: «не менялось ничего, кроме размеров мальчиковой одежды» [Там же, с. 117].

Герой не мыслит свою жизнь без еды. У него избыточная масса тела. В тексте несколько раз подчеркивается упитанность главного

героя: «толстый неопрятный мальчик» [Там же, с. 114], «толстячок-обжорка» [Там же, с. 117]. Номинации *кабан*, *марал* (8), *конь*, *парнокопытный* также подчеркивают «тучность» героя, а также его связь с животными: «[он] увлеченно играл в самые тупые компьютерные игры, в такие... где лишь стрельба по сильно пикселизированным мечущимся от кормушки к поилке кабанам или нагромождение цветных съедобных кубиков в столбики – одного на другой, одного на другой... это напоминало ему еду, которую он так любил, – беззаветно и невыносимо» [Там же, с. 115]. Характеризуя процессы питания героя, Н. Кононов, в некоторых случаях использует глагол *кормить*: «его ведь обычно только *кормили*, а тут – и *кормят*, и хвалят» [Там же, с. 124]. Одно из значений этого глагола – «давать пищу животным» [4, т. 2, с. 168]. Отождествление главного героя с животными, с одной стороны, подчеркивает его пустоту, безликость, преобладание телесного начала, и, в то же время, достраивает переход к концепту 'Душа'. Нам представляется, что это достигается с помощью мультязыкового перехода: эквивалентом русского существительного *животное* является английское *animal*: животное, зверь, которое паронимично латинскому слову *animalis*, от лат. *anima* (воздух, душа).

Сравнения героя с животным и постоянный акцент на употреблении им пищи наглядно иллюстрируют связь пищи концептами 'Жизнь' и 'Душа'. Лексема *животное* относится к числу дезтимологизированных слов с древнейшим корневым *-gi-* и является производным от «живот» в значении «часть тела, в которой расположены органы пищеварения», «желудок» [8, с. 82]. Очевидна рецепция архаичных представлений о душе, как уменьшенном подобии человека, которому необходимо питание и уподоблении души аналогу желудка, поглощающего пищу и питье. Душа главного героя становится аналогом желудка, который всегда нуждается в заполнении. Он все время потребляет пищу, которую поглощает и перерабатывает желудок для обеспечения жизнедеятельности организма. Он ест, и тем самым как бы фиксирует свое существование (чувствует в себе душу). Питание, в данном случае, становится

способом заполнения внутренней пустоты, а живот (желудок) выступает в роли посредника между телесным и духовным началом.

Известно, что процесс потребления пищи неразрывно связан с отходами жизнедеятельности организма. Это связь актуализируется в рассказе. На наш взгляд, такой прием используется автором для «утяжеления» персонажа: «[главный герой] опростался пенной водяной слизью, обильными писями и изощренно зеленым поносом на белоснежные покровы» [9, с. 116]. Также в рассказе заявлена лексема *гнить* и произведенный от нее неологизм *гнилторг*. Образ гноя в рассказе выполняет различные функции; он используется не только для характеристики продуктов питания: «а там [в магазине] все одно *гнилторг*, как баннерами со стихами не украшай» [Там же, с. 122]; но и для изображения внутреннего состояния персонажей рассказа: «*гнившая* в глубокой тоске мать» [Там же, с. 116]; которую можно характеризовать как «сгнившую». «Гниль», в данном случае, приобретает аллегорический смысл, подчеркивает внутренний распад и моральное разложение женщины, зацикленной на построении личной жизни: «мать... легко доставалась первому, кто казался ей не совсем кабаном, а кабаньим принцем» [Там же, с. 116].

Отсутствие каких-либо познавательных интересов, умственная ограниченность, постоянное потребление пищи говорит о бессмысленном, убогом, физическом существовании героя. Подобная жизнь русской ментальностью характеризуется как «растительная». В контексте сопоставлений главного героя с растениями преобладание телесного начала над душевным становится еще очевидней. Герой и его жизнь описываются номинацией *отпрыск* (в знач. молодой побег дерева [4, т. 2, 750]) и лексемами с корнями *-раст/-рос*: «у них (бабушек) точно больше ничего не было в смысле надежд на прекрасное, прямо растущее на глазах [9, с. 115]», «он рос, переходя из одной жуткой школы в еще более отвратительную» [Там же, с. 117], «ребенок возрастал уютно в своей каморке» [Там же, с. 117], «растущее на глазах мужское тело» [Там же, с. 125], «он (отец) пытался что-то с взрослеющим недорослем поразбираться из точного» [Там же, с. 119].

Сравнивая героя с недорослем, Н. Кононов отсылает читателя к одноименной комедии Д.И. Фонвизина. Так, в России XVIII в. Слово *недоросль* имело значение «Молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший еще на государственную службу» [10, с. 620], но под влиянием комедии Д.И. Фонвизина формируется переносное значение: «Глуповатый, малоразвитый-юноша; недоучившийся, неразвитый человек» [Там же, с. 620]. К герою, как и к Митрофану, применимы оба значения (оба героя не достигли совершеннолетия, малоразвиты, ни к чему не стремятся, их круг интересов ограничен пищевой зависимостью). Про таких говорят: «растет как сорная трава».

В скрытом языковом сравнении главного героя с травой прослеживается связь с мифопоэтической традицией, согласно которой, как отмечает В.Н. Топоров: «трава нередко выступает как символ простых людей, покорности, подчиненности, безвестности, неприметности» [22, с. 371]. Трава олицетворяет природное, естественное начало главного героя, которого пугает все интеллектуальное, культурное, что в очередной раз подчеркивает его примитивный уровень развития: «[он] с какой-то изможденной силой не хотел ничем пристойным интересоваться» [9, с. 114], «хоть армии марал и боялся отчаянно в душевном смысле, а учиться все равно физиологически не мог» [Там же, с. 124].

У подростка две страсти: употребление пищи и увлеченность примитивными компьютерными играми, гаджетами и прочими предметно-вещевыми атрибутами, который выполняют важную функцию в формировании концепта 'Тело', актуального для характеристики главного героя: «он увлеченно играл в самые тупые компьютерные игры» [Там же, с. 115]; «не было таких игровых приставок, которыми бы он не овладел после первой просьбы обиженным сиротским голоском, и не было таких аквапарков в разных климатических зонах, где бы он не изощрял свой разнообразный досуг» [Там же, с. 115]; «мальчик был, например, прекрасно осведомлен в ценах на бытовую технику» [Там же, с. 118]; «считал деньги малец в уме ах как хорошо, прекрасно ориентировался в курсах валют» [Там же, с. 119].

Вещевой мир и мир человеческих отношений в тексте приравнивается к миру пищевому с помощью создания метафорических образов, в основе которых используется «пищевая» лексика: «мальчик, ведь мог и переметнуться туда, где наказывать не будут, а только *облизывать*» [Там же, с. 115], «начинало казаться, что вещный мир он будет тоже поглощать с парадоксальным *аппетитом* и без усталости» [Там же, с. 119]. Главный герой, в буквальном смысле, съедает этот мир, заполняя тем самым внутреннюю пустоту. Благодаря такому приему, тело главного героя как бы выходит за свои границы, оно «глотаёт, поглощает, терзает мир, вбирает его в себя, обогащается и растёт за его счёт» [1, с. 181]. Уподобление мира объекту питания созвучно не только с одним из древнейших сюжетов мысли и образа, а также находит свое отражение в размышлениях современных философов, например, М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова. Так, по Булгакову, человек воспринимает окружающий нас мир с помощью поглощения, поедания и потребления: «Мы едим мир... В своей совокупности это потребление мира, бытийственное отношение с ним... обосновывает все наши жизненные процессы. Сама жизнь в этом смысле есть способность потреблять мир» [2, с. 70].

В сознании героя любовь и физическая близость также сопряжены с процессом приема пищи. Более того, еда становится первым шагом к сближению: совместная трапеза сожительницы отца и его сына стала прелюдией физической близости. Кононов представляет прием пищи как эротическую сцену: «целовалась-то поначалу с куском котлеты: стянет шмат жратвы и сразу губы подставляет» [9, с. 126]. Чувства к женщине и еде ассоциативно связаны в сознании главного героя и выражены в тексте рассказа с помощью слова *любить* и его производных: «это напоминало ему еду, которую он так любил, беззаветно и невыносимо» [Там же, с. 115]; «прости. Моя любимая К., ты не тетя» [Там же, с. 126]. Физическая близость в рассказе характеризуется словом *сладкий*: «вот если бы я была законная жена<...>то разве я с пасынком родименьким на такое сладкое дело решилась?» [Там же, с. 126]. *Сладкий* этимологически родственно глаголу *наслаждаться*. Стремление главного героя насла-

даться реализуется в различных ситуациях: сначала это проявляется в тяге к еде и гаджетам, затем фиксируется на физической любви. На первый взгляд кажется, что между героями существует только телесная близость, которая заменяет духовную ввиду отсутствия души у героев и, также, как и страсть к еде, имеет негативную окраску, так как связана с преобладанием физиологических инстинктов и потребительским отношением к жизни. Однако, концепт 'Душа' репрезентируется здесь на имплицитном (скрытом) уровне.

Любовные отношения главного героя наполняют его жизнь определенным смыслом. Эмоции, испытываемые героем, пробуждают и питают его душу, заставляют стремиться к большему. Ранее ничем не интересующийся парень, окрыленный любовью, начинает проявлять интерес к учебе, что приводит к положительным результатам на экзамене. Любовь, в данном случае, является «пищей» для души главного героя. Сожительница отца, в буквальном смысле, *вдохновляет* подростка на успешное обучение. Слово «вдохновить» в тексте не заявлено, однако, на наш взгляд, актуализируется автором. Таким образом, создается текстовая ситуация, позволяющая достроить переход к концепту 'Душа', т.к. лексема *вдохновить* восходит в общеиндоевропейскому корню **dhou* и родственна представленным в рассказе словам, связанным с дыханием и душой: *духи* (2), *вдыхать*. Эти лексемы участвуют в формировании концепта 'Запах'.

Примечательно, что в рассказе только два персонажа наделяются запахом: главный герой и сожительница отца. Герою присущ запах пота, героиня пользуется парфюмом. Обладание запахом приобретает значение констатации жизни главных героев, подчеркивает их индивидуальность, а также, благодаря использованию слов, имеющих общий индоевропейский корень «**dhou*»: *духи* (2), *вдыхать*; и слов с праславянским корнем «*onija*»: *пахнувший*, *обонять*, *нюхать*, создается текстовая ситуация, позволяющая достроить переход к концепту 'Душа': «[главный герой] заматеревший в *пахнувшего* тренировками кабана» [Там же, с. 124], «а та [мачеха] еще такой парфюм употребляет, что как *нюхнешь*, так *чихнешь* тут же в три

ручья» [Там же, с. 121], «*духи, душа* моя, веками составлялись так, чтобы мужчине женщину хотелось бесконечно *вдыхать, обонять*, неторопливо *нюхать*» [Там же, с. 122].

Заглавия в произведениях Н. Кононова никогда не бывают случайны. Известно, что название литературного произведения – один из «важнейших элементов моделирующей системы текста» [23, с. 131], его эстетической и смысловой организации. Заглавие, как отмечает Фоменко И.В., имя текста, которое «формирует установку на предпонимание всего текста» [24, с. 113]. Использование Н. Кононовым в заглавии «ЕГЭ в два этапа» сложносокращенного существительного ЕГЭ задает тематику повествования. При учете межъязыковой омонимии: русск. *егэ* и англ. *ege* достраивается переход к концепту 'Еда', т.к. употребленное в именительном падеже англ. слово *ege* совпадает с русским существительным «еда», употребленным в дательном падеже «еде». Исходя из возникших ассоциаций, мы можем прочесть название рассказа как: «ЕДА в два этапа». Из этого названия мы можем предположить, что концепт 'Еда' играет важную роль в формировании смыслового пространства рассказа, содержание которого не исчерпывается эксплицитным (явным) уровнем, но включает также имплицитный (скрытый) уровень. Таким образом, название рассказа – «ЕГЭ в два этапа» задает скрытое звучание темы еды, которая играет существенную роль в формировании структуры текста. Еда, выступая посредником между (соматическим) телесным и духовным началом, задает сюжетный фон, на котором разворачивается повествование.

Мотив еды относится к одному из сквозных мотивов в творчестве Николая Кононова. Переосмысляя народные, религиозные и философские представления о еде, Н. Кононов создает рассказ «ЕГЭ в два этапа». Концепт 'Еда' преломляется в разных контекстах и формирует «смысловое ядро» рассказа: участвует в моделировании персонажей, является выражением авторской оценки. Прием пищи в рассказе выходит за рамки физиологии пищеварения и отражает ментальную сторону жизни героев, раскрывает их внутренний мир. Это позволяет говорить о том, что пища выступает

в роли посредника между соматическим (телесным) и духовным началом и тесно связана с ключевыми для русской картины мира концептами ‘Душа’, ‘Тело’, ‘Жизнь’, ‘Смерть’. Эта связь порождает систему образно-смысловых парадигм, находящихся в ситуации полифонического диалога. На наш взгляд, такой прием позволяет привлечь внимание к духовным процессам и восприятию мира, которые осмысляются как важные, отвечающие за жизнь человека.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 536 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 464 с.
3. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л.: Просвещение, 1984. 272 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рипол классик, 2006.
5. Деготь Е. Еда и питье в русской литературе // Коммерсантъ. 1996. № 56. С. 13.
6. Дмитровская М.А. Коли муза Клио: История души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланер» // Новое литературное обозрение. М., 2014. №4. С. 166–184.
7. Дмитровская М.А., Иванова Е.Т. От экфрасиса к автобиографии (Рассказ Николая Кононова «Светотомия») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер: Филология, педагогика, психология. Калининград. 2019. №1. С. 51–60.
8. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: СПбГУ, 2000. 322 с.
9. Кононов Н.М. ЕГЭ в два этапа // Саратов. М.: Галеев-Галерея, 2012. С. 114–128.
10. Кузнецов А.С. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2001. 1534 с.
11. Курбанов И.А., Кучкильдина О.В. Этимологические и лексические аспекты концепта «Еда» в русском, английском и немецких языках // Вестник ЧГПУ. 2012. №11. С. 273–288.

12. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово., 2008. 248 с.
13. Кучина Т.Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в: Перволичные повествовательные формы: Автореф. дис. ... д-ра.филол. наук. Ярославль, 2009. 45 с.
14. Лазарева Е.А. Соотношение концептов «Душа-Тело» в рассказе Н. Кононова «Гений Евгении»: уровни явной и скрытой семантики // Слово ру: Балтийский акцент. Калининград. 2016. №2. С. 31–40.
15. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. Москва., 1996. 416 с.
16. Марушкина Н.С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур: Автореф. дис. ...канд. культуролог. Иваново, 2014. 25 с.
17. Павлов А.М., Ладога М.А. Образы еды и питья в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Критика и семиотика. 2006. № 9. С. 78–91.
18. Рудаковская-Борисова Э. Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Тарту., 2005. 179 с.
19. Савельева О.Г. Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар., 2006. 270 с.
20. Сепир Э. Определение языка // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 28–43.
21. Скрябина А.В. Письмо к самому себе: О проблеме коммуникации в картине мира Николая Кононова (на примере рассказа «Амнезия Анастасии») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград., 2013. № 2. С. 135–140.
22. Топоров В.Н. Растения. Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980.
23. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 640 с.
24. Фоменко И.В., Минько О.Н. Имя текста как семантический конструкт // Имя текста и имя в тексте: сб. научн. тр. Тверь., 2004. С. 103–113.

25. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М.: ТЕРРА – книжный клуб, 1998. 831 с.
26. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 299 с.
27. Шапошников А.К. Древнеегипетская книга мертвых. Слово Устремленного к свету. М.: Эксмо, 2011. 368 с.
28. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 536 с.

References

1. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i renessansa* [The Works by François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. 536 p.
2. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaystva* [The philosophy of the economy]. M.: Nauka, 1990. 446 p.
3. Bystrova E.A., Okuneva A.P., Shansky N.M. *Uchebnyy frazeologicheskij slovar' russkogoyazyka* [Educational phraseological dictionary of the Russian language]. L.: Education, 1984. 272 p.
4. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. M.: Ripol Classic, 2006.
5. Degot E. *Edaipit'e v russkoy literature* [Food and drink in Russian literature]. *Kommersant*.1996. No. 56. P. 13.
6. Dmitrovskaya M.A. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. M., 2014.No. 4, pp. 166–184.
7. Dmitrovskaya M.A., Ivanova E.T. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser: Philology, pedagogy, psychology]. Kaliningrad 2019. №1, pp. 51–60.
8. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Russia: heritage in the word. The world of man]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2000. 332 p.
9. Kononov N.M. *EGE v dva etapa* [Unified state examination in two stages]. Saratov. M.: Galeev-Gallery, 2012, pp. 114–128.

10. Kuznetsov A.S. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. St. Petersburg: Norint, 2001. 1534 p.
11. Kurbanov I.A., Kuchkildina O.V. *Vestnik ChGPU*. 2012. No. 11, pp. 273–288.
12. Kurenkova T.N. *Leksiko-semanticheskoe pole "Eda" v proizvedeniyakh N.V. Gogolya, A.P. Chekhova, M.A. Bulgakova* [The lexical-semantic field "Food" in the works of N.V. Gogol, A.P. Chekhov, M.A. Bulgakova]: Author. dis. ... cand. filol. sciences. Kemerovo, 2008. 248 p.
13. Kuchina T.G. *Poetika russkoy prozy kontsa XX – nachala XXI v: Pervolichnye povestvovatel'nye formy* [Poetics of Russian prose at the end of XX – beginning of XXI century: Primary narrative forms]: Author. dis. ... dr. filol. sciences. Yaroslavl, 2009. 45 p.
14. Lazareva E.A. *Slovoru: Baltiyskiy aktsent* [Slovoru: Baltic accent]. Kaliningrad 2016. N2, pp. 31–40.
15. Makovsky M.M. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: obrazmirai miry obrazov* [A comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images]. Moscow, 1996. 416 p.
16. Marushkina N.S. *Kontsept «Eda» v kontekste dialoga kul'tur* [The concept of "Food" in the context of a dialogue of cultures]. Ivanovo, 2014. 25 p.
17. Pavlov A.M., Ladoga M.A. *Kritika i semiotika*. 2006. N 9, pp. 78–91.
18. Rudakovskaya-Borisova E. *Semiotika pishchi v proizvedeniyakh Andrey Platonova* [Semiotics of food in the works of Andrei Platonov]. Tartu, 2005. 179 p.
19. Savelyeva O.G. *Kontsept «Eda» kak fragment yazykovoy kartiny mira: leksiko-semanticheskii i kognitivno-pragmaticheski yaspekty* [The concept of "Food" as a fragment of the linguistic picture of the world: lexico-semantic and cognitive-pragmatic aspects]. Krasnodar, 2006. 270 p.
20. Sepir E. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. M.: Progress, 1993, pp. 28–43.
21. Scriabin A.V. *Pis'mo k samomu sebe: O probleme kommunikatsii v kartine mira Nikolaya Kononova (na primere rasskaza «Amnezia Anastasii»)»* [A letter to oneself: On the problem of communication in the picture of the world of Nikolai Kononov (on the example of the story

- “Anastasia Amnesia”]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant]. Kaliningrad, 2013. N 2, pp. 135–140.
22. Toporov V.N. *Rasteniya. Mify narodov mira* [Plants. Myths of the peoples of the world]: in 2 vols. M.: Soviet Encyclopedia, 1980.
23. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. SPb.: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2004. 640 p.
24. Fomenko I.V., Minko O.N. *Imya teksta i imya v tekste* [Name of the text and name in the text]. Tver, 2004, pp. 103–113.
25. Fraser J. *Zolotaya vetv* [The Golden Branch]. M.: TERRA – book club, 1998. 831 p.
26. Freidenberg O.M. *Poetika syuzhetaizhanra* [Poetics of the plot and genre]. M.: Labyrinth, 1997. 299 p.
27. Shaposhnikov A.K. *Drevneegipetskaya kniga mertvykh. Slovo Ustremennogo k svetu* [The ancient Egyptian book of the dead. The word of the aspirant to the light]. M.: Eksmo, 2011. 368 p.
28. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M.: Fiction, 1990. 536 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Унгурьянова Елена Александровна, аспирант кафедры славяно-русской филологии Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
ул. Александра Невского, 14, г. Калининград, 236041, Российская Федерация
elena.lazareva-el@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Unguryanova Elena Alexandrovna, graduate student of the Department of Slavic-Russian Philology of the Institute of Humanities
Baltic Federal University
14, Alexander Nevsky Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation
elena.lazareva-el@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-301-311

УДК 81

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В ВУЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Фомиченко А.С.

***Актуальность исследования.** Машинный перевод широко используются в академической среде, так как сокращает время и усилия студентов. Тем не менее точность и качество переводов не соответствует академическим стандартам. Данная работа направлена на выявление особенностей использования машинного перевода студентами, а также определение позиции преподавателей относительно использования онлайн-переводчиков на занятиях по иностранному языку в высшем учебном заведении.*

***Цель исследования.** Целью исследования является выявление специфики использования студентами машинного перевода при работе с материалом на английском языке.*

***Методы.** Основу исследования образуют следующие методы: теоретический анализ зарубежных источников, обобщение, систематизация.*

***Результатом исследования** является подтверждение гипотезы о том, что машинный перевод может быть полезным инструментом для студентов высших учебных заведений при работе с материалом на английском языке при условии, что они способны критически оценивать и корректировать содержание полученной с помощью машинного перевода информации.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть применены в практике преподавания на занятиях по иностранному языку в высших учебных заведениях.*

***Ключевые слова:** машинный перевод; английский язык; студенты; преподаватели.*

**SPECIFICS OF HIGHER EDUCATION
STUDENTS' USE OF MACHINE TRANSLATION
(AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)**

Fomichenko A.S.

***Summary.** Machine translation is widely used in academic environments as it reduces students' time and effort. However, the accuracy and quality of translation does not meet the academic standard. This work is aimed at identifying the features of using machine translation by students, as well as determining the teachers' attitude to it.*

***The purpose of the study** is to identify the specifics of the use of machine translation by students while working with the English language material.*

***Methods.** The research is based on the following methods: theoretical analysis of foreign sources, generalization and systematization.*

***The result of the study** is confirmation of the hypothesis that machine translation can be a useful tool for students of higher education institutions while working with the English language material, provided that they are able to critically evaluate and correct the content of the information obtained with the help of MP.*

***The results obtained** can be applied in teaching practice and used in foreign language classes in higher education institutions.*

***Keywords:** machine translation; English language; students; teachers.*

Несколько десятилетий назад дискуссия о распространенности машинного перевода (МП) казалась почти немислимой. Так, например, в 2001 г. Стэнфордский профессор М. Кей отмечал значительный прогресс МП за последние 40 лет, и перспектив, по его мнению, на следующие 40 лет как таковых не было [15].

Подобной точки зрения придерживались многие зарубежные ученые вплоть до дебюта Google Translate (GT). Сегодня спустя десятилетия после этих пессимистичных прогнозов рынок сатрфонов взорвался приложениями для переводов, с помощью которых

можно сфотографировать текст и перевести его на месте. В итоге перевод стал неотъемлемой частью коммуникации в личной и академической жизни многих людей [3; 7].

Считается, что МП оказывает огромное влияние на обучение английскому языку [9]. Однако не все так однозначно. Анализ зарубежной теоретической литературы по проблеме использования машинного перевода в изучении английского языка продемонстрировал существование различных точек зрения по этому вопросу, как у студентов, так и у преподавателей [5; 8; 12].

Так, например, в опросе, проведенном А. Ниньо, 75% студентов считают, что МП является полезным языковым инструментом, а 81% заявили, что МП способствовал улучшению их знания языка [12]. В результате исследования Дж. Клиффорд и др. было обнаружено, что 88% студентов хотя бы изредка в учебе использовали МП, из них иногда – 39%, часто – 32%, редко – 17% и только 12% респондентов указали, что никогда не пользовались МП. Отметим, что большинство пользователей МП (81% респондентов) используют GT в качестве инструмента, помогающего им в изучении языка, 33% студентов считают GT инструментом, без которого они не могли бы жить [5].

Обратим внимание, что некоторые исследования, которые приводят доводы в пользу использования МП в процессе обучения языку в учебном контексте, начинают с предположения, что МП отвлекает от изучения языка, но его использование студентами неизбежно, и вместо того, чтобы брать во внимание только возможные злоупотребления этим относительно новым электронным инструментом, следовало бы изучить его на предмет потенциально положительных применений. Студенты должны научиться общаться на английском языке, в этом смысле использование машинного перевода излишне, т.к. ввод текста и МП не подразумевают ни коммуникативную деятельность, ни анализ языка. Тем не менее, результаты зарубежных исследований указывают на широкое использование МП в процессе выполнения домашнего и письменных заданий [16, p. 566–567].

В частности, при анализе целей использования МП было выявлено, что студенты чаще всего используют его для перевода с

английского языка на родной (96%). Кроме того, высокий коэффициент использования отмечался и для следующих грамматических и стилистических категорий: лексика (91%), идиоматические выражения (36%), переходные слова или соединения (31%), глаголы времени (29%) и порядок слов (20%). Добавим, что студенты использовали МП для работы с отдельными словами или маленькими абзацами для перевода отдельных слов (89%), коротких фраз меньше 5 слов (62%), полных предложений (16%) и коротких абзацев (7%). Примечательно, что студенты указали на тенденцию иногда или редко использовать МП для следующих задач: чтение, домашние задание по грамматике, домашние письменные задания, сочинения [5].

Из вышесказанного следует, что студенты используют МП в качестве словарей, а также для двойной проверки того, что они написали на английском языке.

Интересны, на наш взгляд, и результаты исследований, демонстрирующие осведомленность студентов относительно ограничений в отношении точности МП. Так, было выявлено, что 91% пользователей обнаружили ошибку при использовании МП. При этом 74,91% студентов указали, что МП эффективен только при переводе отдельных слов [1].

При оценивании общей надежности переводов, созданных с помощью МП, большинство респондентов охарактеризовали их как очень надежные (63,52%) и надежные (55,81%), значительно меньше как ненадежные (28,13%) и очень ненадежные (6,35%) [1]. Все причины, объясняющие способы обнаружения ошибок в МП, условно можно разделить на три группы: знание английского языка; получаемый результат не соответствует тексту оригинала; получаемый результат не соответствует тому, что было изучено на уроке (см. Таблицу 1).

Данной точки зрения придерживается и группа ученых (С. Кол, М. Сколник, Е. Спектор-Кохен, 2018), которые в своей работе предположили, что МП может быть полезен для студентов, если его результаты оцениваются критически и корректируются [10].

Таблица 1.

Причины, объясняющие, как студенты обнаружили ошибки в МП

Группы причин	Примеры, приведенные студентами
Знание английского языка	– «Я знаю, какие фразы должны быть, и они не совпадают». – «Основываясь на моем знании языка, я могу обнаружить ошибки в спряжениях глаголов и других грамматических областях».
Получаемый результат не соответствует тексту оригинала	– «Это не обязательно ошибка, она просто не полностью соответствует тому, чему нас учили в классе или то, что написано в учебнике».
Получаемый результат не соответствует тому, что было изучено на уроке	– «МП перевел что-то другое чем то, чему меня учили в классе». – «Я знал, что это ошибка, так как изучал ранее». – «Размещение слов отличалось от ранее преподаваемого порядка слов в классе».

В результате исследования было выявлено, что при оценке письменных заданий с точки зрения грамматической точности значимых различий не было (93,2 балла без МП и 93,4 с МП). При сравнении среднего количества слов в письменном задании было обнаружено, что студенты написали значительно больше слов при использовании МП ($t = -2.04947$. $p = .023348$ при $p < .05$). Кроме того, было установлено, что средний балл за первое письменное задание (без МП) составил 8,6, а для второго задания (с МП) – 10,3. При сравнении двух средних значений оказалось, что при использовании МП предложения были более распространенные ($t = -2.71851$. $p = .004745$ при $p < .05$) [10].

В ходе эксперимента слова в текстах, написанные студентами, были разделены на три группы: К1 – первые 1000 наиболее часто используемых слов в английском языке; К2 – следующие 1000 наиболее часто используемых слов; AWL - академический список слов (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

**Средний процент словарного профилирования
(% слов в каждой группе от общего числа слов в тексте)**

	К1	К2	AWL
Задание 1 (без МП)	89.1	2.9	4.6
Задание 2 (с МП)	79.0	5.0	5.9

Из Таблицы 2 видно, что при использовании МП в письменном задании студентов улучшился запас слов, т.е. К1 слов уменьшилось, в то время как слова К2 и AWL увеличились. Для сравнения были проведены t-тесты. Так, между первым и вторым письменными заданиями были выявлены существенные различия для всех трех групп слов. Для К1, $t = 8.60713$. $p < .00001$ (при $p < .05$), что означает, что студенты использовали меньше основных слов при написании с МП. Для К2, $t = -4.78664$. $p < .00001$ (при $p < .05$), демонстрируя, что студенты используют больше слов из второй группы при написании с МП. Для AWL, $t = -2.18186$. $p = .017133$ (при $p < .05$), показывая, что студенты использовали больше академических слов при написании с МП [10].

Из вышесказанного следует, что количество лексических единиц, используемых студентами при написании письменных заданий с МП, К2 и AWL значительно выросло, а количество слов К1 уменьшилось.

Приведенные данные демонстрируют, что студенты при использовании МП в процессе выполнения письменных заданий написали значительно больше слов. Это не свидетельствует о том, что слова стали частью их продуктивного словарного запаса, но не исключает возможности, что со временем респонденты его расширят, т.к. известно, что качество академического письма значительно сильно зависит от использования академической лексики [11].

Не менее интересна позиция преподавателей относительно использования МП в процессе изучения английского языка в высшем учебном заведении.

Так, согласно А. Ниньо, 23% преподавателей использовали МП на своих занятиях. В то же время 30% педагогов, которые не использовали МП, говорили, что они готовы к этому в ближайшем будущем. Примечательно, что в своей работе А. Ниньо изучал не только особенности восприятия преподавателями использования МП среди своих студентов, но и понимание отношения преподавателей к новым инструментам перевода [12].

Для определения отношения преподавателей к данной проблеме, респондентам в ходе проведения эксперимента был задан во-

прос: «Является ли мошенничеством использование студентами МП?» Так, 42% процента ответили «да», 37% выбрали другую категорию, а у 21% опрошенных ответом было «нет». Некоторые педагоги также упомянули, что они считают обманом, когда после использования МП студенты представляли работу как свою собственную. Кроме того, 77% преподавателей выбрали вариант «не одобряю» или «сильно не одобряю» на вопрос об использовании студентами МП; 23% выбрали вариант «не одобряю, но и не осуждаю». Стоит отметить, что ни один педагог не выбрал ответ «одобряю» или «полностью одобряю» при ответе на вышеуказанный вопрос [12].

В ходе опроса преподавателей иностранных языков в региональном шведском университете, проведенного в 2012 г., 66% респондентов заявили, что предпочли бы, чтобы их студенты не использовали МП при выполнении письменных заданий. Тем не менее, все преподаватели согласились с тем, что при условии использования студентами МП, им понадобятся хорошие языковые навыки для редактирования результатов [10].

В 2013 г. исследовательская группа Университета Дьюка изучила отношение преподавателей к проблеме использования студентами МП в процессе изучения английского языка. Было определено, что 77% респондентов не одобряли использование машинного перевода студентами. 84% педагогов, обучающихся новичков, считали, что МП не является полезным инструментом. Тем не менее, 54% преподавателей, работающих со студентами, владеющими английским языком на продвинутом уровне, придерживались точки зрения, что МП полезен для освоения языка. В то же время 42% педагогов считали, что использование МП в письменных заданиях является мошенничеством [6].

Особо отметим отношение преподавателей к личному использованию МП в академических или неакадемических целях. Анализ полученных материалов отчетливо показывает, что только 5% преподавателей использовали МП в академических целях и 7% в неакадемических (см. Таблицу 3).

Таблица 3.

**Частота использования МП преподавателями
в академических и неакадемических целях**

Частота использования МП	Использование МП в академических целях	Использование МП в неакадемических целях
Часто	5%	7%
Нечасто	40%	53%
Никогда	56%	40%

На вопрос о том, как часто преподаватели разговаривают со своими студентами об использовании МП в академических целях, 72% ответили, что не реже одного раза в семестр, 19% – в зависимости от ситуации и 9% сообщили, что никогда. Некоторые из респондентов объясняли, что никогда не думали, что это актуальная тема для беседы [12].

Особый интерес представляют и данные относительно особенностей восприятия преподавателями уровня полезности МП в процессе изучения языка. Так, 7% преподавателей ответили, что это «полезно», 33% – «бесполезно» и 60% выбрали вариант «зависит от ситуации». Анализ результатов, полученных при исследовании, полезен ли МП в процессе изучения языка в зависимости от уровня владения им, показывают, что преподаватели рассматривают инструменты машинного перевода как нечто бесполезное или непригодное для изучения языка (см. Таблицу 4.).

Таблица 4.

**Уровень полезности МП в процессе изучения языка
на начальном, среднем и продвинутом уровнях**

Уровень полезности МП	Начальный уровень	Средний уровень	Продвинутый уровень
Бесполезный	59%	40%	18%
Немного бесполезный	15%	33%	28%
Немного полезный	12%	18%	31%
Полезный	15%	10%	21%
Очень полезный	0%	0%	3%

Однако обратим внимание на то, что для студентов с более продвинутым уровнем владения языком педагоги рассматривают использова-

ние МП как более полезный инструмент (см. Таблицу 4). Таким образом, результаты опроса подтверждают и ранее выдвинутые гипотезы относительно того, что МП возможно эффективно использовать лишь в тех случаях, когда студенты достаточно хорошо владеют английским языком и способны видеть ошибки и учиться на них [12].

Приведенные данные демонстрируют неоднозначность в восприятии преподавателями роли МП в процессе изучения английского языка. С одной стороны, преподаватели рассматривают МП как вид мошенничества или как непригодный для изучения языка инструмент; некоторые педагоги опасаются, что МП будет способствовать устранению программ для изучения иностранного языка. С другой стороны, преподаватели предполагают большую интеграцию МП в процессе изучения английского языка и требуют признания существования подобных инструментов перевода [12].

К. Бейкер предполагает, что «использование онлайн-переводчиков также может рассматриваться как форма языковой социализации» [2, р. 6]; М. Пена утверждает, что МП помогает студентам начального уровня работать с большим количеством текстов и больше взаимодействовать с английским языком [13]; М. Кейс также указывает на полезность МП для представления аутентичных языковых материалов студентам начального и среднего уровня [4]; Л. Уильямс в свою очередь считает, что использование МП может «заставить студентов думать о языке как инструменте коммуникации, а не как о наборе слов или словосочетаний» [16, р. 574].

Итак, растущий интерес к роли, которую МП играет в зарубежной языковой среде – это естественная реакция на изменения в обществе, которое становится все более глобализированным, и где языки играют важную роль. Как следствие растущего мультикультурализма, применение машинного перевода студентами является актуальным вопросом, обсуждаемым в академической среде.

Теоретический анализ зарубежных источников по данной проблеме демонстрирует, что студенты регулярно используют МП чтобы найти слова, перевести задания и перепроверить свою работу. Студенты воспринимают МП как нечто полезное в изучении языка, осо-

бенно в плане расширения своего словарного запаса. Преподаватели, в свою очередь, скептически относятся к положительному влиянию МП на изучение английского языка. Они считают, что при использовании МП в качестве словаря для поиска отдельных слов студенты упускают возможность узнавать о нюансах и альтернативах перевода, предлагаемых более традиционными словарями. Однако некоторые из преподавателей все же прогнозируют интеграцию МП в процессе изучения иностранного языка и, как следствие, появление запроса на признание существования таких инструментов перевода.

Список литературы / References

1. Alhaisoni E., Arabia S. An Investigation of Saudi EFL University Students' Attitudes towards the Use of Google Translate. *International Journal of English Language Education*. Vol. 5. No. 1. 2017, pp. 72–82.
2. Baker C. Student and instructor perceptions of the use of online translators in English composition. Mississippi State University. 2013. 31 p.
3. Anderson D. Machine translation as a tool in second language learning. *CALICO Journal* Vol. 13. No. 1. 2013, pp. 68–97.
4. Case M. Machine Translation and the Disruption of Foreign Language Learning Activities. *eLearning Papers*. No. 45. 2015, pp. 4–16.
5. Clifford J., Merschel J., Munne D. Surveying the Landscape: What is the Role of Machine Translation in Language Learning? *@Tic Revista D'Innovació Educativa*. No. 10. 2013, pp. 108–121.
6. Clifford J., Merschel J., Munne D., Reisinger D. The Elephant in the Room: Machine Translation in Language Learning at Duke University. 2013. URL: <http://cit.duke.edu/wp-content/uploads/2013/04/Elephant-in-the-Room1.pdf> (дата обращения 3.02.2020).
7. Corness P. The ALPS computer-assisted translation system in an academic environment. *Translating and the Computer*. No. 7. 1985, pp. 118–127.
8. Garcia I., Pena M. Machine translation-assisted language learning: writing for beginners. *Computer Assisted Language Learning*. Vol. 24. No. 5. 2011, pp. 471–487.
9. Groves M., Mundt K. Friend or foe? Google Translate in language for academic purposes. *English for Specific Purposes*. No. 37. 2015, pp. 112–121.

10. Kol S., Schcolnik M., Spector-Cohen E. Google Translate in Academic Writing Courses? *The EUROCALL Review*. Vol. 26. No. 2. 2018, pp. 50–57.
11. Nation I.S.P. *Learning Vocabulary in Another Language*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 477 p.
12. Niño A. Machine translation in foreign language learning: Language learners' and tutors' perceptions of its advantages and disadvantages. *CALL*. Vol. 21. No. 2. 2009, pp. 241–258.
13. Pena M.I.C. The Potential of Digital Tools in the Language Classroom. *International Journal of the Humanities*. Vol. 8. No. 11. 2011, pp. 57–68.
14. Somers H. Machine translation in the classroom. In H. Somers (Ed.), *Computers and Translation. A translator's guide* Vol. 35. 2003, pp. 319–340.
15. Youngblood R. Ambiguities Hinder Translation by Computer: Language vs. Machine. *New York Times*. 2001. URL: <http://www.nytimes.com/2001/03/05/business/worldbusiness/05iht-itmt.2.t.html> (дата обращения 3.02.2020).
16. Williams L. Web-based machine translation as a tool for promoting electronic literacy and language awareness. *Foreign Language Annals*. Vol. 39. No. 4. 2006, pp. 565–578.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Фомиченко Анна Сергеевна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат психологических наук
*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Российская Федерация
anzitadel@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fomichenko Anna Sergeevna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Psychology
*Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
anzitadel@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8236-610X*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА XIX В. Буданова Н.А.	14
ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Вержинская И.В., Николаева Д.И.	25
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБОБЩЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ОБ ЭГОЦЕНТРИЗМЕ Вильчик М.К.	38
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАГОЛОВКОВ В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ Головина А.А.	57
(НЕ)АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БАСКСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (БАСКО-ИБЕРИЙСКАЯ И ВАСКОНСКАЯ ГИПОТЕЗЫ) Кирчанов М.В.	79
ДИНАМИКА ПРОЦЕССА ДИСТИНКТНОСТИ В СИНТАКСИСЕ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЗАВТРА») Косякова Я.С.	105

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. ДЖОНСОНА И Д. КОРБИНА)	
Ладонина Н.А.	123
ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ БИОГРАФИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА	
Лямзина С.А.	135
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В РАЗРЯДЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА	
Мингазова Н.Г.	148
ДОСТИЖЕНИЕ ТОЧНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ЭМИЛИ ДИКИНСОН)	
Мосолкова (Костицына) М.Г., Марданшина Р.М., Калганова Г.Ф.	159
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ АРАБСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ	
Набиуллина В.Р.	168
СТАНОВЛЕНИЕ СУБСУФФИКСА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА <i>-SUCHT</i>	
Нарыкова Н.А., Хатагова С.В., Перепелицына Ю.Р.	181
ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА НАЧАЛА XX В.: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ Л. АНДРЕЕВА В СБОРНИКЕ «В СЕЙ ГРОЗНЫЙ ЧАС» (1914–1916)	
Нестерова Т.А., Нестерова А.А.	191
РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ	
Осетрова М.О.	207

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА Песина С.А., Баклыкова Т.Ю.	218
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАИМЕНОВАНИЯМИ НАСЕКОМЫХ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ Полякова Е.А.	232
К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ СОЧЕТАНИЯ «VE + PARTICIPLE I» В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Соколова А.Ю.	252
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИФОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РИКА РАЙОРДАНА Темкина В.Л., Мухамедвалиева А.Ш.	265
ОСОБЕННОСТИ РАЗРУШЕНИЯ «ЧЕТВЁРТОЙ СТЕНЫ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОНАТАНА СТРАУДА Тильки А.Ю.	274
КОНЦЕПТ 'ЕДА' В РАССКАЗЕ НИКОЛАЯ КОНОНОВА «ЕГЭ В ДВА ЭТАПА» Унгурьянова Е.А.	281
СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В ВУЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Фомиченко А.С.	301
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	312

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE NINETEENTH CENTURY MEDICAL TEXT Budanova N.A.	14
INTELLECTUAL EXPRESSION INTENSIFIERS IN POPULAR SCIENTIFIC LITERATURE TRANSLATION TEXTS Verzhinskaya I.V., Nikolaeva D.I.	25
LEXICAL AND SEMANTICAL REPRESENTATION OF SYNTHETIC OVERVIEW OF EGOCENTRISM FROM THE POSITION OF AMERICAN LANGUAGE CULTURE BEARERS Vilchik M.K.	38
USE OF HEADINGS IN THE COMMUNICATION STRATEGIES IMPLEMENTATION AS IN THE CASE OF POLITICAL DEBATES Golovina A.A.	57
(NON)ACADEMIC LINGUISTIC THEORIES AS A DEVELOPMENT FACTOR OF BASQUE ETHNIC NATIONALISM (BASQUE-IBERIAN AND VASCONIC HYPOTHESES) Kyrchanoff M.W.	79
DYNAMICS OF THE DISTINCTION PROCESS IN THE SYNTAX OF MODERN NEWSPAPERS HEADINGS (ON THE MATERIAL OF THE ELECTRONIC NEWSPAPER ZAVTRA) Kosyakova Y.S.	105

NEGATIVE POLITENESS STRATEGY IMPLEMENTATION IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF SPEECHES BY B. JOHNSON AND D. CORBYN) Ladonina N.A.	123
LANGUAGE AND SPEECH BIOGRAPHY AS ONE OF THE FACTORS FORMING A LANGUAGE PERSONALITY AND MENTAL LEXICON Lyamzina S.A.	135
THE ARABIC NUMERALS AS A CATEGORY OF THE CERTAIN QUANTITY Mingazova N.G.	148
ON ACHIEVING ADEQUACY AND EQUIVALENCE IN TRANSLATION DISCOURSE FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (AS BASED ON WORKS BY EMILY DICKINSON) Mosolkova (Kostitsyna) M.G., Mardanshina R.M., Kalganova G.F.	159
FUNCTIONAL TYPES OF THE ARABIC AND ENGLISH NEWSPAPER HEADLINES Nabiullina V.R.	168
FORMATION OF A GERMAN SUBSUFFIX <i>-SUCHT</i> Narykova N.A., Khatagova S.V., Perepelitsyna Y.R.	181
MILITARY JOURNALISM AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: LINGUISTIC FEATURES OF L. ANDREEV'S JOURNALISTIC ARTICLES IN AT THIS TERRIBLE HOUR (1914–1916) Nesterova T.A., Nesterova A.A.	191
RHETORICAL QUESTIONS AS A WAY OF REALIZING PERSUASIVE STRATEGY IN COURT DISCOURSE Osetrova M.O.	207

PECULIARITIES OF AUDIOVISUAL TEXT TRANSLATION Pesina S.A., Baklykova T.Yu.	218
A COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NAMES OF INSECTS IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES Polyakova E.A.	232
TO THE QUESTION OF THE “BE + PARTICIPLE I” CONSTRUCTION GRAMMATICALIZATION IN THE HISTORY OF THE ENGLISH LANGUAGE Sokolova A.Yu.	252
PECULIARITIES OF MYTHOLOGISM IN RICK RIORDAN’S WORKS Temkina V.L., Muhamedvalieva A.S.	265
THE PECULIARITIES OF DESTRUCTION OF “THE FOURTH WALL” IN THE WORKS OF JONATHAN STROUD Tilki A.Y.	274
THE CONCEPT ‘FOOD’ «IN TWO-STAGE UNE» A STORY BY NIKOLAI KONONOV Ungurianova E.A.	281
SPECIFICS OF HIGHER EDUCATION STUDENTS’ USE OF MACHINE TRANSLATION (AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL) Fomichenko A.S.	301
RULES FOR AUTHORS	312

Подписано в печать 31.03.2020. Дата выхода в свет 31.03.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 23,08. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP121/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.